

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Арчибальд
Кронин

БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ
ГОДЫ

ГРАН-КАНАРИЯ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Арчибальд Кронин

**Блистательные
годы. Гран-Канария**

«Азбука-Аттикус»

1933, 1940, 1960

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кронин А. Д.

Блистательные годы. Гран-Канария / А. Д. Кронин — «Азбука-Аттикус», 1933, 1940, 1960 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22374-5

Арчибальд Джозеф Кронин (1896–1981) родился в Шотландии, окончил Университет Глазго, работал врачом в Южном Уэльсе и Лондоне. Но его истинным призванием стала литература, которой он посвятил себя после оглушительного успеха своего первого романа «Замок Броуди». Из других книг А. Кронина наиболее известны «Звезды смотрят вниз», «Цитадель», «Юные годы», «Путь Шеннона», «Ключи Царства», «Памятник крестonosцу», «Три любви». Самые яркие романы принадлежат к числу бестселлеров, разошедшихся огромными тиражами по всему миру; по мотивам произведений Кронина создано более 30 экранизаций. Но нельзя сказать, что, оставив врачебную практику, Арчибальд Кронин навсегда распрощался с медициной. Эта профессия, связанные с ней проблемы и вызовы времени всегда будили творческое воображение писателя, поэтому главным героем его книг часто становился талантливый и целеустремленный врач – тот, кому автор мог передать свои идеи, взгляды, искания. Одержим любимой работой Дункан Стирлинг, герой повести «Блистательные годы». Несмотря на искаленную руку, он полон решимости добиться мировой славы на медицинском поприще. Мечтает об этом и Харви Лейт («Гран-Канария»). Одаренный врач и исследователь, уверенный, что его открытие совершит переворот в науке, он терпит жестокую неудачу и отправляется на Канарские острова, чтобы начать все с нуля... В небольшой повести «Местный доктор» рассказана романтическая и захватывающая история врача Роберта Мюррея и медсестры Мэри, прибывших на отдаленный карибский остров накануне зловещих событий... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22374-5

© Кронин А. Д., 1933, 1940, 1960
© Азбука-Аттикус, 1933, 1940, 1960

Содержание

Блистательные годы	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	28
Глава 13	29
Глава 14	32
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	37
Глава 18	38
Глава 19	40
Глава 20	41
Глава 21	43
Глава 22	44
Глава 23	46
Глава 24	48
Глава 25	49
Глава 26	50
Глава 27	52
Глава 28	54
Глава 29	55
Глава 30	56
Глава 31	58
Глава 32	59
Глава 33	61
Глава 34	63
Глава 35	64
Глава 36	66
Глава 37	67
Глава 38	69
Глава 39	70
Глава 40	72
Глава 41	75
Глава 42	76
Глава 43	78
Глава 44	80
Глава 45	81

Глава 46	82
Глава 47	84
Глава 48	86
Глава 49	87
Глава 50	88
Глава 51	90
Глава 52	92
Глава 53	93
Глава 54	95
Глава 55	96
Глава 56	98
Глава 57	100
Глава 58	101
Глава 59	103
Глава 60	104
Глава 61	105
Глава 62	107
Глава 63	108
Глава 64	110
Глава 65	112
Глава 66	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Арчибальд Кронин
Блистательные годы. Гран-Канария
(Роман и две повести)

© И. Ю. Куберский, перевод, 2023

© Э. А. Несимова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Блистательные годы (Повесть)

Глава 1

Он увидел ее наверху, на склоне поляны, когда было уже слишком поздно поворачивать назад. Подхватив покрепче здоровой рукой тяжелую корзину с рыбой, он решительно зашагал вниз по течению. Но ее собаки учуяли его пса.

– Дункан! Привет, Дункан!

Оклик остановил его, и он обернулся. Она прекрасно выглядела в своей короткой твидовой юбке и грубых башмаках, ее мягкие волосы блестели в косых лучах солнца.

– Ты что это?! – Ее слова прозвучали как упрек и выговор за попытку бегства.

– Маргарет! – Он даже не стал оправдываться. – Я просто тебя не заметил.

Она вызывающе улыбнулась, положив руки на трость-сиденье и не отрывая взгляда от его странной фигуры, в потрепанной одежде, – квадратный лоб, глубоко посаженные глаза человека-одиночки.

– Доктор Овертон ловит рыбу. Я пришла встретиться с ним. Ты его не видел?

Он молча покачал головой, и она рассмеялась:

– Ты не очень-то разговорчив, Дункан, для парня, с которым я ходила в школу. Небось ты только и думаешь, что о своем новом грандиозном назначении!

Он едва удержался от того, чтобы не поморщиться, и кивнул в знак согласия:

– Да, и правда повезло.

– Ты еще не получил его, – словно поддразнивая, продолжала она. – Еще надо дождаться собрания сегодня вечером. – Помолчав, она смягчила тон. – Вот что принесет тебе удачу. Нашла, пока на холм поднималась.

И она протянула веточку раннего белого вереска.

– Спасибо, Маргарет.

Его голос дрогнул, когда он взял веточку левой рукой и сунул в карман пальто.

В этот момент снизу раздался чей-то возглас. Вверх по берегу реки, приветственно помахав удочкой, взбирался Овертон. Он приблизился. После короткого подъема на его красивом, с аккуратными чертами, лице выступила испарина.

– Ну ты и негодница, Маргарет! Целых два часа тебя ищу. Как можно было бросить своего уважаемого гостя?

Затем, словно только увидев Дункана, он кивнул ему:

– Добрый вечер, Стирлинг. Как улов?

– Ничего такого, – с мгновенно возникшей неприязнью ответил Дункан. Этот самовлюбленный выскочка, которого Дункан в школьные годы превосходил по всем предметам, по-прежнему относился к нему свысока.

– То есть совсем ничего?

Доктор Овертон заглянул в корзину Дункана и невольно воскликнул:

– Господи! Что это? Тут на пять-шесть фунтов. А у меня и на один нету.

– Хочешь форели?

– Почему бы нет! – Овертон радостно крутанулся на месте. – Я бы с удовольствием.

– Бери все, – повеселел Дункан.

– Ну, приятель, это очень щедро с твоей стороны. Ты уверен?

– Абсолютно. Я всегда могу себе наловить сколько угодно.

Как Дункан ни старался, он не смог скрыть ноток презрения в голосе, но Овертон, занятый перекладыванием крапчатой рыбы в свою корзину, не обратил на это внимания.

Затем, хохотнув, он повернулся к Маргарет:

– С удовольствием посмотрю на лицо твоего отца, когда он увидит, что я принес.

– Но, Йэн, не ты их поймал, – мягко возразила Маргарет.

– В любви и на рыбалке все средства хороши. – Он многозначительно посмотрел на нее.

Дункан переминался с ноги на ногу в промокшей обуви:

– Мне пора.

Он свистнул Расту, который лежал, свернувшись, в низком папоротнике. Когда Раст выбежал навстречу, Овертона вдруг осенило.

– Это тот самый пес? – спросил он.

– Тот самый.

– Да, ты потрудился.

Маргарет содрогнулась при воспоминании:

– После того, как на него наехал грузовик, его должно было разорвать на части!

– Так и было, – тихо ответил Дункан. – Но каким-то образом они снова срослись.

– Тебе следует специализироваться на пазлах, – усмехнулся Овертон и перевел разговор на другую тему. – Ну, я, вероятно, больше тебя не увижу. В следующий четверг я должен вернуться в университет из-за конкурса Локхарта.

– На социальные стипендии? – спросил Дункан.

– Они самые. – Овертон принял важный вид. – Головная боль для преподавателей Сент-Эндрюса! Каждую весну возишься с семьями претендентов на профессию врача.

– Интересно, справишься ли ты с этой головной болью!

Слова были произнесены так тихо, что горечь, стоявшая за ними, осталась незамеченной. И в следующее мгновение Дункан, глянув на Маргарет, приподнял шляпу и двинулся в обратный путь.

– Странный тип, да, Мардж? – глядя вместе с нею ему вслед, сказал Овертон.

– Ты тоже был бы странным, – улыбнулась она, – если бы у тебя было такое увечье, мой дорогой.

Всю долгую дорогу до города Дункан с тоской представлял себе, как Маргарет и Овертон вместе идут в Стинчар-Лодж, к дому отца Маргарет, полковника Скотта. Вот большой зал с пылающим камином. Слуга в темно-зеленой ливрее вносит чай. Когда появляется отец Овертона – Честный Джо Овертон, подрядчик и основатель железорудной компании, самый богатый человек в Ливенфорде, – Маргарет наполняет чашки из чайника, а молодой Овертон разносит их и хвастается своим внушительным уловом.

Йэн Овертон всегда умел произвести выгодное впечатление. Единственный сын Честного Джо, избалованный папашей, он, ощущая за спиной немалое состояние, был самоуверен и высокомерен. В его манере общения было много напускного, говорившего об отсутствии должного воспитания, что он умело скрывал под обезоруживающей улыбкой.

Дункан со стыдом вспоминал, как часто он исподтишка заглядывал в окна этого самого зала, когда много лет назад доставлял продукты в большой дом Овертонов. Он действительно учился вместе с Маргарет, но школы этих северных городков равно принимали как хорошенькую дочь землевладельца, так и сына уборщицы, калеку.

Он добрался до неказистого Ливенфорда, городка, раскинувшегося между грязным устьем реки и сталелитейным заводом по обе стороны от железнодорожной станции, и наконец свернул на убогую и узкую улочку, где все, включая запахи, говорило о нищете. Как хорошо он ее знал!

Дункан остановился у темного бокового входа, поднял щеколду на двери и вошел в свой дом. Здесь, в отличие от внешнего мира, царили чистота и покой.

Его отец сидел в своем углу в маленькой, освещенной газовой лампой комнате, на редкость трезвый. В течение последних десяти дней, в честь предстоящего великого события, Длинный Том Стирлинг мучительно соблюдал воздержание.

– Вернулся, – осторожно заметил он, держа в ладонях чашечку курительной глиняной трубки. – Мать в гостиной накрывает на стол.

Мужчины переглянулись – это была мимолетная и неуловимая искра взаимопонимания. Длинный Том Стирлинг был городским бездельником. Городским пьяницей. Тридцать лет назад это был довольно бойкий молодой человек, служивший клерком городского совета, потом школьным вахтером, потом смотрителем в Ливенфорд-холле. Теперь его длинная, худая, изможденная фигура маячила возле ступенек гостиницы «Красный лев» и у бара внутри. Уже четверть века как он нигде не работал. И все же единственный сын любил его.

– Сегодня тебя ждет откормленный теленок, – прошептал Длинный Том. – Я уже много лет не видел мать такой взбудораженной.

Дункан мрачно уставился на мерцающий огонь в камине, ясно представив себе свое будущее, где не было ни надежд на другую жизнь, ни путей к спасению. Услышав внезапный шорох, он обернулся и увидел, что в дверях стоит мать и пристально смотрит на него.

– Твой синий костюм отглажен, Дункан, он на кровати у тебя наверху. И я положила чистую накрахмаленную рубашку и воротничок. Ты должен быть в лучшем виде сегодня вечером.

– В лучшем виде!

Он не мог скрыть своего гнева.

Она поджала губы, но ничего не ответила. Было странно, насколько даже молча она доминировала в комнате. Марта Стирлинг, маленькая женщина в черном поношенном платье, с бледным лицом, покрытым глубокими морщинами. Ее сцепленные под лифом руки были красными, покрытыми шрамами и узлами вен. Они красноречиво свидетельствовали о двадцати пяти годах тяжелого труда, бесконечной чередке тазов и ведер мыльной воды, вымытых полов, тысячи стирок, катаний и отбеливаний белья, благодаря чему она истово, неукротимо, благочестиво поддерживала непутевого мужа и воспитывала любимого сына.

– Когда вернешься, я угощу тебя хорошим ужином. – Вместо суровых ноток в ее голосе прозвучали нежность к сыну и гордость за него. – Думаю, ты это заслужил.

Неожиданно его прорвало. Он говорил быстро, с безрассудной настойчивостью отчаяния:

– Мне трудно в этом признаваться, мама, но я должен сказать тебе – я не хочу претендовать на эту должность.

– Это почему?

Ее вопрос прозвучал, как удар хлыста.

– Потому что я ненавижу такую работу!

– Ненавидишь такую работу? – словно не веря своим ушам, повторила мать.

– Да, она мелкая и бесполезная. Это тупик. Если я соглашусь, я застряну на всю жизнь!

– Прекрати! – резко выдохнула она. – Как это грустно слышать, когда так несправедливо отзываются о должности секретаря Совета! Кем же тогда ты хочешь работать, в самом деле?

– Ты знаешь, о чем я всегда мечтал! – ответил он со всей страстью.

Лицо ее озарилось догадкой, но она не утратила самообладания. Она заговорила с жалостью, словно чтобы пробудить его от глупого ребячьего сна:

– Мой бедный Дункан! Я думала, ты навсегда выбросил эту чушь из головы. Не забывай о своем положении в жизни. Мы бедные рабочие люди. И даже если бы у нас были деньги на то, на что ты считаешь... – В ее голосе прозвучало глубокое сожаление. – Я знаю, что для тебя лучше, сын мой. Все эти годы я работала и молилась, чтобы однажды ты мог занять

почетное положение, которого твой отец-неудачник так и не добился. И теперь, похоже, все сбудется.

Мотнув головой, она закрыла эту тему:

– Иди наверх и переоденься, сынок. Тебе не стоит опаздывать.

Он промолчал, остановив рвущийся из него поток возражений и просьб. В конце концов, разве она не права? Чего он мог добиться, будучи ограниченным в средствах и физической форме? Он повернулся и пошел наверх.

Там, на принадлежавшем ему чердаке, он бросил взгляд на учебники, которые он так старательно, так бесплодно изучал каждый день до полуночи. Горячие жгучие слезы подступили к его глазам.

Глава 2

Сидя на жесткой скамье в приемной зала Совета, Дункан слышал обыденные голоса, и горечь в нем росла.

Какое имело значение его отчаянное, неутолимое честолюбие? Какое имели значение его собственные способности, которые он чувствовал глубоко внутри, его скрытый дар, который мотивировал каждую мысль, каждое устремление его жизни? Он знал, что обладает редким талантом. Раст, раздавленный пес, вернулся к жизни под его рукой. Однажды во время игры его одноклассник вывихнул плечо. Дункан живо вспомнил, как вправлять вывих, и несколькими движениями здоровой руки привел в чувство кричащего от боли парня.

Дверь открылась. Тодд, привратник, подал знак.

Сквозь пелену табачного дыма Дункан увидел советников за длинным дубовым столом, почувствовал, как их взгляды устремились на него. Председательствовал на Совете отец Маргарет, полковник Скотт, и его взгляд был добрым. Там сидели Троуп, владелец похоронного бюро, Леггат, адвокат, Симпсон, пастор – ничтожества из маленького городка. Но последний член Комитета ничтожеством не был. Это был Честный Джо Овертон, магнат, опора церкви, сделавший себя сам, чьи промышленные подвиги привели к захвату половины окружающих сельских угодий. И когда Дункан выдержал скрытый, оценивающий взгляд этого предпринимателя, он понял, что это его враг.

Первым заговорил полковник Скотт. Он улыбнулся Дункану в знак поддержки:

– Рад видеть тебя здесь, Стирлинг... Что ж, джентльмены, вот, я надеюсь, наш новый секретарь Совета.

– Не так быстро, господин председатель. – Это был Честный Джо. – Это назначение близко касается всех нас. Мы должны оценить квалификацию кандидата.

Леггат, приподняв свою остроконечную бородку, лукаво заметил:

– А разве один из членов семьи кандидата уже не сделал это для нас?

От неявного намека адвоката кровь бросилась Дункану в голову. Он знал, что его озабоченная мать обошла всех членов Комитета, чтобы выпросить для него эту должность.

– Господа, пожалуйста! – Полковник постучал по столу. – Мы все знаем Дункана Стирлинга. Нам осталось лишь подтвердить наш выбор.

– Прекрасно, Джон! – Овертон откинулся назад. – Но в моем бизнесе, когда я покупаю продукт, мне нужен хороший продукт.

– Да ладно, Джо! – нахмурился полковник. – Работа чисто канцелярская.

– Откуда у тебя такой изъяс, Стирлинг?

Этот болезненный вопрос задал маленький сморщенный Троуп, изучающий кандидата профессиональным взглядом гробовщика.

Сдерживая готовый сорваться с губ возмущенный ответ, Дункан сказал:

– У меня был полиомиелит, когда мне было двенадцать.

– Полио... что?

– Детский паралич, болван, – прорычал полковник. Он повернулся к Дункану. – Условия назначения тебе известны. Договор на пять лет с возможностью продления, – он улыбнулся, – что означает, что оно практически пожизненное. И жалование от тридцати шиллингов в неделю.

Глава 3

– Минутку, с вашего позволения! – Овертон постучал кулаком по столу. Его побаивались, и он упивался сознанием своей силы. – Я все еще сомневаюсь, подходит ли данный кандидат для этой работы. Не забывайте, что нам часто приходится обсуждать серьезные личные вопросы. – Он сделал многозначительную паузу. – Когда я приступлю к реализации своего большого проекта «Энергия Линтона», в котором вы все будете заинтересованы, нам понадобится надежный клерк.

– Верно! – согласился пастор Симпсон, ханжески закатив глаза.

– Вот именно! – кивнул Овертон. – И есть еще один момент, который я хочу затронуть. Отец кандидата когда-то занимал эту должность – какая у нас гарантия, что сын не пойдет по его стопам?

Наступила мертвая тишина. Дункан почувствовал, как его захлестнуло обжигающей волной. Ему стало ясно, откуда яд у этого человека. С тех пор как, еще в школьные годы, он осмелился превзойти по успеваемости Йэна Овертона, драгоценного сынка богача, местный властелин затаил на него злобу.

Недели мучительных размышлений и этот жесткий перекрестный допрос дали себя знать – его натянутые до предела нервы не выдержали. Само безрассудство в чистом виде, он вызывающе посмотрел на Честного Джо.

– Вы бы лучше оглянулись на себя самих. – Голос Дункана окреп, стал тверже. – Вы возомнили себя защитниками интересов сообщества. А сами заняты лишь поисками личной выгоды.

– Это клевета на Комитет! – крикнул Овертон.

– Неужели? – крикнул в ответ Дункан. – А как насчет вашей прибыли от земли, которую вы купили за бесценок и перепродали городу под газовую станцию?

– Это проклятая ложь! – покраснев от гнева, возмутился Овертон.

– Двадцать тысяч, которые вы заработали на городской библиотеке, построенной из никуда не годных кирпичей и такого же раствора, и контракт, который вы сами составили, – это тоже ложь?

– Послушайте, – в панике взвизгнул Троуп, – как мы можем такое терпеть, в самом деле! Дункан яростно повернулся к нему:

– Вы тоже занимаетесь грабежом, и весь город это знает. Вы даже получаете двести процентов прибыли от дощатых гробов, которые продаете работному дому.

В зале Совета воцарилась напряженная тишина. Затем поднялся шум.

Тщетно полковник Скотт пытался обуздать оппозицию, сплотить силы в пользу Дункана:

– Господа, господа! Мы не должны быть слишком обидчивы. Это привилегия молодых – высказывать то, что у них на уме.

Его больше не слушали. К Овертону вернулся дар речи. Дергая себя за воротник, он кричал:

– Ты никогда не получишь эту должность! Даже если доживешь до ста лет!

– Она мне не нужна! – крикнул в ответ Дункан. По крайней мере, в этот момент ему было все равно. – Лучше умереть с голоду, но сохранить свое достоинство!

– Ты точно умрешь с голоду, – проорал Овертон, размахивая кулаком. – Тебе конец в Ливенфорде! Ты еще вспомнишь этот вечер, когда из канавы будешь просить милостыню.

– Вы тоже вспомните об этом, – воскликнул Дункан, – когда мое имя будет известно всему миру!

Все смолкли, с разинутыми ртами уставившись на него.

Глава 4

Выйдя, Дункан увидел у входа припаркованный легкий автомобиль полковника Скотта с Маргарет за рулем, ожидавшей отца, чтобы отвезти его домой. Она отчаянно посигналила. В ее глазах стояли слезы от смеха.

– Дункан! – воскликнула она. – Нил Тодд все уже мне рассказал. Он подслушивал у замочной скважины. Я просто в истерике, правда, когда думаю об этом... – Она затряслась от смеха.

Его все еще колотило от возбуждения, и он со странной обидой посмотрел на нее – как можно было превращать его трагедию в фарс. Разжав челюсти, он мрачно сказал:

– Для меня это не так смешно.

– Да брось ты. – Она сделала паузу. – И все же разве не глупо отказываться от этой должности? Что, черт возьми, ты собираешься делать?

– Я не знаю. – Он сжал кулак. – Разве что, может, начать драться!

Она вопросительно посмотрела на него. В ее ярко-голубых глазах отразилось сомнение.

Он ответил ей пристальным взглядом. Как она была прекрасна, как естественна и совершенна – принцесса в далекой башне. Его решимость росла – сердце наполнилось внезапным желанием рассказать ей о своих грехах. Он услышал свой голос как бы со стороны:

– Маргарет, только не смейся надо мной. Я всегда – всю свою жизнь – хотел быть врачом, – с напором говорил он. – Я знаю, что во мне есть сила исцелять людей – что я могу преуспеть в медицине.

Прежде чем от нее последовало неизбежное возражение, он поспешил продолжить:

– Я знаю, что я инвалид, но это не мешает мне. Я мог бы стать хорошим врачом, лучшим из них всех!

– А почему ты раньше об этом не думал?

– Я думал. Думал до умопомрачения.

Наступила тишина. Девушка была смущена до глубины души, понимая, что все это означает для Дункана. Она помедлила, не зная, что сказать.

– Вот бы тебе поступить в Университет Сент-Эндрюса. Доктор Овертон мог бы помочь. Мы можем написать моему дяде, который там декан факультета.

То, что она проявила интерес к его словам, воодушевило его.

– Приятно, что ты хочешь мне помочь, – сказал он. – Но у меня есть план. Он у меня в голове уже несколько месяцев.

– Что за план?

– Абсолютно сумасшедший, – не сразу ответил он. – Больше не спрашивай меня ни о чем. Всего лишь один шанс на миллион, что у меня получится.

Снова наступило молчание. Затем она мило улыбнулась и легонько, утешающе коснулась его плеча:

– Я уверена, что-нибудь да подвернется. Бог мой! В зале для заседаний выключили свет. Это значит, что они расходятся. Ой, Дункан! Нехорошо, если они тебя здесь увидят!

Ему совсем не так хотелось проститься с Маргарет, но он понимал, что не должен своим присутствием компрометировать ее. Если бы он мог в одной короткой фразе выразить все, что испытывал к ней! Но в таких случаях ему редко удавалось сказать что-то подходящее. Он пожал ей руку, пробормотав обычные слова прощания.

Глава 5

К тому времени, как он добрался до дома, его охватило лихорадочное возбуждение. Когда он вошел, его отец, сидящий в своем углу, перестал раскачиваться на стуле.

– Мать вышла встретить тебя двадцать минут назад. Ей не терпелось услышать хорошие новости.

– Хорошие новости!

В нескольких словах он рассказал о том, что произошло. Наступила странная, впечатляющая тишина, нарушаемая только медленным тиканьем старых настенных часов. Затем Длинный Том неуклюже поднялся со стула и крепко пожал руку сына, попридержав ее в своей руке. Он не произнес ни слова, но пауза была красноречивой.

Наконец Дункан сказал с жаром:

– Это ведь важно, папа, делать то, что ты хочешь делать?

– Так и есть, мой мальчик.

– Папа! – сказал Дункан. – В четверг на следующей неделе Университет Сент-Эндрюса проводит экзамен на стипендию Локхарта. Это открытый конкурс – принять участие может кто угодно, от сына герцога до таких, как я. Присуждаются три стипендии. И каждая из них означает свободу – свободу изучать медицину! – Он остановился, чтобы перевести дух, а затем ринулся дальше. – Я не говорю, что у меня есть шанс, но я попытаюсь, даже если это убьет меня!

Длинный Том украдкой посмотрел на Дункана из-под рыжеватых бровей – в этом взгляде читалась какая-то потаенная гордость за сына. Затем он наполнил два стакана виски и поднял свой.

– Я предлагаю тост за тебя, сын мой! За Дункана Стирлинга, доктора медицины – лучшего врача королевства через какие-то десять лет. И черт побери тех, кто это отрицает!

Одним залпом он осушил стакан, а затем разбил его о камин.

В этот момент входная дверь с громким стуком отворилась, в теплое помещение ворвался порыв ветра, а следом возникла хозяйка дома. Марта Стирлинг застыла в дверях, бледная и напряженная, с плотно сжатыми губами. Ее пылающие глаза увидели виски на столе.

– Кажется, я вам помешала, – сказала она.

Смущенный Том пробормотал извинения.

– От тебя я могла этого ожидать, – сказала она с упреком, – но тащить своего сына за собой!

– Мама! – Дункан протестующе шагнул вперед. – Поосторожней в выражениях!

– А ты был осторожен в выражениях?

Значит, она все узнала. Целое ужасное мгновение они смотрели друг на друга. Затем ее прорвало:

– Никогда бы не поверила, что это мой сын! После всего, на что я надеялась и о чем молилась! Единственное, что теперь нужно сделать, это пойти к мистеру Овертону и извиниться за свои слова...

– Я не буду извиняться ни за одно из своих слов, – перебил он ее. – Прости, что делаю тебе больно, мама, но я принял решение.

Поняв, что означал его пристальный взгляд, она воскликнула:

– Это та твоя безумная идея стать врачом?

Он кивнул.

Ее охватил приступ гнева и разочарования, почти затмивший все прочие чувства. Она, которая заботилась о благополучии сына, о его будущем, – как она могла смириться с этой его одержимостью?

– В последний раз спрашиваю, ты будешь извиняться перед Комитетом?

– Нет, мама.

– Тогда ты мне больше не сын! – Она уже не сдерживала себя. – Сегодня вечером ты покинешь этот дом. Покинешь и больше не вернешься!

Длинный Том, молча стоявший между женой и сыном, попытался вмешаться, но она безжалостно отмела его попытки что-то возразить.

– Я не шучу! Ты сейчас уйдешь, и это навсегда!

Долгое мгновение Дункан не отрываясь смотрел на нее, а затем тихо сказал:

– Пусть будет по-твоему, мама.

Парализованная горечью и отчаянием, женщина оставалась неподвижной.

Наверху, в своей комнате, Дункан собрал в узел книги и одежду. Когда он спустился, в маленькой прихожей его ждали отец и собака.

Хрипло откашлявшись, Длинный Том пошарил в кармане жилета:

– Я хочу, чтобы ты кое-что взял, сынок. Это не так уж много. У меня нет денег, но, по крайней мере, у меня есть вот что.

Это были часы с цепочкой, которые до него принадлежали его отцу, золотые часы с тяжелой цепочкой из серебра, семейная реликвия, которую берегли годами и никогда не закладывали, несмотря на нужду.

– Нет, – запротестовал Дункан. – Я не могу это взять.

Длинный Том заставил сына принять подарок и, отмахнувшись от слов благодарности, пожал ему руку.

– Прощай, сынок, и удачи.

– До свидания, папа. – Дункан закинул узел на плечо. – До свидания, мама, – крикнул он в сторону кухни.

Ответа не последовало.

Глава 6

От Ливенфорда до Сент-Эндрюса было девяносто миль по дороге, и Дункан за ночь прошел двадцать из них. Около четырех часов утра он опустился на землю, укрывшись в стоге сена. Не сводя глаз с бледной луны, мимо которой бешено неслись рваные облака, он не мог уснуть. В карманах у него было всего несколько монет. Он отбросил свое прошлое; путь назад был для него закрыт. Чем больше он размышлял о случившемся, тем больше видел себя самонадеянным дураком, играющим в кости с судьбой. Но мужество ему не изменило.

На следующий день он преодолел тридцать миль, держась в стороне от городков, выбирая проселочные дороги и тропинки на склонах холмов. В полдень он купил крекеров в деревенской лавке, приготовил скромный ужин, завершив его несколькими глотками ключевой воды из ближайшего колодца.

Местность была великолепной: изрезанный горными вершинами горизонт, сосны и дрок на склонах, ниже – зеленые пастбища, цвета торфа ручьи, веселыми каскадами устремлявшиеся к равнинам. Тут и там виднелись выбеленные фермерские домики, небольшие возделанные поля. Вдоль дороги мирно двигались стада овец. Это было графство Пертшир в лучшем своем виде, прекрасная долина Страт-Линтон.

Но во второй половине дня, когда Дункан Стирлинг был на полпути через долину, начался дождь. Вскоре пришлось идти уже под ливнем; поднялся ветер, пробиравший его до костей.

В стужившихся сумерках он добрался до деревни Линтон. Ее единственная улица была пуста, почта и магазины закрыты, все двери закрыты от непогоды. Решив, что дальше идти нет смысла, Дункан дважды прошелся взад и вперед по безлюдной улице в поисках убежища на ночь. Наконец он остановился перед уютным домом из серого камня и прочел на табличке, прикрепленной к воротам: ДОКТОР АНГУС МЕРДОК, ВРАЧ И ХИРУРГ.

К дому примыкала пристройка с глубокой аркой, где было почти сухо. Он шагнул под арку, положил свой узел и, дрожа, забился в угол.

Едва он лег, как дверь в дом открылась, и девушка с наброшенным на голову пледом метнулась к пристройке. Чуть не споткнувшись о Дункана, она остановилась, глядя на него с нескрываемым удивлением.

– Простите! Я взял на себя смелость укрыться на минутку в вашем...

– Курятнике, – со всей серьезностью произнесла она это слово, не отрывая пристального взгляда от его лица. – Я только что покормила птиц. – И добавила с такой же непосредственностью: – Ты промок насквозь. Заходи, на кухне просохнешь.

– Нет-нет, – стал он самолюбиво отказываться, но она настояла на своем.

Глава 7

Дункан последовал за ней через двор, где даже сквозь пелену дождя был виден тщательно ухоженный сад. Она открыла заднюю дверь дома и провела его на кухню. При их появлении навстречу поднялась маленькая горничная-горянка.

– Садись к огню, – сказала девушка. – Когда твоя одежда высохнет, мы дадим тебе поесть. А потом, если захочешь, можешь идти своей дорогой.

Дункан повиновался и сел, наблюдая за ней. На вид ей было около восемнадцати – опрятная, подтянутая, с ладной фигурой. Матовый цвет лица свидетельствовал об отменном здоровье. Темные волосы были просто и аккуратно уложены. Самым выразительным в ней были глаза – глубокие, темно-карие, взгляд которых казался на редкость безмятежным.

Ее спокойствие раздражало Дункана, издерганного последними событиями.

– Вы часто привечаете бродяг, которые тут у вас оказываются? – спросил он.

– Мы – часто. На самом деле я приняла тебя за одного из них, пока ты не вошел в дом.

Но бродяги никогда не дерзят, пока их не накормят.

– Я не знал, что у меня голодный вид.

– Голодный. Не отнекивайся.

Он испытывал странное замешательство, которое пытался преодолеть. На кухне было уютно, и в ноздри бил запах готовящегося ужина.

– Что привело тебя в эти края? – спросила она. Ее молодой взгляд был полон дружелюбия. – Я бы хотела услышать, кто ты и куда направляешься?

Он ощутил приязнь к ней, как будто она была его младшей сестрой, и сказал:

– Я направляюсь в колледж Сент-Эндрюс!¹

– Чтобы что-то изучать? – Ее глаза заблестели. – Что именно?

Загнанный в угол, он ответил:

– Медицину.

Она хлопнула в ладоши:

– Ой, разве это не великолепно! Отцу будет интересно, когда ты ему расскажешь. Он с минуты на минуту вернется со своего обхода.

– Он здешний доктор? – спросил Дункан.

Она кивнула:

– Единственный на много миль вокруг.

Снаружи послышался шорох колес по гравию, хлопнула автомобильная дверца. Минуту спустя вошел доктор Мердок.

Это был невысокий, заросший щетиной, краснолицый мужчина лет шестидесяти, похожий на бульдога, потрепанный погодой, траченный работой и временем, с седыми усами и серыми пронзительными глазами. На голове у него, надетая до самых ушей, красовалась старая охотничья кепка, он был в огромном клетчатом плаще, который доходил ему чуть не до тяжелых ботинок.

– Джин! Джин! Ужин готов? – гаркнул он. – Я такой голодный, что готов сожрать быка!

Внезапно он заметил Дункана, остановился как вкопанный и оглядел незнакомца с ног до головы. Сняв плащ, он продолжил осмотр.

– А это что такое! Еще один бездельник, судя по его виду. Джин! Ты меня прикончишь с этой своей вечно открытой дверью. Тоже совсем юнец! Да благословит Господь мою душу! – Затем: – Ну, сэр, что вы можете сказать в свое оправдание?

¹ Имеется в виду медицинский факультет Университета Сент-Эндрюса.

– Ничего! – поднялся на ноги Дункан. За время этой тирады его лицо успело стать жестким.

– Неужели, клянусь собственным камином, меня может уесть юнец, которого занесло ветром на мою кухню? – рявкнул старый доктор.

– Меня унесет так же быстро, как занесло.

Дункан сделал шаг к двери.

– Стой! – прорычал Мердок. – Ты упрямый молодой глупец! Неужели ты думаешь, что я позволю человеку или зверю шляться в такую ночь? Я просто пошутил. Ну у тебя и характер, господи прости. – Серые глаза блеснули. – Но, признаюсь, ты мне потому и нравишься.

Глава 8

Дункан медленно отошел от двери. Внезапно он почувствовал слабость и головокружение. Он покачнулся, по телу пробежала дрожь, и застучали зубы.

Мердок поспешил к нему и усадил на стул.

– Так не пойдет, – на этот раз тихо и мягко сказал он. – Ты получишь пневмонию, если не переоденешься. Джин! Сбегай наверх и принеси что-нибудь из моих вещей.

В теплой, сухой одежде было необыкновенно комфортно. Когда Дункан переоделся, вымыл лицо и руки горячей водой, он почувствовал себя новым человеком, разве что по-прежнему страшно голодным. Старый доктор проницательно оглядел своего гостя:

– Держу пари, ужин готов. В порядке наказания за твою фанаберию и браваду, я буду не я, если не заставлю тебя поесть с нами.

Поначалу, когда Дункан сел за стол с доктором Мердоком и его дочерью, он был скован и неловок. Но когда подали еду, он, забыв обо всем на свете, набросился на нее, как никогда раньше. Сначала был шотландский бульон, за ним последовало жиго – жаркое, нежное и сочное, из лучшей баранины горной долины. К куску баранины полагались печеный картофель и репа с собственного огорода доктора. Потом был пирог с крыжовником, поданный со взбитыми сливками, такими густыми, что они прилипали к ложке.

Взгляд старого доктора, украдкой наблюдавшего за гостем, наполнился странным сочувствием. Он многозначительно посмотрел на свою дочь и спросил Дункана:

– Еще сливок, мистер... Благослови меня бог, если я расслышал, как вас величать.

– Стирлинг моя фамилия, – пробормотал Дункан. – Дункан Стирлинг.

– Дункан Стирлинг, – повторил доктор. – Что ж, слава богу, хорошие шотландские имя-фамилия, хотя ты и довольно-таки противный парень. Ну же. Ничто так не побуждает человека к добру, как хороший ужин.

Наконец Дункан удовлетворенно вздохнул. Затем, бросив быстрый пристыженный взгляд на хозяйина, он сказал:

– Боюсь, я был резок.

Мердок прищелкнул языком:

– Но ты все же последовал моему единственному рецепту: кормить простуду и морить голодом колики!

Джин расхохоталась, глядя, как пожилой доктор, лукаво склонив голову набок, произнес эти слова.

– Прости, отец, – сокрушенно сказала она. – Но, если речь зашла о рецептах, то мистер Стирлинг собирается в Сент-Эндрюс, чтобы стать студентом-медиком.

– Что? – Доктор Мердок еще раз внимательно оглядел своего посетителя. – То есть?

Дункан выдержал его взгляд:

– Да, кривая рука и все такое, но я собираюсь попробовать.

– Ты все спланировал?

– До последней детали.

– И... э-э... оплатил?

Дункан улыбнулся:

– Вы меня удивляете, доктор Мердок. Неужели вы считаете, что я могу получить бесплатное обучение в шотландском университете?

– Нет-нет. – Улыбка Мердока была такой же мягкой, как его тон. – В том-то и дело, что я так не считаю.

А про себя он подумал: «Боже, есть что-то в этом гордом, полуголом юном чучеле, что напоминает мне о давних временах и о парне по имени Ангус Мердок». Вслух же он сказал:

– Иногда мы с Джин бываем в Сент-Эндрюсе, покупаем там нужные лекарства и книги. – Он махнул рукой в сторону многочисленных книжных полок в гостиной. – Когда мы поедем, то найдем тебя. Где ты остановишься?

Дункан поколебался:

– Я... я еще не решил. Мне надо попросить декана, чтобы он порекомендовал жилье.

– Так ты знаком с доктором Инглисом? – протянул Мердок. – Это прекрасно. Я сам хорошо его знаю. Где бы ты ни приземлился, мы обязательно тебя найдем.

Дункан видел, что проницательный старый доктор раскусил его. Но неожиданно Мердок сменил тему.

– Кстати, о книгах, – сказал он, – если ты хоть чего-то уже нахватался, тогда позволь показать тебе то, что составляет гордость бедного человека.

Когда Джин вышла из комнаты на кухню, он встал и, обходя полки, целый час демонстрировал Дункану свои любимые фолианты.

Под конец он положил руку на плечо Дункана:

– Ты поспишь этой ночью у нас. Джин уже приготовила тебе комнату. А завтра Хэмиш отвезет тебя в Сент-Эндрюс.

Быстрым пожатием руки он остановил запинаящиеся слова благодарности Дункана:

– Перестань. Мы тебе более чем рады! Пожелаю тебе спокойной ночи. Уже поздно. И, кроме того, ставлю шесть пенсов против гиней, что меня вызовут этой ночью. В доме Дэвисона, главы Страта, ожидается новый ребенок. Там я выпустил на свет пятерых. Негоже подвести их с шестым.

Когда старый доктор ушел, Дункан постоял в нерешительности, чувствуя комок в горле, а затем прошел на кухню, где Джин напоследок наводила чистоту. Она подняла на него глаза и улыбнулась:

– Твоя одежда высохла. Я ее отутюжу, и наутро она будет готова.

– Спасибо. Вы... вы ужасно добры, мисс Мердок.

– Ох, не стоит называть меня «мисс Мердок», – на местном диалекте упрекнула она его. – Я просто Джин. Да, пока не забыла – вот веточка белого вереска. Она выпала из кармана твоего пиджака. Я приберегла ее – вдруг она тебе на удачу.

– Так и есть, – тепло ответил он, беря веточку. – Ни за что не хотел бы ее потерять.

– Подарок на память? – рискнула спросить она.

– Да, от самой красивой, самой чудесной девушки на свете.

– Она тебя... сильно любит?

Вопреки своей естественной сдержанности он простодушно рассмеялся:

– Когда я чего-то добьюсь, сделаю себе имя, получу лучшую практику в Эдинбурге, может, тогда и полюбит! А пока достаточно того, что я...

Он замолчал.

– Я рада, – пробормотала она. – Я правда рада за тебя. Когда-нибудь, я знаю, она будет очень гордиться тобой.

За ночь дождь прекратился, буря утихла. Сидя в автомобиле, который вел Хэмиш, помощник доктора, Дункан на рассвете покинул Линтон. Как и большинство истинных уроженцев долины, Хэмиш с большим подозрением относился ко всем незнакомцам.

– Мне сказали, ты поступаешь в колледж, – буркнул он, чем и было исчерпано все общение за всю полуторачасовую поездку.

Дункана вполне устраивало молчание. Теплое отношение, которое он встретил в доме доктора, странным образом отрезвило его. И все же, когда они въехали на окраину старого, с шиферными крышами, города у моря и на фоне восточного небосклона нарисовались остроконечные, в готическом узоре силуэты зданий университета, он не мог не испытать трепет восхищения.

В каком-то пьянящем восторге он бродил по территории университета. Студентов было немного, так как семестр начинался только через неделю. В своем нынешнем уединении древние строения с их затененными галереями, коротко подстриженными газонами и гулкими четырехугольными дворами создавали атмосферу величия и покоя.

Когда часы колледжа пробили девять, к Дункану вдруг вернулось чувство реальности. Застегнув пиджак на все пуговицы, он вскинул подбородок и направился к дому декана. Этот особняк был настолько внушителен, что Дункан заколебался, но затем решительно позвонил в звонок и через мгновение уже сидел, сжимая фуражку на колене, в богато обставленном кабинете с красным ковром. Наконец дверь распахнулась и вошел доктор Инглис.

– Итак? – спросил декан, и выражение его лица было не слишком обнадеживающим. Аккуратный маленький человечек с крошечной бородкой, золотым пенсне и стального цвета волосами, тщательно разделенными посередине на прямой пробор, он имел вид, соответствующий главному врачу больницы Виктории и президенту внушительного нового Фонда Уоллеса в Эдинбурге. Но, несмотря на внешнюю самодостаточность, в его глазах читалось легкое беспокойство.

Вскочив на ноги, Дункан выпалил цель своего визита и свое имя.

– Добро! – Декан занял свое место за столом из красного дерева и жестом пригласил Дункана сесть. – Как правило, я не принимаю студентов в это время, но... – он взял лежавший перед ним лист бумаги, – только вчера я получил письмо о тебе от полковника Скотта.

Глава 9

Сердце Дункана подпрыгнуло; но прежде чем он успел заговорить, декан продолжил:

– Хотя я сочувствую таким устремлениям, как твои, мой долг предупредить тебя.

– Но, доктор Инглис... – прервал его Дункан.

Декан поспешно поднял палец:

– Каждый год армия амбициозных молодых людей вторгается в этот колледж. И каждый год, мой дорогой юный сэра, мы становимся свидетелями прямо-таки битвы не на жизнь, а на смерть! Только самые выдающиеся таланты имеют шанс добиться успеха в конкурсе Локхарта. Подумай только – на семь сотен кандидатов всего три стипендии!

– Я подумал, – сказал Дункан.

Декан развел руками:

– Тогда предположим, что ты имел полную возможность и достаточно средств, чтобы получить квалификацию врача. Ты учел свои физические ограничения? – Он с сочувствием посмотрел на руку Дункана. – Разве тебя не загнали бы на зады этой великой профессии, в какой-нибудь темный уголок, скажем, в управлении общественного здравоохранения, где твоим делом была бы пыльная канцелярия, никому не нужный стол?

Декан помолчал.

– Извини, но я буду откровенен. Подумай, мой дорогой сэра! Поразмышляй! Не бейся головой о непреодолимые скалы неизбежности! Если обстоятельства не позволят тебе вернуться в твой родной город, я из уважения к полковнику Скотту подыщу тебе должность в каком-нибудь подведомственном месте. Я мог бы даже взять тебя в свой дом, где, как говорит миссис Инглис, – его озабоченный взгляд стал глубже, – в нашем домашнем хозяйстве временные трудности. Мы могли бы найти подходящее занятие для юноши, жаждущего себя проявить!

В заключение он махнул рукой, добродушно улыбнулся и спросил:

– Ну так как?

Дункан резко встал:

– Вы, пожалуйста, не подскажите, где мне записаться на экзамен?

К его чести, декан скрыл свое замешательство:

– В административном здании, главный корпус.

– Спасибо, сэра. – Дункан повернулся, чтобы выйти из кабинета.

Но под накрахмаленной рубашкой декана, несмотря на его чопорность, скрывалось доброе сердце.

– Вот список жилых помещений в городе для студентов. – В его глазах загорелась искорка юмора. – И да будет Господь милостив к душе твоей!

Дункан со словами благодарности взял протянутый ему список.

Выйдя, он почувствовал, что его охватывает возмущение. Движимый им, он направился прямо к регистратору и ввел свое имя для сдачи экзамена. Затем он отправился на поиски жилья.

Сначала он потерпел неудачу. Все помещения, которые он осмотрел, были или вызывающе изысканными, или слишком дорогими. Но наконец, в старом квартале города, недалеко от гавани, среди нагромождения сетей и бочек из-под смолы, среди запахов соли, сельди и моря, он нашел в узких переулках, где жили рыбаки, приземистый дом с наружной лестницей и объявлением в окне: «Комнаты».

На стук вошла миссис Гейт, домовладелица. Она рассматривала его с меланхолической суровостью, вытирая мокрые руки о фартук из мешковины, – жалкое, почти комически мрачное создание.

– Да, у меня есть комната, – ответила она на его вопрос. – Она маленькая, и наверху. Но я прошу всего фунт в неделю.

Он последовал за ней в дом. Комната, как она и сказала, была маленькой, но чистой, с видом на море, крыши и башню колледжа. Он тут же снял ее, заплатил свои двадцать шиллингов вперед и, как только дверь за миссис Гейт закрылась, начал распаковывать свои книги, прикидывая, сколько времени ему придется потратить на них до наступления заветного часа.

Глава 10

Только оно слишком скоро настало для него – то роковое утро четверга. Когда он сел за парту в Большом зале университета, от напряженного ожидания и невыносимого волнения его ладони вспотели.

Ряды за рядами маленьких лакированных желтых парт, таких же, как у него, и за каждым сидит претендент. Сотни молодых людей, заполнивших зал до отказа, и все готовы соперничать, бороться с ним. Есть ли у него хоть один шанс в этой борьбе?

С усилием он сфокусировал взгляд на высокой трибуне, где сидели два экзаменатора. Вокруг них суетились в своих мантиях младшие преподаватели, а также старшекурсники, среди которых был доктор Йэн Овертон.

Войдя в зал и увидев Дункана, он кивнул ему, но его холодный взгляд был сверхкритичен, как бы говоря: «Пожалуйста, не вздумай злоупотреблять нашим знакомством». А ведь Овертону ничего не стоило улыбнуться, шепнуть: «Удачи, Стирлинг! Иди и побеждай».

Наконец стали раздавать писчую бумагу. Нервничая, Дункан взял ручку. Прошла мучительная вечность, прежде чем он получил листок с первым заданием: комплексный экзамен по математике.

Да, это было трудно. Но не слишком. Причем он забыл обо всем на свете – не слышал вокруг себя ни шелеста бумаги, ни скрежета перьев. Когда он начал отвечать на первый вопрос, все окружающее растворилось в тумане забвения.

В одиннадцать часов ответы были собраны и выдано второе задание. Греческий язык. Теперь Дункан перестал нервничать. В лихорадочном порыве он целеустремленно двигался вперед.

В час дня наступил обеденный перерыв. Дункан, чувствуя легкую дурноту, поднялся и вышел за остальными из зала. Большинство претендентов набились в помещение «Студенческого союза», с шутками и смехом обмениваясь комментариями.

Пока Дункан стоял на ступеньках у входа, Овертон, поколебавшись, направился к нему:

– Что, Стирлинг, чувствуешь себя не в своей тарелке?

Дункан кивнул, не сводя глаз с собеседника.

– Как ты решил вторую задачку по тригонометрии?

Дункан дал свое решение.

Снисходительная ухмылка Овертона стала шире.

– Да, я так и думал, что здесь ты ошибешься! Ну, хуже некуда. Что ж, я обедаю с деканом Инглисом – мне пора!

Кивнув, он ушел.

В какой-то тайной муке Дункан пробормотал себе под нос:

– О Боже, дай мне возможность доказать, что я не хуже него.

В два часа начался экзамен по латыни. Затем последовал английский, после чего – получасовая передышка.

В очередной раз забыв о еде, Дункан схватил привезенный из дома учебник. Впереди был последний экзамен, по истории, предмету, по которому он чувствовал свою слабость. В отчаянии он открыл его наугад.

Перед ним была глава о Французской революции и, в частности, полный анализ роли, которую сыграл в ней Робеспьер. Напрягая подуставший мозг, Дункан упорно, до последнего звонка, читал эту главу, а затем в последний раз пошел в зал.

Роздали писчую бумагу. Первый, главный вопрос на листе, гласил: «Напишите эссе о характере государственного деятеля Робеспьера». Дункан издал вздох, похожий на рыдание, и яростно заскрипел пером.

Наконец все закончилось. Снаружи было прохладно и темно, уличные фонари рассыпали звездный блеск, который Дункан всегда любил. Он чувствовал себя совершенно измотанным, как будто в течение нескольких часов растрчивал свои силы в бесполезной борьбе.

Он поднялся по темной лестнице в свое жилище, сбросил одежду, упал в постель и заснул как убитый.

Глава 11

На следующее утро он проснулся поздно, чувствуя себя разбитым. Весь день он бродил по старому городу, наблюдая за лодками, чайками, кружащими над волнорезом, заглянул на рыбный рынок. Он не думал ни об экзамене, ни о результатах, которые должны были быть объявлены завтра.

На следующий день он проснулся с предчувствием беды. Он не мог заставить себя приблизиться к университету; и в то же время, как ни странно, не мог держаться от него поодаль. Сбитый с толку, он слонялся по переднему двору, где стояла огромная бронзовая статуя, памятник доктору Джону Хантеру, всемирно известному врачу и выпускнику того же колледжа Сент-Эндрюс.

Когда Дункан взглянул на сурового старика, тяжелые предчувствия у него сменились чувством полной безнадежности. Внезапно он услышал голос сбоку. Один из уборщиков колледжа, с подозрением осмотрев его, потребовал объяснить, почему он здесь слоняется.

Дункан вздрогнул:

– Я жду результатов экзамена на стипендию.

– Они уже три часа как вывешены! – услышал он резкий ответ.

Дункана с ног до головы пробрала дрожь. Он не помнил, как добрался до первого этажа административного корпуса, но каким-то образом он оказался там, перед доской объявлений.

Целую минуту он был не в силах поднять глаз на маленькое напечатанное на машинке объявление, приколотое медными кнопками для рисунков. Он был похож на человека, приговоренного к смертной казни, знающего, что отсрочки не будет, и отказывающегося встретиться взглядом с надзирателем. Но наконец, сделав отчаянное усилие, он поднял глаза.

Первое имя на этом роковом клочке бумаги было не его. Он знал, что так и будет. Его насквозь пронзило острой болью. Как, впрочем, и при втором имени. Что тоже не было для него неожиданностью. Но третье – его сердце почти перестало биться – третье имя было его собственное: «Дункан Стирлинг из Ливенфорда».

Он сделал это! Никакой ошибки! Доказательство, напечатанное красным шрифтом, было налицо. Чудо свершилось. Он выиграл стипендию!

Когда он спускался по лестнице, его охватило сильное волнение. Он вдруг подумал о Маргарет Скотт. Если бы она была здесь! Он должен немедленно написать ей. Она порадуется его успеху! Дойдя до статуи Джона Хантера, он на мгновение остановился и протянул ему здоровую правую руку:

– Теперь я в пути, Джон Хантер! Я хочу взобраться к тебе и встать рядом!

Глава 12

Вернувшись в свое жилище, он бросился на кухню. Шок неверия прошел, сменившись приливом ликования. Он должен кому-то все рассказать, иначе его разорвет на части. Схватив миссис Гейт за талию, он закружил ее в танце.

– Я сделал это, женщина! Я выиграл свою стипендию!

– Ради всего святого! – сопротивлялась она. – Ты что, с ума сошел?

– Разве непонятно! – Он крутанул миссис Гейт так, что ее ноги оторвались от пола. – Я добыл ее. Теперь смогу оплатить все свои занятия за целых пять лет. Я собираюсь стать доктором.

– Отпусти меня, псих! – засмеялась она. – Иначе нам обоим сейчас понадобится доктор.

Он отпустил ее, и она, переводя дыхание, сказала:

– Пока не забыла, тебе пришла большая посылка. Как раз перед твоим приходом.

– Посылка! – В мгновение ока он оказался у себя наверху и увидел на полу большой мешок. Он быстро развязал тесемку, и из мешка вывалились коробка с провизией, куль овсянки и тяжелая сумка с книгами – по анатомии, хирургии, лекарствам. В довершение всего в посылке из дома доктора в Линтоне была записка, датированная этим же днем:

Уважаемый профессор,

мы следили за тобой, и мы услышали по телефону хорошие новости еще до того, как ты сам узнал о них. Видит бог, экзаменаторы выставили себя дураками, позволив такому тупице добиться одной из стипендий. Но ошибки случаются и в самых принципиальных университетах. Если ты не воспользуешься этим, значит ты не тот парень, за которого я тебя принял. А пока, если ты последуешь совету пожилого человека, не позволяй им одурачить тебя какой-нибудь новомодной ерундой в медицинской науке. Будь бдителен, помни о своих основных принципах и не отступай от доброго шотландского здравого смысла!

В данный момент мы берем на себя смелость послать тебе через Хэммиша кое-какие мелочи, дабы поддержать тебя в добром здравии. Кроме того, вот несколько моих собственных учебников. Я никогда их не читал. Они не стоят и ломаного гроша. Не забивай себе голову, парень, и дай нам иногда на тебя посмотреть, упертый, упрямый, невыносимый шотландец! Да благословит тебя Бог.

Мердок

Слова стали расплываться под его пристальным взглядом. Дункан сел на кровать, и во второй раз за этот день его сердце настолько переполнилось эмоциями, что он как бы перестал что-либо видеть перед собой.

Глава 13

Дункану, спешащему ввечеру из клиники к дому декана Инглиса, казалось, что годы учебы в колледже пролетели так же быстро, как листья, сорванные порывом осеннего ветра. Теперь он был студентом пятого курса, и предстоящей зимой ему надлежало сдать последний экзамен. Через каких-то несколько недель он станет врачом!

Борьба за выживание оставила на нем свой отпечаток. Вначале он зарабатывал на жизнь работой в местном магазине. В конце концов ему пришлось подавить свою гордость и принять предложение декана. Вот уже три года, после занятий, он прислуживал в доме Инглиса. Сам Инглис стал ему нравиться. Под защитной официальной оболочкой маленького декана скрывалась застенчивая, насмешливая сердечность. Однако миссис Инглис была женщиной злой, властной, доводившей Дункана до белого каления, а зарплаты едва хватало, чтобы платить за квартиру и поддерживать дух и тело.

Войдя в дом декана через заднюю дверь, он сменил куртку на фартук в синюю полоску и приступил к своей обычной рутине: колот дрова, наполнял водой ведра, драил кухню, топил печь в подвале. Он был на кухне, когда вошла миссис Инглис, полногрудая, агрессивная, в пышном наряде.

– Стиринг, я хочу, чтобы ты в гостинной разжег камин.

– Будет сделано, миссис Инглис.

Она пристально посмотрела на него. Он ей не нравился.

– И поскорее. У меня в гостях моя племянница.

Он уже привык к мелким унижениям, которым она подвергала его. Взяв ведро угля и щепу для растопки, он прошел в гостиную. Там сидела с книгой на диване Маргарет Скотт.

При виде ее он замер, только его привыкшее терпеть истомившееся сердце рванулось к ней. Поначалу она не поняла, кто перед ней.

Затем она воскликнула:

– Дункан, ты!

Недоумение ее сменилось веселым звонким смехом. Наконец она выдохнула:

– Ой, прости меня, пожалуйста. Я и не знала, что ты тут вторая горничная!

– Я и первая, и вторая, вместе взятые!

К этому моменту он уже пришел в себя. Одарив ее спокойной улыбкой, он прошел к камину и начал разводить огонь.

Задумавшись, она склонила голову набок и попыталась осмыслить услышанное.

– Ты изменился с тех пор, как я видела тебя в последний раз.

– Для этого были причины.

– Буквально на днях мой отец вспоминал тебя. Он говорил с Джо Овертоном о большой электростанции, которой они занялись наконец. Каким-то образом всплыло твое имя. Тебя почти не видно.

Огонь теперь горел ярко. Дункан выпрямился. Ее легкомысленное замечание внезапно породило безрассудную идею.

– Совершенно верно, – торопливо сказал он. – Я не видел тебя целую вечность, Маргарет. Не могла бы ты... не могла бы ты заглянуть ко мне завтра на чай?

Она была откровенно озадачена.

– Куда? Туда, где ты живешь?

Он кивнул.

Она не могла толком понять его. И все же она подумала, что, в конце концов, было бы забавно встретиться с этим странным парнем у него дома. Несмотря на всю эту нелепость, он изменился до неузнаваемости.

– Завтра я не смогу прийти, – сказала она. – Я встречаюсь с доктором Овертоном.

Он молчал. Больше, чем когда-либо, имя Овертона вызвало в нем приступ враждебности. С тех пор как Дункан успешно сдал экзамен на стипендию Локхарта, этот человек изо всех сил старался игнорировать его или, в тех редких случаях, когда они встречались, относился к нему с преувеличенным презрением.

– Но я могла бы... через день, – сказала Маргарет.

Дункан все еще сиял от счастья, когда в тот вечер добрался до своего жилища. Взбежав по лестнице, он резко остановился на площадке второго пролета. Кто-то играл на рояле. Должно быть, прибыл новый жилец, о котором говорила миссис Гейт. Дункан стоял в тени лестничной площадки, прислушиваясь. Это была действительно прекрасная игра, какой ему еще не доводилось слышать. В обычной ситуации он бы постеснялся пойти на это, но сегодня его счастье преобладало над сдержанностью. Он постучал в дверь и, услышав «войдите», повернул ручку.

– Я случайно проходил мимо и подумал, что мне лучше представиться. Вы доктор Гейслер, не так ли? Я Дункан Стирлинг – я живу над вами.

Продолжая играть, женщина за маленьким роялем повернула голову и посмотрела на него. Ей было лет двадцать восемь. Горестный взгляд ее темных глаз на бледном, довольно простом лице был странно вызывающим. На ней была хлопчатобумажная блузка в бело-голубую полоску с открытым воротом и синие брюки. На босых ногах старые красные сафьяновые тапочки. Ее наспех причесанные черные волосы выглядели столь же хаотично, как и ее одежда. Никогда еще ему не встречалась женщина, настолько лишенная элементарной женственности. Как если бы она сама решила полностью избавиться от обаяния.

Она доиграла до конца музыкальную фразу и внезапно встала.

– О да, – холодно ответила она. – Несравненный студент-медик! С тех пор как я приехала, только и слышу дифирамбы миссис Гейт в твой адрес.

Он рассмеялся, затем оглядел комнату, которая, несмотря на простую обстановку, выглядела необычно: картина над камином – нечто охристо-зеленое, – блестящее кремовое покрытие из атласа на диване, рояль. Странно было увидеть подобное под этой скромной крышей.

Он не смог удержаться от замечания:

– А вы украсили комнату. Полагаю, это ваши вещи?

Выражение ее лица снова стало жестким.

– То, что от них осталось.

Он отвел взгляд. Он уже знал, что она была австрийской беженкой из Вены, поступающей в университетскую клинику врачом-ортопедом в рамках новой программы оказания медицинской помощи, организованной Советом Фонда Уоллеса.

С холодным цинизмом она продолжила:

– Когда хочешь покинуть страну, устроит любой вариант.

– Да, – согласился он. – Видимо, так и есть.

– Мне нравится этот старый дом, – сказала она через мгновение. – Огромное отличие от новой Вены.

Она покачала головой, как бы прогоняя воспоминание.

– Тебе не мешает мой рояль?

– Нет-нет, – поспешил он ответить. – Мне нравится. Какой прекрасный мотив вы играли, когда я вошел.

– Мотив? – передразнила она его, слегка приподняв брови. – Да, это был Шуман, бедный маленький человечек. Он умер, как и многие из них, в сумасшедшем доме.

Она запрокинула голову, устремив взгляд в потолок. Выражение лица было неясным, пальцы мягко перебирали клавиши.

– Музыка! Это наркотик! Вот что она для меня. Заходи и отведай его – в любое время, когда ты не слишком занят. Меня не надо бояться.

Он был отпущен, резко и безучастно. Но, как ни странно, в ее словах не было ничего язвительного.

– Спокойной ночи, доктор Гейслер, – сказал он. – Надеюсь, мы будем друзьями.

Поднимаясь по лестнице, он чувствовал, как ее музыка каким-то гармоничным потоком струится за ним.

Глава 14

Настал час визита Маргарет. Дункан позаимствовал у миссис Гейт новую белую скатерть и вазу, в которую поставил несколько белых роз. Для своей гостьи он купил печенье, торт и банку клубничного джема. Его бюджет, рассчитанный до фартинга, треснул под бременем таких расходов. В отчаянии он даже пошел к ростовщику и заложил отцовские часы с цепочкой – прощальный подарок старика.

Когда он в последний раз осматривал свои приготовления, на лестнице послышались быстрые шаги Маргарет. Мгновение спустя она появилась, изящная в короткой норковой шубке, модной шляпке и муфте из того же роскошного меха. Ее щеки разрумянились от холодного восточного ветра, глаза искрились жизнью.

– Какая странная маленькая комната! – заявила она, небрежно подавая ему руку и осматривая обстановку, комично сморщив носик. – Ты действительно здесь живешь? Тут и кошке тесно.

– У меня нет кошки, – счастливо улыбнулся он.

В ее присутствии комната наполнилась светом. Налив чай и подав ей чашку, он искренне признался:

– То, что ты сюда пришла, для меня великое событие, Маргарет. Я не могу передать тебе, как много это значит... – Он замолчал. – Но не буду надоедать. Хочешь торта?

– Ты мне не надоедаешь, Дункан. Я люблю красивые речи – когда они обо мне! Но можно я не буду пробовать торт? Йэн – доктор Овертон – вчера вечером прочитал мне такую мрачную лекцию об углеводах. Довольно подло с его стороны, притом что он угощал меня омаром и шампанским! Но ты собирался сказать что-то приятное обо мне, – продолжила она. – Что именно?

– О, ничего...

– Пожалуйста.

– Ну, – поколебался он. – Просто я всегда хотел сказать тебе, каким источником вдохновения ты была для меня все годы, пока я корпел над учебниками в этой унылой комнатке.

– Ты ангел! – явно довольная, воскликнула она. – Налей мне еще чая и расскажи все поподробнее.

Его наполнило сияние. Свидание проходило лучше, чем он смел ожидать. Он взял у Маргарет чашку, и, когда стал наполнять ее, в дверь громко постучали и раздался голос:

– Ты дома, Дункан?

Наступила напряженная пауза.

– Кто там? – наконец спросил он, в глубине души уже зная ответ.

– Твой отец пришел повидаться, – сказала Маргарет.

Глава 15

Его отец! Вот уж кого Дункан здесь никак не ожидал. Когда он неохотно поднялся, дверь распахнулась, и в комнату, пошатываясь, вошел Длинный Том, сопровождаемый Растом. Длинный Том был пьян, и на его расплывшемся, как полная луна, счастливом лице была написана безмерная любовь к сыну.

– Как дела, мой мальчик? – икнув, ласково спросил он. – У меня была возможность приехать сюда на однодневную автобусную экскурсию. Я не мог устоять. Последние месяцы я так скучал по тебе!

Подойдя ближе, он заключил Дункана в объятия. При этом Раст, вне себя от радости, стал прыгать вокруг своего хозяина.

Маленькая комната не была рассчитана на такое столпотворение. Одно неловкое движение Длинного Тома – и ваза с розами оказалась на полу, разбитая вдребезги.

– Господи, спаси и сохрани! – оглянулся Длинный Том, слегка протрезвев от грохота. – Я не знал, что у тебя гости. Клянусь всеми силами, это вы, мисс Маргарет! Горжусь и польщен встречей с вами!

Он протянул руку.

Она презрительно проигнорировала его.

– Сядь, отец. – Сгорая от стыда, Дункан взял отца за руку и подвел его к стулу. – Выпей чая.

– Чая? – весело рассмеялся Длинный Том. – У меня есть кое-что получше. – Дружески подмигнув Маргарет, он достал из кармана брюк бутылку. – Ваше здоровье, мисс.

– Боюсь, мне пора идти, – сказала Маргарет и принялась натягивать перчатки.

– Остайся, пожалуйста, – взмолился Дункан, не скрывая своего огорчения. – Отец, все-таки попей чая, – повернулся он к отцу.

– Говорю тебе, я не хочу никакого твоего чая, Дункан. Я бы предпочел поговорить с твоей гостьей.

Маргарет поднялась.

– Не уходите из-за меня, – расстроенный, воскликнул Длинный Том.

Дабы выразить свое несогласие, он попытался остановить ее рукой. Это был роковой жест. Задев чашку, которую держал Дункан, старик плеснул чаем на шубку Маргарет.

В комнате воцарилась тягостная тишина, Маргарет побледнела от гнева и досады. Дункан в смятении словно остолбенел.

– О Маргарет, – сказал он. – Я виноват.

– Чего и следовало ожидать! – огрызнулась она. – Я пришла сюда, чтобы пить чай, а не для того, чтобы пьяный грубиян вылил его на меня!

Что ему оставалось? Разрываемый двумя привязанностями, Дункан мог только молча желать одного – провалиться сквозь землю.

Возможно, Маргарет даже сочувствовала ему, но при этом не могла удержаться от злого сарказма:

– Спасибо за поистине очаровательный вечер. Все было просто восхитительно!

Затем она исчезла.

Длинный Том, хмурый и сбитый с толку, сделал еще глоток, дабы прийти в себя.

– Думаю, ты не очень-то рад меня видеть, сынок, – заметил он.

– Ты же знаешь, что я рад, папа, – поспешно заверил его Дункан. – Это именно так. Но что толку?

– Ты вполне мог бы сказать, в чем толк, – тяжело вздохнул старик. – О Господь на Небесах, зачем я вообще приехал? Я здесь никому не нужен. Мой собственный сын стыдится меня.

– Отец, – рассердился Дункан, его терпение иссякало, – тебе пора отоспаться!

Он взял старика за плечо и помог ему добраться до кровати. Длинный Том поморгал, глядя на Дункана, и зевнул, затем попытался что-то сказать, но внезапно заснул.

Дункан с жалостью смотрел на спящего отца. В его смятом сердце внезапно вспыхнуло чувство, что он получил по заслугам за то, что заложил часы отца!

Дункан устроил его поудобнее, а затем с диким желанием забыться вышел из комнаты.

Глава 16

Спускаясь по лестнице, он увидел, что этажом ниже дверь открыта, и голос доктора Гейслер остановил его:

– Это ты, Стирлинг? Постой минутку.

– Я ухожу, – грубо ответил он.

– Куда? – Придерживая полы длинного серого халата, который был на ней, доктор подошла к освещенному дверному проему.

– Я не знаю.

Выражение ее лица не изменилось.

– Заходи и составь мне компанию.

Он неохотно вошел.

– Ну и вечеринка была у тебя наверху, – сказала она. – Я видела, как спускалась твоя подруга.

Она замолчала.

Он резко рассмеялся и, повинуясь импульсу, несколькими едкими штрихами обрисовал ей ситуацию.

– Ну-ну, – прокомментировала она. – Ей не из-за чего было скандалить! Скажи, ты сердишься на своего отца?

– Нет, только на себя. Вероятно, это все моя собственная неуклюжесть! Чего можно ожидать от однорукого глупца?

– Ну же, не раскисай. Оно того не стоит.

Она подошла к роялю. И пока он сидел перед ее теплым камином, она играла ему. Сначала, словно охваченная ностальгией, она исполнила лирические пьесы и вальсы своего любимого родного города. Затем она стала исполнять Четвертую симфонию Чайковского. Постепенно, по мере того как проникновенные гармонии наполняли комнату, а в камине перебежал, мерцая, огонь, он почувствовал, как им овладевает спокойствие. И когда она закончила, он ощутил мир в душе.

– Теперь ты хочешь уйти? – спросила она.

– Нет, к вашему сведению! Я хочу двигаться дальше, делать что-то – оставить свой след в медицине.

– И что? Тебе интересно заниматься своей работой?

– Ужасно интересно, – ответил он, глядя, как она приближается. – Вы прекрасно играете.

– Это полезно для моих пальцев, делает их сильными, гибкими. – Она села в кресло у камина. – Не забывай, я хирург.

Он вскинул голову.

– Я чуть не забыл, – признался он. И продолжил: – Хотя, на самом деле, ваша фамилия не выходит у меня из головы. В Австрии есть очень известный доктор Гейслер – доктор Анна Гейслер. Написала замечательный учебник по современной хирургии. Вы не родственница?

– Не совсем. – Она невозмутимо закурила сигарету. – Это я доктор Анна Гейслер.

Сначала он подумал, что она шутит. Затем, поскольку безразличие, с которым она призналась в авторстве, убедило его, он был ошеломлен. Это она – блестящая Гейслер из Гейдельберга и Вены!

– Боже милостивый, – пробормотал он, запинаясь. – Я здесь что-то из себя изображаю, а вы – ваша работа известна во всем мире.

– Ты мне льстишь, – сказала она.

– Нет, нет. Я просто потрясен!

Она изучала тлеющий кончик своей сигареты:

– Это ничто по сравнению с тем, что я готовлю. Когда я отработаю здесь эти двенадцать месяцев, Комиссия через твоего друга декана Инглиса пообещала мне отличный шанс в Эдинбурге, в Фонде Уоллеса! Тогда они услышат обо мне. – Она резко повернулась к нему. – Если у тебя на завтра нет ничего получше, почему бы тебе не прийти и не посмотреть, как я оперирую?

– Я бы хотел этого больше всего на свете, – нетерпеливо сказал он.

Она кивнула, не вдаваясь в дальнейшие подробности. Затем встала и в халате, полы которого волочились по полу, пересекла комнату:

– Я голодна. И я не повар, к несчастью! Но с помощью Гиппократы я собираюсь сотворить два достойных сэндвича.

На деле же, помимо сэндвичей, она организовала кофе и банку корнишонов. Они ели, сидя на коврик у камина, обсуждая технические тонкости своего ремесла. Ее начитанность, острота ее знаний поразили и глубоко впечатлили его.

Глава 17

В десять часов вечера он встал, чтобы попрощаться, и сказал с чувством:

– Я получил огромное удовольствие. Не знаю, как вас благодарить, доктор Гейслер.

– Меня зовут Анна, – ответила она. – Не надо меня благодарить. Если бы мне было скучно, я бы давно выставила тебя за дверь.

Когда он ушел, она постояла в тихом раздумье. «Бедный дурачок, – размышляла она, – жизнь изранила его. Как и меня. Но он еще не ожесточился, как я». Стоя у догорающих углей, она подумала с жестокой откровенностью: «Я возьмусь за него, отшлифую и закалю. Он умен. Как коллега он может впоследствии оказаться полезным для моей работы».

На следующее утро Дункан был разбужен, чтобы ответить на телефонный звонок внизу. Это была Маргарет, мило раскаивающаяся в том, что сорвалась.

Он не знал, что в своем тщеславии она не могла смириться с потерей даже самого мало-значимого из своих поклонников. Нет, не было никакого чуда в том, что она позвонила ему, чтобы простить его и восстановить их отношения.

Длинный Том, отягощенный головной болью, а еще более угрызениями совести, воспринял известие о примирении со стоном облегчения.

– Старый дурак – вот кто я такой! Но я буду наказан – само собой! Когда я вернусь домой, мне придется отвечать перед твоей матерью.

При упоминании матери выражение лица Дункана стало жестким. Его отчуждение сохранялось, а с ее стороны скорее даже росло, чем рассеивалось, – из-за его попыток примирения. Она по-прежнему была убеждена, что все его усилия закончатся трагедией, что время докажет ее правоту.

Он произвольно сжал кулак:

– Теперь ты понимаешь мои амбиции, папа? Почему я не отступлю. И почему я добьюсь успеха.

Длинный Том, уже собравшийся уезжать, кивнул, натянул кепку и направился к двери.

– Добивайся успеха, мой мальчик, раз ты так решил, но не забывай быть счастливым!

Он напоследок улыбнулся сыну, а затем позвал Расти и пошел на утренний автобус.

Глава 18

В тот же день Дункан отправился на операцию к доктору Гейслер. Он рано прибыл в маленькую больницу, которая находилась в бедном промышленном квартале соседнего городка Данди. Однако Анна была уже там – что-то мыла в предоперационной. Выглядела она абсолютно отрешенной. Но когда медсестра из операционной помогала ей надеть халат, она спросила через плечо:

– Не хочешь ли побыть анестезиологом?

Обрадованный Дункан был польщен. Он начал благодарить ее, но она оборвала его:

– Пожалуйста, хватит болтать! Приготовься.

Она повернулась к медсестре:

– Сестра Доусон! Через пять минут здесь должен быть мой пациент. Почему до сих пор нет доктора Овертона?

Голубоглазая медсестра Доусон, с нагловатым личиком и пушистыми светлыми волосами, странно смутилась и принялась извиняться:

– Он будет здесь с минуты на минуту. Он наверняка был ужасно занят.

Едва она успела это сказать, как в помещение ворвался Овертон с пространными объяснениями причин своей задержки. Дункан не удивился, что ассистировать будет Овертон, поскольку это входило в его обязанности как одного из младших врачей. А вот Овертон явно не ожидал увидеть его здесь.

– Ну и ну, и ты тут, Стирлинг! Не знал, что ты сегодня эфирная шишка! – В его враждебном тоне слышались нотки ревнивого соперничества.

– Пожалуйста, без разговоров, – резко прервала его Анна. – В моей операционной я этого не позволяю.

Овертон пожал плечами. При этом он хитро подмигнул хорошенькой медсестре Доусон, когда она заботливо помогала ему надеть халат.

Почти сразу же был доставлен пациент – мальчик одиннадцати лет, истощенный, кожа до кости, детище окрестных трущоб. У него был случай *talipes equines* – косолапость.

Как и большинство детей, он без проблем заснул под анестезией – Дункан спокойно отмечал глубокое и ровное дыхание своего подопечного. Сидя на белом металлическом табурете в изголовье операционного стола, он имел идеальную точку для наблюдения за операцией.

Казалось, что оперировать такого пациента – дело безнадежное: укороченная нога, утолщенная и деформированная ступня, которая была скорее не ступней, а бугром скрученных и деформированных тканей. Дункан был убежден, что ни один хирург из тысячи не решился бы на такую операцию. Однако он видел, что с первого же быстрого и смелого разреза, обвившего утолщенную лодыжку, как алая лента, Анна стала творить невозможное.

В ее спокойных, быстрых руках ланцет с тонким лезвием уверенно поблескивал среди мешанины костей и сухожилий. Каждое движение было точным и целенаправленным – ничего лишнего, никакой суеты – искусственные ловкие пальцы были послушны. Дункан видел в больнице прекрасных хирургов, самого профессора Региуса, но здесь было что-то иное, нечто превосходное – нечто, несомненно, гениальное.

Завершив наконец операцию, она резко повернулась, стянула перчатки и, глубоко вздохнув, прошла в нишу, чтобы снять маску. Там к ней присоединился Дункан. Что-то говоря, вошел и Овертон, и было очевидно, что на сей раз молодой доктор забыл о своей обычной манере изображать скуку.

– Честно говоря, доктор Гейслер, это лучшая операция, которую я только видел. Поздравляю!

Она отстраненно улыбнулась, вытирая руки полотенцем, которое он ей протянул.

– Разве я не сказала: «пожалуйста, без разговоров»?

– Тогда давайте выпьем чая. – Его голос звучал заискивающе. – Жду вас в ординаторской, внизу.

Но его приемы победителя на нее не действовали. Она покачала головой.

– Я собиралась выпить чая с другом.

– О, хорошо, тогда, возможно, в другой раз.

Когда он ушел, Анна скорчила гримасу отвращения:

– Он слишком смазлив, этот молодой человек.

– Он был искренне восхищен вами.

– Возможно. Этот тип людей всегда ищет выгоду! Кроме того, я готова поспорить на новый стетоскоп, что у него интрижка с той медсестрой. – Она сбросила свой операционный халат. – Но теперь, ради бога, поторопись!

– Я думал, вы встречаетесь с другом.

– Это ты.

По дороге в ближайшее кафе она сказала:

– Ты сегодня хорошо управился с эфиром. Как ты смотришь на то, чтобы следующие три месяца побыть моим анестезиологом? Больнице один положен. Гонорар – пятьдесят гиней.

Он даже зарделся от радостного удивления. Пятьдесят гиней! Это положило бы конец его безденежью, его рабству у миссис Инглис – не говоря уже о новом опыте, столь полезном для него.

Не глядя на нее, он спросил:

– Вы это серьезно, Анна?

Она внимательно посмотрела на него:

– Мой добрый друг, я никогда не бываю иной!

Глава 19

С теплой улыбкой Дункан прочитал открытку, как обычно без подписи. На открытке приветственно красовался теперь уже знакомый почтовый штемпель Страт-Линтона.

*Два твоих незадачливых друга будут в Сент-Эндрюсе в четверг днем.
Попробуй встретить их в книжном магазине Леки, в час дня.*

Его дружба с Мердоком и Джин постепенно крепла, и, когда изредка доктор и его дочь приезжали в город, он встречался с ними в книжной лавке, после чего они все вместе отправлялись на ланч. Старый доктор, как всегда выискивающий нужный ему том по выгодной цене, сделал книжную лавку отправной точкой в своих визитах.

Однако внезапно улыбка Дункана исчезла. На четверг он пригласил Анну на ланч в честь своего нового назначения.

Стоя с открыткой в руке, он живо оценил все, что значили для него последние шесть недель. В лице Анны Гейслер он нашел коллегу, за холодным расчетом которой крылась вполне конкретная, как и у него самого, цель. В их связи не было ничего личного, и это, по его мнению, было самым ценным. Под ее влиянием его учеба заметно продвинулась, его амбиции возросли, его представления о хирургии неизмеримо расширились. Анна давала ему книги, начала учить его кое-чему из области живописи, литературы, музыки. Несмотря на свои резкие манеры и небрежный внешний вид, она обладала большой культурой.

Он нахмурился, размышляя над данной дилеммой. Со странным смущением он сел и написал записку Мердоку, в которой, дабы не ранить чувства своих хороших друзей, извинялся, что не сможет с ними встретиться, поскольку будет занят на работе в больнице, что было сущей правдой – во второй половине дня ему предстояло участие в важной операции.

Наступил четверг. Ланч не должен был быть чем-то скрытным и заурядным. Он решил пригласить Анну в шикарный «Тристл гриль», одно из самых новых заведений в городе.

Когда он вошел в фойе ресторана, она уже была там. Сегодня Анна была менее мрачна, чем обычно. На ней было черное платье, крайне вызывающее, а черная шляпка представляла собой маленький фетровый абсурд с алым пером. Пусть она не отличалась красотой, но в ее бледном лице, пунцовых губах и прекрасных руках был особый шарм. На фоне провинциальной публики в зале она казалась утонченной и неуместной. Взгляды были обращены в ее сторону – кто-то смотрел на нее с интересом, а многие с чопорным неодобрением.

Еда была подана, вино откупорено – Анна подняла свой бокал за него, а он – за нее.
– Прозит! – провозгласила она. – За медицинское будущее Гейслер и Стирлинга!

Глава 20

Что-то заставило его оглянуться – он вздрогнул. В ресторан вошли доктор Мердок и Джин. Оба сразу увидели его и, приблизившись, явно неправильно истолковали то, что было между ним и Анной.

Дункан густо покраснел. Ему и в голову не могло прийти, что Мердок выберет именно этот день, дабы уважить своим посещением «Тристл».

Направляясь в конец зала, старый доктор в сопровождении Джин остановился возле Дункана. Тот привстал, пробормотал приветствие, желая сгинуть куда-нибудь.

Это была катастрофа. Мердок, ссутулив плечи в своем старом твидовом пиджаке, грозно сдвинув седые брови, пробурчал Анну всепроницающим взглядом и повернулся к ней спиной. Обратившись к Дункану, он прочистил горло:

– Теперь мне ясно, почему у тебя сегодня не было времени на старых друзей.

– Но вы не так поняли...

– Я понял! – презрительно сказал Мердок. – У тебя очень много дел в больнице.

Его будто уличили во лжи из-за этой глупой попытки оправдаться, и он резко сел. Обиженный и злой, он больше не произнес ни слова. Огорченная и встревоженная Джин стала что-то говорить, но Мердок, не выпуская ее руку, уже поковылял в дальний угол зала.

После минутного молчания Анна спросила:

– Кто это?

– Один мой близкий друг, – сухо ответил Дункан.

– О! – Ее брови поползли вверх. – А она?

– То же самое!

Дух беспечного товарищества, с которым они приступили к трапезе, исчез. Хотя они пытались, особенно Анна, вернуть его, Дункан был только рад, когда последнее безвкусное блюдо было убрано. Он поспешно оплатил счет и вместе с Анной покинул зал.

Они отправились прямо в больницу, где в половине третьего Анне предстояла операция – обширная резекция.

Сегодня, отчасти из-за важности операции, отчасти из-за признания мастерства Анны, операционная была переполнена: студенты университета, два местных врача, хирург из больницы имени Виктории и в довершение всего – важная персона, старый профессор Ли, глава отделения Фонда Уоллеса. Овертон, как всегда в своем лучшем виде, когда предоставлялась возможность показать себя, ассистировал Анне.

Когда Дункан занял свое место в изголовье операционного стола, его охватило какое-то нехорошее предчувствие. Он и так был расстроен инцидентом в ресторане, а присутствие такого количества зрителей вызвало в нем волну беспокойства. Он должен был ввести пациенту сложное обезболивающее средство – смесь газа, кислорода и эфира. Он шарил здоровой рукой среди кранов и трубок.

Операция шла, а он понимал, что действует не лучшим образом. Пару раз Анна бросила на него острый взгляд. Затем он почувствовал на себе другие взгляды и случайно отметил, сколь критически доктор Овертон посмотрел на его искаленную руку. Внезапно его парализовало сознание собственной неполноценности. Неловкий и неуклюжий, он сбил настройку трехходового клапана. Его неумелость усилилась, и он почувствовал, как его окутывает удушьящий туман.

А затем, когда он повернулся, чтобы добавить эфира, наступила развязка. Его пальцы не удержали флакон с анестетиком, и тот упал на пол.

Это был шок – все взгляды устремились на Дункана – один лишь профессор Ли тактично устался в потолок.

– Криворукий идиот, – пробормотал Овертон. – Слава богу, прибор прижигания не включен. Иначе нас всех разнесло бы в клочья.

– Разговоры! – прошипела Анна. Она повернулась к молодой медсестре Доусон. – Что ты стоишь, как дура! Быстро принеси другой флакон!

– Да, доктор. – Медсестра с недовольным видом удалилась.

Принесли флакон, и в напряженной тишине операция была завершена.

Глава 21

Дункан был бледен, когда вышел в прихожую переодеться. Он сознавал чудовищность своей ошибки и к каким ужасным последствиям она могла привести. Он испытывал слабость и тошноту. Он не мог заставить себя поднять глаза на окружающих.

Он намеренно медлил, ожидая, пока Анна покинет здание. Затем, уже собравшись уходить, он случайно услышал разговор двух медсестер за дверью операционной – всего лишь несколько реплик, но их было достаточно, чтобы нанести ему чуть ли не смертельный удар.

– Какой это был ужас, – сказала старшая медсестра, – когда эфир разлился... Ну и растяпа этот тип!

Другая медсестра, Доусон, та самая, которую упрекнула Анна, сердито ответила:

– А чего ты хочешь? Он никогда не будет хорошим врачом! Доктор Овертон говорил мне это сто раз.

Дункан побрел домой, окутанный тьмой отчаяния.

На следующее утро настроение его не улучшилось, в душе был мрак. Никогда еще над ним не нависало такое тяжелое облако. Его стало преследовать сознание собственной физической неполноценности.

Ему повсюду мерещилось пренебрежительное отношение к себе, он представлял, как сокурсники смеются над его изуродованной рукой, и из-за этого постоянного болезненного самоанализа становился еще более неловким.

В субботу вечером Анна остановила его на лестнице.

– Молодой человек! – Она крепко взяла его за лацканы. – Ты избегаешь меня. – Она увлекла его в свою комнату и вперила в него взгляд. – В чем дело?

– Ни в чем, – ответил он, отводя глаза.

Она села, как бы решив сменить тему.

– У тебя скоро выпускные экзамены, – вполне буднично обронила она. – В следующем месяце, верно? Мне нравится думать о том, что ты справишься. Знаешь, Дункан, если бы ты специализировался в этом, то из нас получилась бы замечательная команда.

– Специализировался в чем? Вы же знаете, что я ни на что не гожусь!

– Не говори глупостей!

Пропустив мимо ушей ее слова, он упрямо гнул свое:

– Это так. На что я гожусь? Инглис был прав. Когда я начинал, он предупредил меня, что я окажусь в каком-нибудь затянутом паутиной медицинском уголке – хромой уткой, составителем демографической статистики, дезинфектором канализационных стоков – не важно кем. Я ни на что не годен.

Он с выражением полной безнадежности пожал плечами.

Ее взору наконец открылась его рана. Она без тени сочувствия в голосе неторопливо произнесла:

– Если бы ты дал мне хоть слово вставить, я бы объяснила, чем ты можешь быть полезен.

Он грубо прервал ее:

– Не стоит себя обманывать. Я однорукий неудачник! Боже! Я должен был понять это давным-давно. Когда я начинал здесь пять лет назад, казалось, ничто не имело значения, кроме того факта, что я мог получить медицинское образование. Я закрывал глаза на все остальное. Теперь я вижу, насколько все это бесполезно. Нет, не перебивайте меня. С таким же успехом я и сам могу себя утешить. Как я могу исцелять других? *Каким образом?*

Глава 22

Анна спокойно поднялась со стула и села рядом с ним. На лице – никаких эмоций.

– Я давно хотела тебя спросить кое о чем. Кажется, сейчас подходящий момент. – Она глянула ему прямо в глаза. – Ты позволишь осмотреть твою руку?

– Смотри, если хочешь, – сказал он с горечью, не заметив, что перешел на «ты». – Я не возражаю. Сюда, дамы и господа! Самый момент посмотреть пип-шоу!

Он начал медленно снимать пиджак.

Она не ответила, явно оставив без внимания то, как он расстегивал воротник, ослаблял галстук и снимал хлопчатобумажную рубашку. Но она могла догадаться, каких мучений ему стоило выставить напоказ свое уродство.

Обнаженный по пояс, он повернулся к ней. Она начала осмотр с профессионально непроницаемым выражением лица. С первого взгляда, несмотря на жесткий самоконтроль, ее пробрала дрожь смятения. Как он и говорил и как она и опасалась, его левая рука была в тяжелом состоянии. Неподвижная и укороченная, на вид она была иссохшей, как ветвь старого дерева.

– Пошевели пальцами, – сказала она.

Он слегка пошевелил, с явным усилием.

– Это уже кое-что, – прокомментировала она с внезапным облегчением.

– Какой в этом прок? – тупо сказал он. – Все это так безнадежно. Они все это видели – доктор Инглис, Трантон, Дэвидсон. Я даже показывал руку профессору Ли два года назад в Фонде Уоллеса.

– Помолчи, пожалуйста! – прикрикнула она.

– Ладно. – Он с горечью посмотрел на нее. – Продолжай урок анатомии.

Она начала мануальный осмотр, пальпируя кожу, мышцы, разминая затекшие суставы, заставляя его закрыть глаза, пока она проверяла кожную реакцию острием иглы. Вопреки своему настрою, он чувствовал скрытую силу и мастерство в каждом ее движении. Прошло много времени, прежде чем она закончила. Наконец она коротко сказала:

– Одевайся.

А потом тихо добавила:

– Дункан, я хочу, чтобы ты позволил мне оперировать эту руку.

Не было никаких сомнений в том, что она говорит всерьез.

– Но я же сказал, что это бесполезно. Я выслушал дюжину мнений. И самого профессора Ли. Он сказал, что операция смертельно опасна, шансы на улучшение ничтожны.

– Он прав в одном, – сказала она все тем же монотонным голосом. – Такая операция – это большой риск. Если я потерплю неудачу... – она сделала паузу, – ты можешь потерять руку. – Она снова сделала паузу. – Но я не думаю, что потерплю неудачу.

Он пристально посмотрел в ее бледное, бесстрастное лицо. Все его сомнения и разочарования поднялись в нем протестующей волной, а затем безмолвно отступили. Он почувствовал, что дрожит, как человек, стоящий на краю пропасти. Все еще не отрывая от нее взгляда, он спросил:

– Почему ты хочешь это сделать?

Она нахмурилась. Ее тон был странно приглушенным.

– Ты помнишь Пигмалиона? О, я думаю не о тебе, а о себе. Если я смогу выполнить эту операцию – по сути реконструкцию и настоящую авантюру, – это поможет не только тебе в работе со мной, это станет моим величайшим триумфом!

Напряжение отпустило его – он чуть улыбнулся и сказал с ироничной решимостью:

– Что ж, в таком случае хорошенько заточи свои инструменты. И если ты увидишь, что все идет не так, как ты хочешь, воткни ланцет мне в яремную вену. Я бесполезный болван – у меня такое чувство, что лучше бы мне умереть.

Глава 23

Весна пришла рано. Старый серый город, оживший под своей новой зеленой мантией, никогда еще не выглядел так красиво. Дункан шел по Хай-стрит, боясь надеяться, что через несколько коротких дней он тоже может стать возрожденным и обновленным. Он вошел во двор больницы.

Согласно правилам учреждения, он должен был заполнить в регистратуре определенные бланки для того, чтобы быть принятым в больнице как пациент. Это была простая формальность. И все же выражение его лица стало жестким, когда он приблизился к канцелярии. Он постучался, вошел.

За столом, заваленным бумагами, сидел доктор Овертон, откинувшись на спинку кресла-качалки и положив ноги на подоконник. Рядом с ним на подлокотнике кресла примостилась сестра Доусон.

Застигнутая врасплох, медсестра покраснела, а Овертон досадливо поморщился.

– О! Это ты, Стирлинг!

Сестра Доусон соскользнула с кресла, заправляя волосы под шапочку, а Овертон повернулся к ней с властным видом:

– На этом все, медсестра Доусон. Раскладки меню можете принести попозже.

– Хорошо, доктор.

– Подожди, Стирлинг, – протянул Овертон, не двигаясь с места. – У меня где-то были эти чертовы бланки. Знаешь, тебе очень повезло, что ты получил направление в палату Анны, когда у нас столько тяжелых случаев.

Дункан сильно прикусил губу:

– Я вполне осознаю заурядность своего случая.

– О, не пойми меня неправильно, – выдал Овертон свою привычную покровительственную улыбку. – Просто... даже и не надейся, что она сможет что-то сделать с твоей рукой!

– Я и не надеюсь, – не без яда ответил Дункан. – Я ложусь сюда, чтобы просто отдохнуть.

– Очень смешно! Тем не менее я должен отдать тебе должное, Стирлинг. С Анной Гейслер у тебя полный успех. Она, эта маленькая леди, много где бывает. Поверь мне, – Овертон многозначительно ухмыльнулся, – уметь вертеть хвостом – это важная штука!

Дункан напрягся. В этом намеке было что-то настолько низкое, настолько отвратительное, что он был готов вышвырнуть Овертона с кресла.

– Давай покончим с моим оформлением! У меня еще столько дел перед госпитализацией.

– Не спеши, дружище. – Овертон нервно поигрывал с линейкой. – Разве у тебя нет амбиций?

– А у тебя нет? – спросил Дункан.

– А ты как думаешь? – Овертон снова улыбнулся. – Разве я не унаследовал их от своего отца? Ты же знаешь, что он начал строить новую гидроэлектростанцию в компании «Сила и свет Линтона» для половины восточных графств. Боже, старина заработает миллион! Вот и я такой же, Стирлинг. Я должен быть признан, обо мне должны говорить на самом верху.

Губы Дункана скривились в саркастической усмешке.

– Мы все позеленели от зависти, глядя на твою работу здесь.

– Бог ты мой! – Овертон снисходительно усмехнулся. – Это просто трамплин для моей карьеры. Далее я отправляюсь в больницу Виктории в качестве заместителя главного врача. Затем я буду в Эдинбурге – в Фонде Уоллеса! – Он сделал выразительную паузу. – Доктор Инглис – большая шишка в тамошнем Комитете, а миссис Инглис – мой очень хороший друг. С моими мозгами, влиянием и связями я ставлю пять фунтов против шиллинга, что через пять лет я буду директором этого Фонда.

Дункан вызывающе посмотрел на него своими темными глазами. У него было дикое желание принять пари. Но он просто сказал с холодной иронией:

– Главное, высоко метить.

– И смотреть, куда ноги несут.

Овертон бросил линейку на стол и принялся возиться с необходимыми бланками:

– В основном мои несут меня в нужные гостиные. Так вернемся же к дамам! Как ты, наверное, просек, когда вломился сюда, тут далеко не все время посвящено деловым отношениям. Такие же, стало быть, шашни и у тебя с Анной. Что ж, внеси вот сюда свое имя. Я прослежу, чтобы тебе дали место.

Глава 24

Заполнив и подписав бланки, Дункан в холодной, темной ярости покинул канцелярию. Наглость Овертона, его самодовольное, эгоцентричное тщеславие всегда сводили его с ума. Пошлкое предположение об интимной близости с Анной добило его. Он сердито попытался забыть об этом.

Но Овертон не забыл. У Овертона был длинный и злой язык. Вскоре история о планируемой операции, получившая соответствующий комментарий, стала широко ходить по Сент-Эндрюсу. Для любителей скандалов это было лакомое блюдо. Два дня спустя миссис Инглис остановила Дункана, когда он в полдень шел из своей клиники.

– Я слышу много разговоров, – сказала она нравоучительным тоном, – о тебе и докторе Гейслер. Это правда – то, что все говорят?

– А что все говорят? – возмутился он.

Она смущенно помялась:

– Ты всегда с ней, сказал мне доктор Овертон. Не выходишь из ее комнаты.

– Напрасно вы слушаете наглое вранье.

Она покраснела:

– Он считает своим долгом проинформировать меня. Скажу прямо – это не пойдет на пользу твоей карьере. Я обсудила это с мужем.

Дункан был в бешенстве, тем более что теперь до него дошло, насколько неумно он, скорее всего, вел себя в своих платонических отношениях с Анной. И миссис Инглис, державшая декана под каблуком, была той женщиной, которая могла серьезно испортить жизнь.

В таком настроении шагая по Хай-стрит после встречи с миссис Инглис, он увидел вдалеке кряжистую фигуру в твидовом пиджаке, склонившуюся над прилавком книжного магазина Леки. Его сердце встрепенулось, он забыл о своих тревогах и ускорил шаг. Это был старый доктор из Страт-Линтона.

– Мердок! Как здорово вас здесь увидеть!

Мердок слегка напрягся, чуть дольше, чем было необходимо, смотрел в открытую книгу в руках, затем коротко ответил:

– Добрый вечер.

– Я надеялся, что наткнусь на вас, – продолжил Дункан, – чтобы объяснить то недоразумение...

– Мне не нравятся объяснения, – отрезал Мердок. – И чем меньше слов о каком-либо недоразумении, – он перевернул страницу тома, – тем быстрее все налаживается.

– Но, честно говоря, – настаивал Дункан, – вы просто не понимаете. Я собирался написать. Послать письмо Джин...

Мердок повернулся и впервые посмотрел Дункану прямо в глаза. Он почему-то казался старше, его лицо стало еще морщинистей, глаза более запавшими, но его голос был тверд, как металл.

– На твоём месте я бы не беспокоился насчет письма. Я довольно разборчив в том, с кем переписывается моя дочь.

Глава 25

Ошибки быть не могло. Услышав такое оскорбление, Дункан покраснел, как будто старик ударил его.

Значит, до Мердока тоже дошел слух! Дункан постарался взять себя в руки. Помня обо всем, что старый врач сделал для него, он попытался избежать окончательного разрыва.

– Между доктором Гейслер и мной нет ничего, кроме самой искренней дружбы. Она делает все возможное, чтобы вылечить мою руку, ставя на кон всю свою репутацию.

– Она уж точно поставила на кон репутацию, – рявкнул пожилой доктор.

– Вы старый глупец, – с трудом сглотнув, выдавил из себя Дункан. – Предвзятый старый глупец!

– Может, оно и так! – прорычал Мердок. – Потому что когда-то я думал, что ты мужчина. Я думал, в тебе есть выдержка, мужество и хорошая шотландская смекалка. Вот где я был глупцом. Теперь я знаю, что ты всего лишь комнатная собачка для расфуфыренной иностранной шлюхи! Между нами все кончено.

Повернувшись к Дункану спиной, старик неуклюже взял другую книгу и свирепо уставился на нее.

В сгущающихся сумерках Дункан не мог видеть, что пальцы Мердока дрожали так сильно, что едва удерживали трепетавшую книгу. В его собственном сердце были только боль и чувство мучительной несправедливости. Что ж, теперь эта глава закончилась. Отныне он вычеркнет Страт-Линтон из своей жизни. Он развернулся и, не сказав больше ни слова, быстро зашагал по темнеющей улице.

В четверг, два дня спустя, он сдал свои последние экзамены. В тот же день – ясный, свежий день, наполненный надеждой и обещанием разгара лета, с большими пушистыми облаками, плывущими по голубому небу, – он оказался в палате Анны для предстоящей операции.

Глава 26

Шесть недель спустя, лежа в своей узкой больничной палате, Дункан с трудом повернул голову на звук шагов в коридоре. Он был так слаб, что это казалось абсурдом. Он и представить себе не мог, какие разрушительные последствия окажет операция на его организм.

Ему сказали, что он провел на операционном столе целых четыре часа. В течение нескольких дней его подташнивало от эфира. А потом начались боли, от которых он содрогался – вся левая сторона его тела превратилась в стену живого огня.

Анна прооперировала не только мышцы, кости и суставы, но и нервные сплетения, эти сложные пучки, выходящие вместе с крупными сосудами из подмышечной впадины. Никакой опиат не мог полностью снять агонию этих измученных нервов.

По ночам он часто молился: «Боже, теперь, когда я знаю, что такое боль, теперь, когда я понимаю, что такое страдание, я стану лучшим врачом, если справлюсь!»

Дверь тихо открылась, и его медсестра сказала:

– К вам посетитель, мистер Стирлинг. Она обещает, что не задержится надолго.

В следующую минуту в дверях появилась Джин.

Она принесла в душную палату сладкое дыхание гор. К резким запахам антисептиков примешался дух сосны и болотного мирта, мыла и древесного дыма. Она застенчиво вошла, в своем простом коричневом платье – на голове небрежно надетый берет, в руках свертки. В теплом взгляде ее молодых глаз были неуверенность и острая тревога.

– Джин!

– Дункан! – воскликнула она. – Ты ужасно худой!

Она подошла к нему.

– Я ужасно рад тебя видеть, Джин. Я думал, ты бросила меня навсегда.

Он протянул свободную руку – другая лежала на кровати в покоем на коробку гипсе – и крепко пожал ей пальцы.

– Я приехала в город за покупками. Я должна была тебя увидеть, несмотря на то что вы с отцом страшно поссорились.

– Как поживает твой отец? – спросил он, хотя с горечью решил, что между ним и Мердоком все кончено.

Ее глаза затуманились.

– Не слишком хорошо. Ему ведь в любую погоду приходится отправляться на вызовы, а о себе он не может позаботиться. У него бронхит в тяжелой форме. И потом, в последнее время он так расстроен из-за новой плотины, которую начали возводить на озере Лох-Линтон, с электростанцией, глиноземным заводом и всем прочим – хуже не придумаешь, дымящие трубы, которые погубят красоту долины.

Он посмотрел в ее озабоченное лицо:

– За этим планом стоит человек по имени Овертон?

Она кивнула:

– Отец уже настроил его против себя. Я... я почти напугана. – Тут она поспешно сменила тему. – Но я пришла сюда не для того, чтобы говорить об отце и его проблемах. Дункан, скажи мне, все будет хорошо?

Он снова пожал ее пальцы:

– Это я скоро узнаю. Сегодня они снимают гипс.

– О, я уверена, что все будет хорошо. Мне трудно это говорить... – Она запнулась. – Но каждую ночь я лежала без сна, думая, надеясь, что твоя рука поправится.

– По крайней мере, ты, – он не мог удержаться от замечания, – не против доктора Гейслер.

Она открыто посмотрела на него:

– Я за любого, кто делает тебе добро, Дункан.

Повисла неловкая пауза, пока Джин не выложила все, что принесла: домашнее желе и булочки, которые, как она надеялась, ему понравятся. Затем она рассказала об их старом автомобиле и о ее новом выводе цыплят, о последних новостях в Страте, о Хэмише, об охоте, которую сэр Джон Эгль планировал на двенадцатое число, о сыне сэра Джона, Алексе, который вернулся из Оксфорда, чтобы побороться с нежелательным планом электрификации. Несколько раз она спохватывалась, что утомляет его, и порывалась уйти, и каждый раз он настаивал, чтобы она осталась.

Когда наконец она встала, он сказал, опустив глаза:

– Джин, я бы все отдал, чтобы ты была моей сестрой.

– Поправляйся быстрее, – поспешно отвернувшись, прошептала она. – Это все, что имеет значение, Дункан, дорогой!

Ее визит невероятно ободрил его.

Глава 27

Ровно в три часа дня доктор Гейслер со старшей медсестрой явились к Дункану с судьбоносным визитом.

– Ну что ж! – воскликнула Анна, присаживаясь на край кровати и оглядывая его бинты. – Кажется, у тебя на щеках действительно появилось по пятнышку румянца. – Она отвела взгляд от замурованной руки и улыбнулась. – Сестра, дайте мне, пожалуйста, стамеску. – И продолжила, адресуясь к нему: – Ты нервничаешь?

И она начала осторожно раскалывать тяжелый гипс.

Дункан облизнул пересохшие губы:

– Это ты должна нервничать.

– У меня нет такой слабости, – возразила она. – Я попросила принести реостат для измерения электрической активности твоих мышц.

Когда стали отваливаться куски гипса, он почувствовал приступ слабости. После всего, что он пережил, ему было не по себе от непреложной стремительности происходящего. Он едва сдерживался, чтобы не попросить их отложить это, подождать до завтра, когда ему все-таки придется узнать нечто лучшее или худшее.

Но остатки гипса были уже удалены, и Анна принялась разбинтовывать руку. Последним быстрым движением она сняла повязку, и перед его глазами оказалась его левая рука.

Сначала он не мог полностью осознать увиденное, настолько в его памяти был запечатлен образ скукоженной и искривленной конечности. Рука не выглядела ни скукоженной, ни искривленной. Какой бы тонкой и хилой она ни была, теперь она казалась нормальной. По всей ее длине багровели глубокие шрамы от разрезов. Кожа белая с голубоватым оттенком. Вот она, его воссозданная рука. Анна сломала ее, а затем слепила заново, как художник, работающий с глиной.

– Ну как? – спросила она.

– Вижу, – неуверенно прошептал он, – что ты совершила чудо.

– Это еще предстоит выяснить, – решительно ответила она и подала сигнал, чтобы подготовили реостат.

Через мгновение медсестра подкатила к его кровати тяжелый электрический аппарат. С помощью еще одной медсестры Анна отрегулировала настройки, намочила накладку физиологическим раствором и включила ток.

Низкий гул наполнил палату. Откинувшись на подушки, Дункан ожидал воздействия электродов с еще большим страхом, чем всего остального до этого. Успех или неудача операции зависели от следующих нескольких секунд. У него перехватило дыхание, когда мышцы восстановленной руки стали одна за другой реагировать на гальваническую стимуляцию. И тогда он осознал, раз и навсегда, что больше не инвалид.

– Сейчас нам не о чем беспокоиться, – сказала Анна. – Тебе понадобятся недели массажа и электричества. Но поверь мне, – она говорила с легкой издевкой, – ты теперь как новенький.

– Я понимаю, – просто сказал он. – Я чувствую это – даже сейчас. Смотри!

Прежде чем его успели удержать, он, сделав усилие, поднял руку и взял стакан с подноса.

– Не надо! – в ужасе закричала медсестра. – Вы навредите себе!

Но Анна, внимательно наблюдавшая за происходящим, махнула ей, что, дескать, ничего страшного.

Все зачарованно наблюдали, как он поднес к губам легкий стакан с водой, отпил из него и поставил обратно на стол. С тех пор как его поразил паралич, такое движение было ему не под силу.

– Ну и ну! После этого, мистер Стирлинг, я не чувствую себя в безопасности! – отшутилась старшая медсестра, снимая собственное напряжение. – Скоро вы будете швырять в нас мебель.

Прежде чем ее подчиненная успела улыбнуться, старшая медсестра повернулась к ней:

– Пойдемте, сестра, помогите мне отвезти этот аппарат.

Глава 28

Когда они ушли, Анна и Дункан какое-то время молчали.

Наконец с самым серьезным видом он заговорил:

– Я столь многим обязан тебе. С самого начала нашего знакомства ты стала просвещать меня в музыке, изобразительном искусстве, литературе – ты дала мне гуманитарные знания, окультурила меня. Ты нашла мне работу, когда я больше всего в ней нуждался. Благодаря тебе я получил широкий, очень широкий опыт в медицине. А теперь... – его голос пресекся, – вот это.

– Ради бога, Стирлинг! Вы, шотландцы, до глупости сентиментальны. – Она резко встала и подошла к окну. – Разве я не сказала тебе, что довольна результатом? Ты попадешь в мой учебник – с десятками иллюстраций и мерзких диаграмм.

– Даже если так, Анна, позволь мне сказать тебе спасибо. Самое удивительное – несмотря на все сплетни о нас, – что ты сделала это по чистой дружбе.

– Мой дорогой Дункан, – перебила она его, – не веди себя как профессор философии. На самом деле я заслуживаю от тебя чего-то лучшего.

– Прости, Анна, – сказал он. – Но я действительно чертовски благодарен тебе. И почти ничего не могу сделать в ответ.

Тронув занавеску, она посмотрела в окно, затем как бы между прочим сказала:

– Ты можешь сделать довольно много, Дункан. Я не такая уж альтруистка, какой могу показаться. Я хочу, чтобы ты работал со мной, помог мне завершить патологоанатомические исследования – вернул мне долг. – Она быстро повернулась, ее лицо было приятным, спокойным. – Однако позже у нас будет достаточно времени, чтобы разобраться с этим. Между прочим, десять минут назад наша медсестра совершила ужасную ошибку – мне только что пришло это в голову.

– Что такое?

– Она назвала тебя «мистер Стирлинг». А с сегодняшнего утра правильная форма обращения – доктор Стирлинг.

Она улыбнулась, направляясь к двери.

– Я услышала это от доктора Инглиса, когда шла сюда. Он был очень взволнован. Ты сдал экзамен, Дункан, заработал диплом. И с отличием.

Она открыла дверь и, бросив последний взгляд на его изумленное лицо, быстро вышла.

Он лежал неподвижно, желая позвать ее назад, поблагодарить более достойно. Затем постепенно на него стало обрушиваться осознание его будущего. Инстинктивно он пошевелил освобожденной от гипса рукой, сжимая и разжимая некогда бесполезные пальцы. Волна силы прошла через него. Теперь наконец, как и сказала Анна, весь мир был у его ног.

Внезапно он повернулся на локте, взял с прикроватного столика свое старое потертое портмоне. Из него он извлек фотоснимок и веточку увядшего вереска. На снимке была Маргарет; вереск был ее давнишним подарком. В настоящее время она отдыхала в Швейцарии. «Но теперь, – в запале подумал он, – теперь мне есть что предложить ей, когда она вернется».

Глава 29

Прекрасным утром в конце июля Дункан, в белом халате, стоял перед палатой Инглиса в больнице Виктории, нетерпеливо ожидая Йэна Овертона.

Шесть недель назад, когда он вышел из больницы, декан Инглис назначил его врачом-практикантом в своей палате, самой большой в Виктории.

– Я всегда верил в тебя, мой дорогой Стирлинг. – Почтенный декан, чей пессимизм чуть не свел на нет первые упования Дункана, благосклонно похлопал его по спине. – И, между нами, – усмехнулся он, – я хочу продемонстрировать эту веру перед лицом различных общественных и... э-э... частных возражений.

И, взяв Дункана за руку, он повел его по больничному коридору в свою роскошно оборудованную лабораторию.

Дункан переехал в свое новое жилое помещение в большой больнице и, радуясь силе двух здоровых рук, с головой окунулся в работу, к которой так стремился.

Его дни были заполнены до предела. Он вставал в семь утра и до завтрака заполнял журналы с историями болезней. Утром он сопровождал декана Инглиса во время его официального обхода палат – что требовало немалого терпения, поскольку Инглис был до рассеянности медлителен. После торопливого ланча Дункан до шести вечера проводил серию биохимических анализов. Кульминацией был вечерний обход с Овертоном, который стал заместителем главного врача больницы и был готов теперь по малейшему поводу демонстрировать свои новые полномочия.

После шести изнурительных недель пыла у Дункана поубавилось, и на смену ему пришло странное чувство неудовлетворенности. Он не возражал ни против скучной рутины, ни против мелких нападков Овертона; но на каждом шагу он испытывал разочарование в своем горячем желании установить реальный контакт с больными.

Шаги в вестибюле заставили его поднять глаза. Это был Овертон. Дункан подождал, пока тот приблизится.

– Овертон! Я хотел бы поговорить с тобой об Уолтерсе.

– Какой еще Уолтерс? Я занят – иду завтракать.

– Это важно, Овертон. Молодой парень с неясной симптоматикой в груди, лежит на кровати номер семь. Ему все хуже.

– Что, черт возьми, я могу с этим поделать? – Накануне вечером Овертон допоздна был на танцах с медсестрой Доусон и по многим причинам, помимо той, что была связана с хорошенькой медсестрой, находился в плохом настроении. – Мы сделали все, что могли.

– Все, кроме выяснения, что с ним не так. – Тон Дункана был твердым. – Я целую неделю до одури делал каждый день десятки бесполезных анализов. Тем временем он умирает.

– Диагноз не поставлен, – отрезал Овертон. – Мы не можем действовать. Шеф считает, что это анемия неясного генеза.

– На мой взгляд, это простая, элементарная эмпиема плевры. Этому человеку следует сделать прокол грудной клетки. Иначе он умрет.

– А кто спрашивал твое мнение? Помни о своем положении здесь, Стирлинг. Ты оказался здесь лишь по причуде декана. И тут до черта тех, кто хочет, чтобы ты ушел.

Он зашагал прочь по коридору. Дункан с застывшим и вытянутым лицом смотрел ему вслед.

Глава 30

В тот вечер у него был свободный от дежурства час. Дункан, как обычно, провел его у Анны. Он с ядовитым удовольствием бросал вызов городским сплетням.

Угостив его кофе, она прокомментировала его необычное молчание:

– В чем дело? Неужели кто-то еще сплетничает о нас?

Он покачал головой:

– Нет, просто я наслаждаюсь знакомством с аппаратной медициной. Забавно, – продолжал он с иронией, – возиться с пробирками и основным обменом веществ, когда, приложив ухо к груди пациента, я могу за две минуты определить, чем он болен.

Она пристально посмотрела на него:

– Не принижай значение оружия современной медицины, Дункан.

Его вдруг прорвало.

– Все шесть недель это росло во мне! Я хочу работать руками, а не с помощью приборов – они парализуют профессию. Врачи, для кого главное деньги, – это только половина проблемы. Другая половина заключается в том, что врачи при нашей нынешней системе лишаются качеств, которые действительно имеют значение. Больше не нужно быть личностью, обладать даром внушать веру, уметь ставить реальный диагноз. Врачам ничего не позволено делать самостоятельно. Для этого есть медсестры, нянечки или приборы, которые сами все сделают. Прямо сейчас в моей палате умирает человек, потому что никто не может увидеть истину за лесом диаграмм, графиков, расчетов и анализов!

В ее холодном молчании чувствовалось неодобрение.

– Тебе самое время применить научный подход к своей работе.

– И отказаться от чисто человеческого подхода? – огрызнулся он в ответ.

– А почему бы и нет? Когда продвинешься в патанатомии, то обнаружишь, что от него мало толку...

Запнувшись, он пристально посмотрел на нее.

Она ответила ему таким же пристальным взглядом.

– Ты прекрасно знаешь, что мы собираемся объединиться. Мне действительно понадобится опытный патологоанатом для исследования нейромышечной координации.

– Твоя научная работа, – сказал он.

– Скажем, наша работа. Не забывай, что ты связан со мной определенными обязательствами. – Она загадочно улыбнулась ему и сменила тему. – А теперь расслабься. Я сыграю тебе что-нибудь из Баха.

Она не разрешила его проблему. Она создала новую.

Он попросился раньше, чем истек его свободный час, и сразу же вернулся в палату. Возле кровати № 7 он остановился.

Пациент, Уолтерс, парень двадцати двух лет, был в плачевном состоянии – губы пересохли, глаза затуманились, дыхание поверхностное и затрудненное. В приглушенном освещении морщины на лбу нахмуренного Дункана стали еще глубже. Он просунул руку под больничную рубашку пациента, ощутив, благодаря своему тайному дару, что именно творится под вздымающимися ребрами.

Обернувшись, он подозвал медсестру:

– Для начала мне нужна ширма, сестра. Принесете ее?

Через пять минут она вернулась с ширмой. Ее сопровождали медсестра и два стажера с тележкой, на которой был аппарат для анализа крови с реактивами и красителями, предметные стекла, крышки, стерилизаторы – все на высшем уровне.

Дункан скривился:

– Все, что мне нужно, сестра, – это игла. Подайте, пожалуйста.

Он склонился над пациентом, но внезапный скрип открывающейся двери заставил его поднять голову. Со своим вечерним визитом в палату вошел доктор Овертон.

– Что все это значит? – спросил он сдержанно, но не без яда.

Дункан выпрямился:

– Если немного подождешь, сам все увидишь.

– Ты в своем уме? – вспыхнул Овертон. – Без моего разрешения ты не имеешь права заниматься этим пациентом.

– Я должен получить твое разрешение, чтобы спасти ему жизнь?

Испуганные и шокированные дежурные медсестры замерли. Больной перевел взгляд с мертвенно-бледного лица Овертона на полного холодной решимости Дункана и слабо подергал молодого доктора за рукав.

– Продолжайте, доктор, – выдохнул он. – Ради всего святого, помогите мне, сделайте все, что в ваших силах.

– Предупреждаю... – повысил голос Овертон. – Это на твой страх и риск!

Дункан снова упрямо наклонился над больным. Он крепко сжал иглу, представлявшую собой тонкий металлический зонд. Его пульс бешено колотился, когда он вонзил иглу в грудь пациента. Мгновение ожидания – и через прокол из абсцесса в плевре хлынул густой желтый гной, который, казалось, никогда не иссякнет.

Уолтерс вздохнул с облегчением. Овертон был бледен, на лбу у него выступили капельки пота.

Вытирая инструмент марлей, Дункан тихо заговорил с сестрой:

– Вам следует перевести его сегодня же вечером в палату Е, сестра. Он отлично перенесет резекцию ребра.

– У меня и так уже все отлично! – Слезы облегчения текли по щекам молодого Уолтерса. – Теперь я могу нормально дышать. Да благословит вас Бог, доктор!

Глава 31

На следующее утро во время обхода Дункан поймал на себе странный взгляд доктора Инглиса. Когда они остались вдвоем, декан нервно потрепал его по плечу. Немного подумав, он заметил:

– Ты не очень-то ладишь с доктором Овертоном, Стирлинг.

– Да, сэр.

Декан расслабился и рассмеялся:

– Я тоже!

Он тут же спохватился и продолжил в своей деланной самоуверенной манере:

– И все же, мой дорогой Стирлинг, я бы хотел, чтобы ты не расстраивал своего коллегу. Считаю лишним говорить, что здесь есть силы, направленные против тебя. У тебя могут возникнуть неприятности. Хотя я искренне убежден, что не возникнут, но, умоляю тебя, в будущем постарайся быть более сговорчивым.

Уолтерс отлично восстановился. Позже, когда Дункан выписывал благодарного пациента из больницы, он не мог подавить упрямую мысль: «Если бы я был сговорчивым, этот симпатичный юноша был бы мертв».

Однажды, в пятницу днем в конце сентября, когда Дункан стоял в лаборатории, почти закончив на сегодня свою работу, раздался легкий стук в дверь. Прежде чем он успел сказать «войдите», возле него уже была Маргарет.

– Вот видишь! – заявила она. – Гора сама приходит к доктору Магомету!

– Маргарет! – воскликнул он пылко. – Я понятия не имел, что ты вернулась!

– Отцу пришлось десять дней назад рвануть домой по делам – это все новая энергетическая компания.

– Как это мило с твоей стороны прийти ко мне, – сказал он растроганно.

– О! – беззаботно рассмеялась она. – Я должна была кое-что передать дяде Инглису, и я подумала заскочить к тебе.

Маргарет оценивающе, как это было свойственно только ей, оглядела его высокую, прямую фигуру в белом халате.

Внезапная волна невысказанных чувств нахлынула на него. Он тосковал по Маргарет и с растущим нетерпением ждал ее возвращения.

Теперь он больше не терялся в словах. И при этом он не был калекой, борющимся за свое место под солнцем, с мизерной надеждой на конечный успех. Теперь он твердо знал, что его амбиции могут привести его к вершинам.

Глава 32

– Маргарет, я давно хочу что-то тебе сказать, – торжественно произнес он.

В ответ она нарочито, словно поддразнивая, округлила глаза:

– Ну, если только это не история твоей жизни!

Он сделал шаг к ней:

– Нет, хотя это началось довольно давно. Это история про бедного мальчика и принцессу, которая жила высоко в своей башне.

Она лукаво посмотрела на него:

– Какие приятные вещи ты говоришь! И кто была твоя принцесса?

– Маргарет, а ты не догадываешься?

– Ты имеешь в виду меня?

В ответ он достал из бумажника высохшую веточку вереска:

– Разве ты не помнишь, когда дала мне это?

– Нет. – Она озадаченно покачала головой.

– У реки, – подсказал он. – В тот день я был на рыбалке и увидел тебя.

– А... да. И ты с тех пор это хранил?

Он кивнул.

Несмотря на всю свою осторожность, она все-таки погрела свое тщеславие на огне его любви:

– Я не могу найти слов, чтобы сказать, как я польщена.

Он взял ее за руку:

– Маргарет, я так долго ждал, чтобы иметь возможность признаться. Я люблю тебя. Я знаю, что могу добиться большого успеха. И все это будет ради тебя, Маргарет! – Очертя голову он бросился вперед. – Когда я сделаю себе имя, когда я найду место в мире для нас обоих, ты выйдешь за меня замуж?

Она, насколько могла, выдержала его взгляд. Затем, коротко вздохнув, опустила голову.

– Я не должна была позволять тебе такие слова, – пробормотала она с наигранным смущением. – Но ты мне нравишься – правда нравишься, – и мне действительно хотелось услышать то, что ты сказал.

– А чего же тут непозволительного? – спросил он.

Она медленно высвободила руку:

– Ну, лучше бы ты сам это заметил...

Она вытянула перед ним левую руку, демонстрируя на безымянном пальце большой новый бриллиант.

– Я удивлена, что ты этого не заметил. Он такой огромный – и такой красивый!

Дункан был ошеломлен.

– Я в этом не разбираюсь, Маргарет, – с трудом выговорил он. Последовала долгая пауза. – Прекрасное кольцо. – Он снова помолчал, подбирая слова. – Кто... кто он?

Впрочем, он знал, что она ответит.

– Ну, Йэн – доктор Овертон, конечно. Мы всегда были равнодушны друг к другу. Вот почему я зашла к тебе. Чтобы ты меня поздравил. Чтобы пожелал мне удачи!

Ценой огромного усилия ему удалось скрыть горечь разочарования.

– Я действительно желаю тебе удачи, Маргарет, и счастья – от всего сердца.

– Ты должен признать, – торопливо заговорила она, – что это во всех отношениях подходящая партия. У нас так много общего. А новая должность Йэна в Фонде Уоллеса приведет нас в Эдинбург. Отец обещал нам прекрасный дом. Понимаешь, считается, что через несколько лет Йэн станет основным кандидатом на пост директора.

– Вы скоро поженитесь?

– В следующем месяце, – кивнула она. – Ты должен прийти и потанцевать на свадьбе. Я приглашаю всех своих старых поклонников. Разве это не забавно?

Слушая ее легкомысленную болтовню, он вдруг словно прозрел на мгновение, подумав, что на самом деле она пуста и тривиальна. Но это тут же прошло, и тоном спокойной искренности он сказал:

– Если тебе понадобится моя помощь, в любое время, – только дай мне знать.

Она чуть пожала его руку, собираясь что-то ответить, когда звук автомобильного гудка заставил ее подбежать к окну.

– Это Йэн! Мы играем в гольф перед чаем.

Она весело повернулась и со смутным сожалением протянула руку:

– До свидания. Не стоит со мной спускаться. Нам надо успеть поиграть, пока еще светло.

Скрепя сердце он стоял у окна, глядя, как Овертон с торжествующей улыбкой и властной заботой усаживает Маргарет в машину и как они уезжают.

Глава 33

В тот вечер Дункан должен был встретиться с Анной, чтобы сходить на концерт филармонического оркестра. Но теперь он позвонил миссис Гейт и оставил сообщение, что вынужден отменить встречу.

Однако около половины одиннадцатого Анна без предупреждения вошла в его комнату. Она сняла шляпку и опустилась в кресло. Затем, не обращая на него никакого внимания, взяла местную газету и принялась читать.

– Ну что, хороший концерт? – заставив себя поднять голову, спросил он.

– Я тоже не пошла.

Она была полна какой-то необычной многозначительности.

– Не притворяйся паинькой ради меня. Продолжай принимать сидячую ванну страданий.

Не обращая внимания на его сердитый взгляд, она невозмутимо продолжила:

– Послушай-ка местный орган новостей и общественной мысли: «Многочисленным друзьям мисс Маргарет Скотт и доктора Йэна Овертона в Сент-Эндрюсе будет крайне интересно узнать об их помолвке, объявленной минувшим вечером миссис Инглис, тетей мисс Скотт. Мисс Скотт, хорошо известная своей активностью среди светской молодежи города, является дочерью полковника Джона Скотта из Стинчар-Лоджа». – Она с отвращением отбросила газету. – Меня от этого тошнит. Ты никогда не любил эту девицу! Ты был влюблен в некий идеал. Ты возвел ее на пьедестал и встал на колени, чтобы поклоняться. Везде одно и то же. В моей стране каждый сын дровосека лелеет мечту о деве из schloss, то бишь замка.

Он свирепо посмотрел на нее, но Анна заявила:

– Она всего лишь тщеславная, эгоистичная, пустоголовая маленькая кокетка. Подумай, как бы рядом с ней ты смог бы заниматься своим делом – с этими ее вечными прихотями, ее дурацкими вечеринками, ее светскими замашками...

– Анна! – Дункан вскочил, потемнев от гнева.

– Да знаю, знаю! – небрежно отмахнулась она от него. – Если бы я не прооперировала твою руку, ты бы прикончил меня на месте. И если бы я не считала, что под этой твоей сентиментальной шкурой кроется что-то хорошее, я бы встала и ушла навсегда.

Он беспомощно посмотрел на нее и снова опустился на стул.

– Так-то лучше, – продолжала она уже с другой интонацией. – Я знаю, что тебе больно. Я знаю, каково это – чувствовать, что она выбрала Овертона. – На ее лице отобразилась медленная, циничная улыбка. – Не переживай. Он не будет счастлив. И она тоже.

– Анна, помолчи! – Он сжал голову руками.

– Сестра Доусон пыталась покончить с собой этим вечером, – неторопливо произнесла она.

– Что?

Сбитый с толку, он поднял на нее глаза. Затем смысл сказанного потряс его подобно удару.

Анна кивнула.

– Бездарная, грязная интрижка. Ты можешь себе представить, чтобы квалифицированная медсестра именно в больнице заглотила пятьдесят таблеток снотворного? Мы как следует промыли ей желудок. Все об этом молчок. Сейчас ее отправили к родственникам в Перт. Она полностью восстановилась, но теперь уже... не как новенькая.

Дункан во все глаза смотрел на нее.

– После этой суматохи в ее комнате, естественно, царил хаос. Но вот это я увидела – и подумала, что стоит сохранить.

Она бросила ему пачку писем. Он медленно развязал тесемку. Они были от Овертона. Потребовалось всего несколько минут, чтобы раскрыть их суть.

– Да, – заметила она, когда он поднял на нее взгляд. – Твой дорогой, добрый друг завис у нас прямо на краю пропасти. Будет приятно посмотреть, как он туда падает.

– Нет!

– Почему нет? Он сам напросился, оклеветав нас, этот достойный образец, соблазняющий собственных медсестер!

Дункан с суровым видом покачал головой:

– Это не по мне, Анна! Ни за что! Маргарет этого не вынесет. Я буду драться с Овертоном, но не так.

Глава 34

Она, прищурившись, следила за ним, умело перестраиваясь на ходу.

– Возможно, ты прав. Только хотелось увидеть, как ты действительно намереваешься разделаться с этим человеком. Теперь я, в общем, знаю, как ты можешь это сделать. Когда ты заканчиваешь в «Виктории»?

– В середине октября – если меня не выгонят раньше.

– Великолепно! Уходи четырнадцатого октября для разнообразия. Хороший, чистый воздух выветрит, мой друг, все заблуждения из твоей головы. Гарантирую, что через какие-то четыре недели ты излечишься. А потом...

– Что потом?

– Потом я буду готова заняться тобой.

– Заняться мной?

– Комиссия предполагает перевести меня в Эдинбург – это пока что не официально, но практически решено. Я получу серьезное назначение со всеми привилегиями в больнице при Фонде Уоллеса. А также, – добавила она небрежно, – право на выбор коллеги для оказания мне помощи в патологоанатомических исследованиях.

Вид у него был мрачный, почти неприступный.

– Патанатомия! Это как погребальная плита... Боже! Я ненавижу это.

– Не говори глупостей! У меня есть свои люди в Комиссии. Возможно, я даже добуду тебе руководящее место. Начальник патологоанатомического отделения, в твоем возрасте – подумай об этом! И подумай, что об этом подумает Овертон!

– Черт возьми! Почему ты пробуждаешь во мне самое худшее? – возопил он.

– Потому что, дорогой старина Дункан, ты в значительной степени моя собственность, – мило улыбнулась она. – И сейчас больше, чем когда-либо.

– Ты самая эгоистичная, самая inferнальная женщина, которую я когда-либо встречал.

Она подавила зевок и посмотрела на часы:

– Да, в том, что касается науки, так оно и есть. И мы оба маршируем под этим знаменем. – Она бросила на него последний холодный взгляд. – Спи спокойно, бедный дровосек, дни твоей телячьей любви закончились.

На пути к двери она взяла пачку писем. Позже, вернувшись домой, она тщательно перевязала пачку и со странной улыбкой спрятала ее в ящик бюро.

Глава 35

Полный лихорадочных и противоречивых мыслей, бесконечно терзавших его сознание, Дункан дотянул до своей последней недели в больнице Виктории.

Погода стояла суровая, с внезапными метелями и жесткими бесснежными морозами, превратившими землю в железо. Однажды поздно вечером, когда он возвращался с последнего обхода, в его гостиную зазвонил телефон. Решив, что это запоздалый звонок от медсестры Грант, он привычно снял трубку.

Это была не сестра Грант. Голос доносился издали, через мили междугородных проводов. Он вздрогнул, поняв, что это Джин Мердок.

– Я звоню из-за отца – он слег.

– Что с ним?

– Бронхит. У нас здесь снега по колено. Три ночи подряд отца вызывали в Страт, тогда он и простудился. Сильно. Он просто не хотел уступать болезни – но теперь пришлось.

– А как его работа?

– Это меня и беспокоит. Здесь много заболевших.

Он представил себе ситуацию в этом богом забытом Страт-Линтоне: больной доктор, заледенелая сельская местность, все кругом болеют.

– Ему нужна замена?

– Да, немедленно. Ты никого не знаешь? – Она поколебалась, а затем поспешно спросила: – О, Дункан, а ты не можешь сам приехать на неделю или две?

Он уже принял решение. Если бы не обида на Мердока, он бы сам предложил свою помощь, не дожидаясь, пока она попросит. Он быстро прикинул план действий. Он был уверен, что в такой чрезвычайной ситуации декан Инглис освободит его от этих последних нескольких дней в «Виктории».

– Во сколько отсюда отправляется последний автобус? – спросил он Джин.

– В девять часов, со Старой площади.

– Похоже, я могу успеть. Жди меня около десяти часов.

Он повесил трубку и позвонил доктору Инглису. Краткое, убедительное объяснение – и он свободен. У него не было времени взять с собой какие-то вещи. Он накинул шарф, надел пальто, надвинул шляпу на лоб и поспешил вниз по лестнице. Пробежал по пустынной улице и вскочил в издававший виды сельский омнибус, как раз когда тот отъезжал со Старой площади.

В автобусе, обычно переполненном, на сей раз было только два пассажира – молодой мужчина лет двадцати пяти с хорошим лицом и аккуратной бородкой, который был погружен в чтение какого-то романа, и его непосредственный попутчик, вызвавший у Дункана внезапный шок узнавания. Хотя Дункан и не видел его шесть лет, он сразу узнал полнотелого мужчину средних лет с тяжелым подбородком, мешками под глазами и редкими черными волосами, зачесанными на лоб. Это был Честный Джо Овертон!

Вскоре последний дал понять, что он не забыл Дункана.

– Это ты, – проскрипел он. – Что ты тут потерял в такой вечер?

– А вы? – спросил Дункан.

– Я! – проворчал Честный Джо. – Я навещал своего сына. Меня бы не было в этом проклятом катафалке, если бы моя машина не сломалась. Что-то с зажиганием. Ну подожди, доберусь до своего механика – сверну ему шею к чертям. – Он вытащил из кармана сигару, откусил кончик и спросил, закуривая: – Далек ли собрался?

– В Страт-Линтон, – сказал Дункан.

– А! – с явным интересом отреагировал старый знакомый. – Прекрасная долина! Я сам болтаюсь неподалеку от этого богом забытого места. Занят самым большим проектом в своей

жизни, на озере Лох-Линтон – плотина, шлюзы, турбины, генераторы, целый набор штуквин, где занято более тысячи человек. Все твои друзья из Совета Ливенфорда со мной. Когда мы закончим, мы обеспечим электроэнергией и светом половину восточных графств. Практически монополисты, к тому же у нас есть собственный глиноземный завод в придачу.

Дункан молчал. Помимо того, что рассказала ему Джин, в последнее время об этом много писали в прессе. Ожесточенные споры касались нового плана, который, несмотря на несомненную пользу, уничтожил бы на многие мили вокруг этот прекрасный природный ландшафт.

Глава 36

– Видишь вон того молодого выскочку? – Честный Джо указал на их попутчика, поглощенного чтением. – Это Алекс Эгль, сын сэра Джона Эгля. Клянусь богом, ты не поверишь, сколько неприятностей они нам доставили, эти чертовы Эгли, пытаюсь угробить наш план и спасти свою открыточную собственность. Но я приложил их как следует! – Он потер руки, затем скосил бегающие глазки на Дункана. – А что у тебя за дела в долине Линтон, смею спросить?

– Еду заменить местного доктора Мердока, – ответил Дункан.

– Мердока! – возмущенно воскликнул собеседник. – Эту упертую старую свинью!

– Вы знаете доктора Мердока? – холодно спросил Дункан.

– Слишком хорошо, – пробурчал старший Овертон. – Я попросил его оказать мне услугу по нескольким случаям выплаты компенсации. Кучка моих людей имела глупость заболеть брюшным тифом – начали требовать пособия по болезни. Вместо того чтобы помочь мне, этот старый черт обвинил во всем еду, которой я их кормил, и поклялся, что представит доказательства в суде, если я им не заплачу.

– И конечно, он был не прав? – ровным тоном осведомился Дункан.

Подрядчик бросил на него острый взгляд:

– Прав он или нет, но я так просто не забуду этого твоего доктора Мердока. Передай ему это от Джо Овертона, когда увидишь. Я рад, что он болен – ему давно пора помереть. Им в Линтоне нужен новый, современный молодой врач, и, возможно, именно я его и найду.

– Вы зря потратите время, – холодно сказал Дункан. – В Страте все любят старину Мердока.

Отвернувшись, он вытащил из кармана учебник и начал читать. При этом ему почудилась полуулыбка одобрения на лице молодого Эгля.

Хотя Дункан пытался сосредоточиться на своей книге, он был рад, когда долгая, холодная поездка закончилась. Он зашагал по деревне, погруженной в белое безмолвие, под ногами скрипел сухой снег, а от мороза дыхание превращалось в иней. Его наполнило чувство радостного возбуждения – он был похож на школьника, возвращающегося домой.

В конце улицы в ночи мерцали окна дома доктора. Дункан затопал по ступенькам, поднял тяжелое дверное кольцо, но, прежде чем успел его опустить, дверь распахнулась и на пороге появилась Джин – темный силуэт на фоне теплого света.

– Входи, – воскликнула она. – Как я рада тебя видеть! Это просто отлично, что ты приехал!

Быстро, нетерпеливо она помогла ему снять пальто – ее глаза горели радостью оттого, что она снова его видит.

– И твоя рука, – понизила она голос. – Разве это не замечательно?

Что ж, вполне, но не более того. Но радость в ее голосе тронула его, столько в этом было живого чувства.

– Еще более замечательно то, как ты меня встречаешь, Джин.

Он стоял, пристально глядя на нее, не желая покидать теплый уют ее присутствия.

– Где больной?

– Наверху. В ужасном настроении – это показывает, что он не так уж и болен.

– Так или иначе, я взгляну на него прямо сейчас.

Дункан снова улыбнулся ей и повернулся к лестнице.

Старый доктор сидел, опираясь на подушки, в кресле с высокой спинкой, на коленях у него был плед, у локтя пыхтел чайник на случай приступа астмы. Щеки доктора пылали, лоб был красен, но слезящиеся глаза смотрели на Дункана с неукротимым гневом.

Глава 37

– Итак, – прохрипел Мердок, – перед нами сама великая личность. Прямиком от проби-рок и нарядных белых халатов!

Дункан с особым интересом посмотрел на него.

– Вы должны быть в постели, – сухо сказал он. – У вас температура, наверное, под сотню², и у вас сильный цианоз.

– Цианоз! – передразнил Мердок. – Это один из ваших новых научных терминов, бла-гослови Господь мою душу! Я уже почти вылечился!

– Пожалуйста, не надо. Вы делаете себе только хуже!

– Может, и так, – пробормотал Мердок. – Но я выздоровлю и без твоей помощи, дорогой доктор. Я за тобой не посылал – это все Джин. И если ты посмеешь попробовать на мне хоть что-то из своих новомодных примочек, я встану с этого кресла и тогда берегись! – Он сделал паузу, затем добавил с насмешливой иронией: – Да, чуть не забыл – как поживает твоя любимая женщина?

Дункан стиснул зубы:

– С ней все в порядке.

– Ты разочаровал меня, наглый юный щенок! – возопил Мердок. – Тебе должно быть стыдно за себя!

– А вам за себя, старый упрямый дурак!

Однако, поскольку эта сцена была не на пользу больному, Дункан сделал над собой огромное усилие, чтобы удержаться от дальнейшей перепалки.

– Мне нужен список завтрашних вызовов, – сказал он категорично.

– Джин отдаст тебе список, – прорычал Мердок.

– Спасибо. – И Дункан направился к двери.

– В Блейн-Ду есть больная женщина, – сказал Мердок. – Жена лесника Маккелви. Она, бедная, умирает от двусторонней пневмонии. Было бы чудесно в такую ночь просить так называемого ученого поехать взглянуть на нее. – Он отвел глаза. – Но мужчина бы поехал.

– Где этот Блейн-Ду?

– Всего каких-то пятнадцать миль в гору. Хэмиш знает этот особняк. – Мердок сделал паузу и медленно перевел взгляд на Дункана. – То есть ты поедешь?

В ответ Дункан просто посмотрел на него.

– Имей в виду, – без малейшего сочувствия прохрипел Мердок, – ничего хорошего ты не добьешься. Но, по крайней мере, это успокоит мужа. Не пытайся прибегать к альтернативным методам лечения у смертного одра. Или Маккелви захочет размозжить тебе голову на месте.

– Я попробую то лечение, которое посчитаю нужным, – бросил Дункан через плечо. – И пошел к черту Маккелви – и вы вместе с ним!

Он захлопнул дверь.

Спустившись, Дункан зашел в полупустую домашнюю аптеку, довольно жалкую на вид – всего несколько пузырьков на деревянных полках, потускневшие медные весы. Там он взял саквояж Мердока – маленький, потертый, в пятнах, с пожелтевшими застежками – черная кожа так сильно пострадала от непогоды, что местами стала ржаво-коричневой. Внутри были аккуратно сложены простейшие лекарства, самые надежные и испытанные средства лечения – шприц для подкожных инъекций, стрихнин, морфий, пара старомодных акушерских щипцов,

² 100 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 37,8 °C.

жгут, бинты, иглы – фактически этакий примитивный арсенал, который мог бы пригодиться Галену³ или самому маэстро Гиппократу.

Взяв саквояж Мердока и чувствуя, как почему-то защемило сердце, Дункан сел в машину рядом с Хэмишем, и они поехали. Чего-чего, а снега прибавилось. Там, где работал снегоочиститель, он лежал высокими сугробами по обочинам дороги. Вскоре, когда Хэмиш свернул с главной магистрали на более узкую горную дорогу, машину стало болтать и заносить из стороны в сторону. Вокруг, словно призраки, стояли в саване иная сосны.

Машина взбиралась все выше и выше. На поворотах в нее ударяли резкие порывы ветра, заглушая подвывание стеклоочистителя и хруст по снегу надетых на шины цепей.

Прошел целый час, прежде чем Хэмиш остановил машину возле смутно видневшегося дома, стоявшего особняком. Очевидно, их ждали. В тот же миг дверь распахнулась.

После снежной белизны под фарами, нащупывавшими извилистый путь в лабиринте дороги, освещение в доме показалось неестественно тусклым. Напрягая зрение, Дункан разглядел высокую, внушительную фигуру лесника – молодого человека лет тридцати с осунувшимся от беспокойства лицом. У каменного очага стояла пожилая женщина, которую Дункан принял за соседку, с двумя молчаливыми детьми. Четыре пары глаз с тревогой и недоверием устремились на него.

³ Гален – знаменитый древнеримский медик, хирург и философ.

Глава 38

– Доктор Мердок болен, – сказал Дункан. – Я доктор Стирлинг.

– Бедная Энни! – Лесник опустил на низкий деревянный стул и обхватил голову руками.

Посмотрев на исполненного отчаяния отца, дети заплакали. Женщина привлекла их к себе, успокаивая скорбным шепотом:

– Не плачьте, мои бедняжки, хотя теперь вы все равно что остались без матери.

Дункан не подал вида, что обескуражен таким приемом в такое время. Из ниши в дальнем конце комнаты доносилось затрудненное дыхание. Он поставил саквояж Мердока на стол и подошел к низкой кровати, на которой лежала больная.

С одного взгляда он убедился в серьезности данного случая. Тут не было необходимости в научной атрибутике, характерной для его недавней работы. У этой пациентки, молодой деревенской женщины, все еще красивой, несмотря на разрушительные последствия инфекции, была долевая пневмония обоих легких. И она умирала.

Его охватило сильное волнение. Это было побуждение к битве, пьянящее, непреодолимое. Вместе с желанием сражаться пришло ощущение силы, которое прокатилось волной по всему его существу. Эта женщина могла умереть, но она все еще была жива. И он не позволит, он не должен позволить ей умереть.

Он снял пальто, закатал рукава рубашки, заговорил с женщиной у камина.

– Мне нужно чтобы вы набрали снега, – сказал он. – По крайней мере два-три ведра.

Дункан подошел к обеденному столу, открыл саквояж. Он ясно видел план своих действий: бороться с лихорадкой, поддерживать слабеющий организм больной до наступления кризиса.

Сначала он устроил свою пациентку поудобнее, сняв с нее разношерстную груду одеял и накрыв одной простыней. У него не было льда. Но природа дала ему другую субстанцию, ничем не хуже. Когда принесли снег, он щедро использовал его, обложив им горящее, истощенное тело.

Он трижды обкладывал молодую женщину снегом, затем при свете масляной лампы достал термометр и смерил ей температуру, после чего взял шприц и осторожно ввел небольшую дозу стрихнина.

Прошел час. Двое детей уснули у камина на старом, подбитом конским волосом диване. Недоверчивая соседка прекратила свои причитания и смотрела на Дункана с невольным интересом и уважением. Маккелви тоже, казалось, сознавал, что его жену пытаются спасти.

– Доктор, – прошептал он, – как вы думаете, у нее есть шанс?

– Помолчи, Джон Маккелви, – тут же вмешалась женщина, – и позволь доктору делать свое дело.

Наступило три часа ночи. Сидя у кровати, взлохмаченный, с расстегнутым воротником рубашки, держа палец на запястье больной, Дункан вдруг почувствовал, как все в нем замерло. В течение последних двух часов он не раз применял стрихнин; он бросил все свои силы на борьбу с заболеванием. Температура оставалась неизменной, дыхание не ухудшалось, но сердцу, казалось, уже ничто и никто не в состоянии помочь. Пульс под пальцами Дункана затрепетал, запнулся, снова слабо затрепетал, а затем погас.

– Да, – печально пробормотала женщина рядом с ним. – Вы сделали все, что могли, доктор, но она ушла.

Глава 39

Это слова вызывали у Дункана отчаянный протест. В приступе какого-то вдохновения он, резко повернувшись, схватил со стола флакон с эфиром, наполнил шприц и воткнул его в остановившееся сердце лежащей без сознания женщины. Затем обеими руками он со всей силой начал массировать левую половину ее грудной клетки. Он работал неистово. Сначала ответа не было, затем он почувствовал под своими руками медленную, конвульсивную пульсацию. Сердце совершило один удар, поколебалось, решилось на второй и третий, затем возобновило свой медленный неуверенный ритм.

Несмотря на неудобную позу, он не осмеливался выпрямиться, размяться. Он знал цену каждой секунды, сражавшейся на его стороне. Время, время – поддержать в ней жизнь, пока не наступит кризис, вот что было главным сейчас.

Она не двигалась с того ужасного момента, когда впала в кому. Но теперь, внезапно, со слабым стоном, она повернула голову на подушке. Огромная, безумная надежда охватила его. Затем он увидел капельку пота у нее на лбу. Завороженный, он смотрел, как капелька, раздвоившись, медленно стекает по щеке. За ней последовала еще одна и еще. Вскоре больная была вся в поту, лихорадка спала, начался кризис – она была спасена.

Когда Дункан наконец устало поднялся с кровати, в окно проник первый слабый проблеск рассвета. Вконец измученный, он все же испытывал странный восторг, музыкой звучащий в его ушах. Он спокойно вымыл лицо и руки холодной водой, медленно натянул куртку. И тут, вздрогнув, он осознал, что рядом с ним стоит Маккелви.

– Доктор, – глядя на него, сказал лесник, но больше не смог произнести ни слова. Никакая литания не сравнилась бы с этим единственным пророненным им словом, никакая благодарность не заменила бы рыдания, сдавившего горло лесника.

– Ну-ну, дорогой! Не приставай к доктору, – вмешалась соседка, суетившаяся у камина. – Идите сюда, доктор! Вот вам миска доброго горохового супа. Я приготовила на завтрак детям, но сначала и вы поешьте. За такую вашу работу вы больше всех и заслужили.

Дункан принялся за горячий, наваристый суп с пахтой. Никогда в жизни он не ел ничего вкуснее. Заодно поели и Маккелви с Хэмишем, переночевавшим в чулане. Проснувшиеся дети, с благоговением постояв перед спящей матерью, тоже присоединились к компании за столом.

Когда Дункан ехал обратно, снегопад перестал и солнце окрасило небо в красный цвет. Хэмиш оказался на удивление разговорчивым – растаявшие предрассудки превратились в поток дружеской болтовни. По приближении к деревне он заявил:

– Я знаю одного человека, который будет доволен тем, что вы сделали. Доктор дал появиться на свет Энни Маккелви. И как же его огорчало, что небеса угрожали забрать ее!

Дункан вошел в дом и тихо проскользнул наверх. И все же, хотя он старался не шуметь, Мердок окликнул его, когда он проходил по лестничной площадке. Дункан постоял, затем вошел.

– Ну, – сказал старый доктор странным тоном, – ты помог бедняжке спокойно уйти?

Дункан устало и далеко не театрально махнул рукой:

– Она поправится. У нее был кризис в четыре утра. Чтоб вас черти взяли, она поправится раньше вас.

– Ты что, шутишь? – спросил Мердок.

– Я нет, – устало сказал Дункан.

Лицо старика было непроницаемым. Тихим голосом он проговорил:

– Иди в свою комнату и поспи часика два. У тебя впереди тяжелый день. А операция в девять.

В этих словах не было ничего особенного, и все же то, как Мердок произнес их, вызвало у Дункана невыразимое чувство удовлетворения.

Глава 40

Вскоре вся округа узнала о том, как Дункан преуспел в лечении пневмонии Энни Маккелви. Нельзя сказать, что он получил одобрение, – это было просто признание его наличия как такового, вкупе с благочестиво выраженной надеждой, что в молодом странноватом докторе может оказаться что-то хорошее.

Шли дни, каждый из которых был полон событий и немалых испытаний, требовавших от Дункана профессиональных знаний и выносливости, – Дункан чувствовал, что он растет как практикующий врач. Боль из-за потери Маргарет все еще не утихала, и бывали моменты, когда его захлестывала волна отчаяния. И все же рана оказалась менее серьезной, чем он себе представлял.

Долгие серые дни со снегопадами миновали, и иногда за утренний обход он преодолевал на машине пятьдесят миль по пересеченной местности, а затем возвращался, сияющий и голодный, к своей полуденной трапезе. И как только он появлялся, его уже ждали блюда с готовой вкусной едой. Дункана поражало, с каким спокойным совершенством Джин ведет домашнее хозяйство.

Как-то после двух недель пребывания в Страт-Линтоне он сказал:

– Джин, однажды кому-то очень повезет с такой женой, как ты.

Она отвернулась, чтобы он не мог видеть ее лица. Слегка натянутым тоном она ответила:

– Ты так думаешь?

– Я правда так думаю, – сказал он полушутливо. – А когда твой отец выйдет на пенсию, что ему предстоит в ближайшее время, он устроит тебя с приличным приданым...

Она резко повернулась, лицо ее выражало волнение и протест.

– Не говори так – это на тебя не похоже!

– Почему, Джин... – Он замолчал, сбитый с толку.

– Что ты можешь знать о моем будущем – откуда такая бесцеремонность? Ты хоть понимаешь наше положение? Папа просто не может уйти на пенсию. Он не может этого себе позволить. Мы не богаты, мы бедны. У нас нет ничего, кроме этого дома и мебели, которая в нем. Мой отец лечил людей не ради собственной прибыли. – Ее чувство собственного достоинства вылилось в отчаяние. – Все эти годы мы с трудом сводили концы с концами. Даже сейчас у нас большие долги за лекарства. И слышать твои глупости о моем замужестве... – Она внезапно замолчала, в ее глазах заблестели слезы.

Хотя Дункан и не понимал, чем ее обидел, было очевидно, что он причинил ей боль.

– Прости, Джин. Я просто пытался пошутить. – В его голосе звучало раскаяние.

– Это я глупая, что расстраиваюсь. – Она отстранилась, стараясь справиться со своими чувствами. – Ой, чуть не забыла. Был звонок как раз перед ланчем. Кто-то получил легкие ранения на гидроэлектростанции в Лох-Линтоне. Мистер Овертон спрашивал, не подъедешь ли ты туда сегодня днем.

– Овертон, – повторил он. – Гидроэлектростанция!

– Да. Если бедному Страт-Линтону когда-нибудь и перепадут какие-то деньги, этот мистер все равно их прикарманит. С его дешевой рабочей силой и плохими материалами.

В состоянии какого-то раздумья Дункан после ланча сел в машину и поехал в сторону озера Лох-Линтон. Дорога шла через долину к гребнистому плато за ее пределами. Наконец он добрался до высшей точки в долине, откуда перед ним должен был открыться самый прекрасный из всех этих пейзажей.

Но там не было ничего прекрасного – вместо горного озера только лишь новое, рукотворное уродство. От берега тянулись ряды унылых лачуг. Деревья были безжалостно вырублены. Вокруг котлованов огромные земляные насыпи. Изрытое пространство завалено кучами

мусора, консервными банками, битыми бутылками. По одну сторону дымовая труба, извергающая дым и искры. По другую – большие бетономешалки, закладывающие основной фундамент под глиноземный завод.

Выйдя из машины, Дункан зашагал по неровной тропинке к будке с надписью: «Администрация, не входите». Внутри были трое: Овертон, коренастый мужчина в комбинезоне и, к его удивлению, Леггат – адвокат с лисьим лицом из Ливенфорда.

Честный Джо встал и приветственно проворчал:

– Наконец-то! Я все гадал, когда, черт возьми, ты явишься. Мистера Леггата ты знаешь – он юриконсульт моей компании. А Лем Бриггс – мой заместитель по строительству.

Дункан обменялся кивком с небритым Бриггсом, переглянулся как со старым знакомым с адвокатом.

– Как я понял, тут у вас произошел несчастный случай, – сказал он.

– А, ерунда, – отмахнулся Честный Джо. – Всего лишь ушиб ноги. Деревянная балка подломилась, и на болвана, что стоял внизу, упало немного бетона.

– Балка была прочной, – вставил Леггат. – Она не сломалась, а соскользнула.

По его тону Дункан понял, что адвокат лжет.

– Так осмотрим его? – сказал он.

Раненый рабочий лежал на койке в одной из времянок. Подозревая что-то более серьезное, чем ушиб, Дункан внимательно осмотрел опухшую ногу. Это был явный перелом.

– Кости не сломаны, а? – многозначительно спросил Честный Джо. – Хватит с меня случаев с компенсацией. Я столько вложил в этот завод, что мне не до подобной чепухи.

– Поперечный перелом малоберцовой кости, – сказал Дункан. – Я доложу об этом сегодня вечером.

Честный Джо выругался.

– Эта опора была гнилой, мистер Овертон, – сказал рабочий. – Я слышал, как она треснула. Половина всех балок, которые мы используем, они изъедены жучками.

– Заткнись, – сказал ему Бриггс.

– Лем! Ты слишком предан компании, – умаслил его Леггат. – Тут не зря называют мистера Овертона «Честный Джо». Наш бедняга получит свои деньги – все, что ему положено. Даже если он сам виноват. Все мы знаем, что сбой бывает и у отличных работников, – он сделал паузу, – и у материалов.

Честный Джо бросил на своего адвоката быстрый взгляд.

Дункан тем временем перевязал поврежденную ногу и под конец зафиксировал ее с помощью примитивной шины.

– Неплохая работа, – прокомментировал Честный Джо с невольным восхищением. – Я искренне рад, что ты прошел свой путь и стал врачом. Насколько я понимаю, ты часто видишься с моим сыном?

Дункан кивнул.

– Да, этим парнем можно только гордиться! С его перспективами в Фонде Уоллеса и прекрасным браком, который он заключает, он будет на вершине медицинского древа прежде, чем ты успеешь сказать «скальпель» в операционной! – Он многозначительно потер ладони. – Тебе никогда не достичь таких высот, Стирлинг. Но я бы не прочь предложить тебе хорошую должность, которая мне может понадобится, – при условии, что ты не попросишь слишком много денег. Как у тебя дела со стариной Мердоком из долины?

– Более или менее, – уклончиво ответил Дункан, защелкивая саквояж.

Честный Джо зло рассмеялся.

– Ты не сможешь поладить с этим старым ленивым ослом. Так вот, у меня есть идея, что моей компании не помешал бы врач, когда мы здесь все наладим. Ты как раз тот человек,

который подходит для этой работы. Имей это в виду, пока я не дам знать. А пока хочешь сигару?

– Извините, мне нужно возвращаться, – сказал Дункан в ответ на притворное дружелюбие собеседника. Затем, на дорожке, ведущей к его машине, он остановился и холодно сказал: – Вы мне просто заплатите. С вас, пожалуйста, полгиней.

– Чего?

– Если только, – Дункан пристально посмотрел на него, – вы не считаете, что это мало.

Честный Джо, справившись с огорчением, медленно достал из кошелька банкноту в десять шиллингов, добавил шесть пенсов и протянул ее Дункану.

– Вот, бери. – Он заставил себя улыбнуться. – Я сказал, что ты многообещающий юноша. Я не осуждаю тебя за то, что ты устраиваешь свои дела, пока старик лежит в лежку. Как я уже сказал, однажды мы с тобой будем вместе. Лучше дай мне свой адрес.

– Меня можно найти в медицинском справочнике, – отрезал Дункан.

– Конечно, – сказал Овертон, протягивая влажную руку. – Я найду тебя там – если ты мне понадобишься.

Глава 41

По дороге в деревню Дункан поймал себя на том, что вытирает пальцы, словно желая стереть след этого липкого прикосновения. От этой поездки у него остался тяжелый осадок, независимо от ее важности. Все, что возводилось на плотине, казалось фальшивым и ненадежным. И за половинчатым предложением Овертона чувствовался какой-то хитрый расчет. Ему хотелось рассказать Мердоку об этом визите, но в конце концов он решил не беспокоить старика, для которого одно упоминание об Овертоне отравляло воздух. Вместо этого он опустил полгинеи в банку из-под чая на комод, где Джин хранила всю мелкую выручку от врачебной практики. «По крайней мере, Честный Джо заплатил за воскресный обед», – подумал он при этом.

Через месяц после прибытия Дункана в Страт-Линтон Мердок смог встать на ноги. Однажды днем, тепло закутанный в шарф, в перчатках и длинном пальто с поясом, он ввалился в дом после прогулки в саду, как раз когда Дункан вернулся со своих врачебных визитов.

Тут же между ними возникло напряжение, которым были отмечены их отношения последней поры. Мердок хорошо знал, насколько усердно молодой врач работал последние четыре недели, и втайне понимал, что неверно судил об отношениях Дункана и Анны Гейслер. Дункан, со своей стороны, сожалел, что в прошлом не сдержался и нагрубил Мердоку. И все же, хотя оба явно стремились к примирению, никто не хотел сделать первый шаг.

– Вы были в саду, – тихо сказал Дункан. – Это прекрасно.

– Чушь! Ничего прекрасного! – Старый доктор нахмурился из чистого упрямства. – Что, прикончил сегодня еще парочку моих пациентов? Когда ты уедешь, мне придется сделать опрос – узнать, остался ли кто-нибудь в живых.

Дункан повесил шляпу и пальто на вешалку из красного дерева.

– Вы слишком долго были не у дел. Вам нужно выпить чая. Где Джин?

Было странно, что она его не встречает.

– Джин, твой отец хочет чая! – крикнул Дункан.

– Помолчи, приятель, – раздраженно сказал Мердок. – Оставь девушку в покое. Пусть Ретта хоть раз принесет нам чай.

Удивленный, Дункан последовал за Мердоком в гостиную, где пылал камин. Вскоре вошла служанка с подносом, нагруженным чайными принадлежностями.

– Когда нас только двое, комната кажется пустой, – вслух сказал Дункан то, о чем подумал.

– Моя дочь наряжается, – пробурчал Мердок. – Сегодня вечером она собирается на Бал арендаторов.

Глава 42

Дункан не подал вида, что он удивлен. Он, конечно, знал об этих танцах – одной из достопримечательностей зимней общественной жизни округа. Но Джин никогда не упоминала о своем намерении поучаствовать в этом. Должно быть, эти мысли отразились на его лице, потому что Мердок повернулся к нему.

– В чем дело? Неужели тебя гложет зависть, что девушка раз в году проведет вечер, как ей хочется, когда все остальное время она трудится не покладая рук?

– Нет-нет, – поспешно сказал Дункан. – Это просто... ну... я понятия не имел... – Он помешивал чай гораздо дольше, чем было необходимо. – Она поедет одна?

– Отнюдь! – огрызнулся Мердок. – Она встречается с молодым человеком, который уже много лет уделяет ей большое внимание.

Совершенно ошеломленный, Дункан заставил себя улыбнуться:

– И кто же это?

Мердок как-то странно посмотрел на Дункана.

– Алекс Эгль, – понизив голос, ответил он. – Прекрасный молодой человек и сын сэра Джона Эгля.

Скрыв эмоции, Дункан поставил чашку, достал курительную трубку и медленно набил ее. У него осталось весьма лестное воспоминание о молодом человеке по имени Эгль в автобусе. Ему никогда не приходило в голову, что у Джин может быть такой «правильный» поклонник. Дункан воспринимал ее как некую независимую данность, считал ее обаяние частью атмосферы Линтона. Он не мог проанализировать причину своего смятения от этой новости.

Тут и вошла Джин в вечернем платье.

– А для меня найдется чашка чая? – спросила она с улыбкой.

Дункан во все глаза смотрел на нее. Прежде он видел ее только в самой простой одежде. В этом шифоновом платье вроде тоже не было ничего особенного, но своей облегающей белизной, подчеркивающей линии юной фигуры, оно придавало Джин особое очарование. Ее волосы тоже были уложены по-иному, с белым цветком, вправленным в темные локоны. В ее глазах искрилось предвкушение бала.

– Джин! Какая же ты красивая, – тихо сказал Дункан. – Красивее этого цветка в твоих волосах.

Внезапно раздался звонок в парадную дверь, и мгновение спустя быстро вошел Эгль, нарядный, в черном вечернем пиджаке и белом шелковом шарфе.

– Добрый вечер, сэр. Рад видеть, что вам лучше. – Он повернулся к Джин. – Первый, пятый, девятый и последний. И никаких отказов, пожалуйста! Если я не закажу их сейчас, у меня не будет ни единого шанса.

Джин зарделась:

– И я должна запоминать подобную чепуху? Ты знаком с доктором Стирлингом, Алекс?

Эгль протянул руку Дункану:

– Кажется, однажды вечером мы ехали в одном автобусе.

Дункан пробормотал что-то невразумительное. Он не был силен в светской беседе. Теплый прием, оказанный тут Эглю, только усилил его уныние. Под конец, стараясь не выдать своих расстроенных чувств, он увидел, как Эгль помог Джин надеть пальто и как они, смеясь, вышли из дома.

Позже, занятый операцией, он боролся с ощущением потери и гневом на самого себя. А потом, в девять вечера, когда он еще не закончил оперировать, к двери операционной подошла Ретта с телеграммой.

Он разорвал конверт и быстро прочитал:

Назначен для хирургических исследований в Фонде Уоллеса, Эдинбург. Комиссия также предлагает тебе стипендию патологоанатома. Начиная с этой недели. Блестящая и исключительная возможность. Настоятельно рекомендую принять. Ответь срочно.
Гейслер

С мрачным удовлетворением он подумал: «С этой деревенской врачебной мелочевкой покончено. Теперь я здесь больше не нужен. И, клянусь Богом, я им всем еще покажу, что к чему! Пусть она выходит замуж за Эгля, и покончим с этим».

Он быстро написал ответ:

Я возвращаюсь. Мы в «Уоллесе» научим их кое-чему.
С уважением,
Дункан

Глава 43

Вскрытие было закончено. Дункан, кивнув своим помощникам, вышел из длинной холодной анатомички в подвале Фонда Уоллеса. Поднявшись по служебной железной лестнице, он вошел в свое жилое помещение в патологоанатомическом отделении.

Пока он просматривал лекцию, которую ему предстояло сейчас прочесть, выражение его лица было озабоченным, почти грозным. За те два года, что он провел в Фонде, его вид стал авторитетнее, взгляд тверже, прямее, на лбу обозначились морщины, которые появляются при постоянной работе с микроскопом. Его глаза смотрели холодно и безжалостно.

Ход его мыслей был прерван стуком в дверь. Это был доктор Хеддл, его младший ассистент.

– Звонила доктор Гейслер – спрашивала, когда мы сможем сделать для нее срезы продолговатого мозга.

Дункан нахмурился:

– Сегодня днем – самое позднее. Скажи ей, что я загляну по пути в лекционный зал.

– Да, сэр. – Младший ассистент помолчал, собираясь с духом. – Кстати, профессор Ли был здесь, когда вы были в анатомичке. Он сказал, что эти последние нейроглиальные ткани лучшее, что он видел за свой пятидесятилетний опыт. Я не могу передать вам, как мы все взволнованы тем, что большое дело завершается так удачно.

Дункан кивнул, не позволяя себе отдать должное ни верности Хеддла, ни комплименту от директора Фонда. Броня бесстрастности – теперь это было неотделимо от него. В стальном каркасе его амбиции стали весомее.

Когда ассистент ушел, Дункан взял стопку листов со стола и прошел через лабораторию, полную лаборантов, по длинному коридору в кабинет заместителя главного хирурга доктора Гейслера.

Анна склонилась над последней партией микрофотографий. Не поднимая глаз, она сказала озадаченно:

– Эти хромосомы демонстрируют совершенно явное деление.

– Это поучительно.

– Ты мог бы выказать побольше энтузиазма. – Изящными пальцами она повернула колесико тонкой настройки. – Если учесть, что они вот-вот подтвердят твою новую теорию.

Он ответил без улыбки:

– Я понял это вчера вечером, когда изучал слайды, на которые ты сейчас смотришь.

Выпрямившись, она откинула назад волосы.

– После двух лет изнурительной работы здесь мы собираемся создать эпохальную гипотезу регенерации нейронов, которая перестроит мою технику в хирургии нервов, а тебя поднимет на шесть ступеней в медицинской карьере. А ты...

– Ждешь, что я встану от счастья на голову?

Она всплеснула руками:

– Шотландский характер выше моего понимания! Делай все – не наслаждайся ничем!

Он посмотрел на нее со снисходительной отстраненностью:

– В эту программу наслаждение не входит. Когда я решил взять на себя это бремя, я знал, что делаю и куда именно направляюсь.

– Ой! У меня была глупая мысль, что ты можешь мне помочь.

– Не волнуйся. Какая разница, кто ведет нашу машину. Мы оба едем в одну и ту же сторону, – ответил Дункан.

– Спасибо, что успокоил. И что в той стороне?

Он пожал плечами:

– Через три года я стану первым медицинским консультантом в Эдинбурге. Я буду сам выбирать, кого лечить, впечатлять местных врачей общей практики, сокращать до минимума осмотры пациентов, на бегу выписывать рецепты. Я не буду знать – а зачем? – останутся ли мои пациенты в живых или умрут. Мне будут завидовать, восхищаться мной, бояться меня. Короче говоря, – его тон утратил насмешливость и приобрел твердость, – я стану знаменитым!

Глава 44

Она невольно воскликнула:

– О господи! И это тот полуголодный заморыш, который однажды назвал музыку Шумана мотивом? – Она нахмурилась. – Ты слишком преуспел здесь. Наш директор души в тебе не чает. То же самое с твоими ассистентами и ректором Инглисом, когда он приезжает в город. У тебя на лекциях вдвое больше студентов, чем у нашего дорогого доктора Овертона, хотя он старше тебя. Кстати, ты собираешься сегодня к его женушке на званый вечер?

– Полагаю, что загляну, – равнодушно ответил он.

– Я тоже, – сказала Анна. – Знаешь, я не испытываю к ней неприязни. Она весьма изменилась в лучшую сторону. Поначалу у меня вызывало смех то усердие, с которым она, такая веселая щебетунья, создавала свой маленький салон, намереваясь вознести мужа-красавчика к вершинам своих светских триумфов. Но теперь я не смеюсь. Я никогда не смеюсь, когда вижу несчастную женщину.

Дункан уставился на нее:

– Несчастливая женщина? Чепуха!

– Тебе не кажется, что двух лет достаточно, чтобы даже самая наивная невеста обнаружила, что она замужем за ничтожеством? Как ты думаешь, приятно просыпаться каждое утро, видеть его лицо эгоиста, этот рассеянный взгляд и думать: «Он не такой, каким я его себе представляла?»

– Что за бред ты несешь! – нетерпеливо сказал он.

– Бред? – Она насмешливо улыбнулась. – Но мы оба знаем доктора Овертона, не так ли?

– Он безвреден.

– Это он-то? Мой дорогой Дункан, берегись этого человека! Его зависть тебе равносильна болезни. И у него есть влиятельные друзья.

– Я уже берегся.

– Но в будущем, в ближайшем будущем... – Она многозначительно замолчала.

Засунув руки глубоко в карманы пиджака, он попытался понять, что она имела в виду. И вдруг спохватился:

– У меня лекция ровно через полминуты. Я не могу стоять здесь и гадать, как на магическом кристалле. Мы обсудим окончательные ревизии проб сегодня вечером.

Когда лекция закончилась, он отправился в свою клинику во внешнем крыле отделения. Перед его рабочим столом выстроилась длинная очередь, мужчины и женщины со всего графства из самых скромных слоев общества – их прислали врачи для каких-то специальных патологоанатомических исследований. Отличная репутация сделала это учреждение магнитом для подобных случаев. И все же в настоящее время эти люди были для Дункана не столько пациентами, сколько звеньями цепи, просто материалом, с которым он умело управлялся, крутясь, как белка, в колесе своих амбиций.

Сегодня он был более резок, чем обычно, – бегло просматривал карточки приема, сообщал необходимые детали своей секретарше, посылал ассистентов делать диагностические тесты.

Внезапно его охватило какое-то беспокойство. Он сделал паузу и невольно поднял голову. Сначала он не мог поверить своим глазам. Среди пациентов, ожидая своей очереди, стояла его мать.

Глава 45

Как будто во сне, он разобрался с теми, кто был до нее. И вот она встала перед ним, его собственная мать, протягивая ему направление от своего врача. Ни тени узнавания на спокойном, осунувшемся лице.

Осознав это, он чуть не утратил все свое самообладание. Вокруг были его ученики, полная пациентов приемная, его секретарша, переписывающая данные вот с этой карточки. Марта Стирлинг. Возраст – пятьдесят девять лет. Он резко развернул направление от врача.

Прочитав его, он не осмелился взглянуть на нее. Каким-то не своим голосом он произнес:

– Пожалуйста, пройдите в смотровую. Я сам вами займусь.

Пять минут спустя он вошел к ней в маленькую кабинку:

– Мама!

Она сидела на продавленном стуле, жалкая фигурка, с больничным одеялом на голых плечах. Но в ее глазах была прежняя непреклонная суровость.

– Меня сюда послал доктор Логан из Ливенфорда. Я бы не приехала, если бы знала, что это ты.

Она по-прежнему упрямо отказывалась от его забот, его денежной поддержки, его предложений помочь.

– Позволь мне узнать, что тебя беспокоит, мама? – поспешно сказал он. – Доктор Логан, похоже, сомневается в диагнозе.

– Он боится, что у меня рак.

Как всегда, она не стеснялась говорить начистоту.

Когда она медленно стянула одеяло, он замер при виде небольшой глубокой язвы. Охваченный дурным предчувствием, он спросил:

– Когда это началось?

– Я ударилась о комод шесть недель назад. Тогда я не обратила на это внимания. Но потом...

Он пристально смотрел на это поражение кожи с растущим страхом, что оно злокачественное.

– Я должен исследовать несколько клеток под микроскопом. Тогда будет ясно, является ли это чем-то плохим или вообще ничем. Ты понимаешь?

Она бесстрашно кивнула.

Он взял пузырек с хлорэтаном. Ему пришлось приложить усилия, чтобы его голос не дрогнул.

– Этот спрей – местный анестетик. Я не причиню тебе боли.

– Возможно, ты подумал, что уже и так причинил мне достаточно боли.

Она отстраненно наблюдала за ним – лицо ее было усталым, измученным, но спокойным, когда несколько мгновений спустя он окрасил образец ткани, а затем сунул его под микроскоп.

Его пальцы дрожали, когда он поворачивал колесико тонкой настройки – все расплывалось перед глазами. Наконец он разглядел скопление нормальных клеток. Его сердце колотилось. И все же он продолжал поиски, так и не обнаружив никаких признаков ужасных форм рака, пока с благодарной уверенностью не выделил группу стафилококков. Язва не была злокачественной, это оказалась простая инфекция, которую, несомненно, можно было вылечить.

Глава 46

Дункан так нервничал, что не осмеливался обернуться. Склонившись над микроскопом, он собрался с мыслями и наконец сказал:

– В общем, ничего серьезного! Нет там никаких новообразований.

Выражение ее лица почти не изменилось. Но она быстро выдохнула:

– Ты говоришь правду?

– Через месяц ты будешь совершенно здорова.

На мгновение показалось, что у нее приступ слабости. Затем, выпрямив свое худое тело, она снова взяла себя в руки.

– На все воля Божья. Я благодарна Ему за то, что он избавил меня от еще одного креста.

В жажде объясниться, он проигнорировал этот намек.

– Мама! Твое появление здесь трудно считать случайным. Как будто само Провидение хотело доказать нам обоим... – Он помолчал. – Разве то, что я смог сделать для тебя сегодня, ничего не значит?

– А разве это не мог сделать кто-то другой?

Он вздрогнул:

– Неужели ты никогда меня не оценишь? Вот он я, своими собственными усилиями, в самом известном медицинском институте страны, пробиваюсь к вершине – и все же, когда нас сводит судьба, когда я отменяю подозрение на смертный приговор, ты по-прежнему полна горького предубеждения против меня.

Она изучала его без всякого выражения.

– Я не впечатлена тем, что ты мне говоришь, и еще меньше тем, что я вижу. Вид у тебя неважный – и совсем не счастливый. Ты бледный и изможденный. У тебя морщины на лбу и легкая седина на висках. У тебя тяжелый, недовольный взгляд, как будто ты что-то искал и не смог найти.

– Но я найду это, – горячо сказал он. – Я на пути к вершине. И когда я буду там, я протяну руки и возьму все, что захочу.

– Какое это имеет значение? – Она накинула на плечи свое старое пальто. – Тридцать шиллингов в неделю или тридцать тысяч в год?носишь ты одежду из тонкого сукна или из домотканого твида? Главное – это когда на улице люди провожают тебя взглядом и говорят себе: «Вот идет прекрасный, достойный человек!»

Он уже собирался ответить, когда ширма в кабинке отодвинулась и появился доктор Хеддл с группой студентов за спиной.

– Там один случай, который вы должны посмотреть. Мы считаем, что там требуется полное серологическое исследование. Может, кто-нибудь из нас закончит за вас здесь?

Дункан покачал головой. Из-за того что рядом толпились его ученики, дальнейший разговор был невозможен.

– Я должен сейчас идти. У тебя нет никаких причин волноваться, – успокоил он свою мать.

Взяв блокнот, он быстро написал:

Приходи ко мне в шесть часов вечера в мои апартаменты, № 24, Принсес-Кресент. Ты все еще недооцениваешь меня. Я хочу твоей любви и уважения. Я хочу обеспечить твое будущее.

По привычке или из угрюмого упрямства он поставил подпись: «Дункан Стирлинг, доктор медицины».

В тот вечер, хотя Дункан долго и нетерпеливо ждал ее, она так и не появилась. В глубине души он знал, что она не придет, но тем не менее удар был жестоким. Горькое желание куда-нибудь сбежать – вот в основном то, что заставило его вспомнить о вечеринке Маргарет.

Глава 47

Была уже половина десятого, когда он поднялся по ступенькам дома Овертонов в одном из лучших районов Эдинбурга. Наверху, в гостиной, оформленной в кремовых тонах, было полно народу. Когда он вошел, Маргарет подбежала поприветствовать его.

– Дункан! – воскликнула она. – Я так рада. Я боялась, что ты не придешь.

Он попытался выглядеть веселым:

– Разве можно скучать по мне в такой компании.

– Можно! – тут же возразила она.

Она какая-то взвинченная, подумал он. Ее глаза были очень яркими, и под ними залегли слабые тени. В ней было что-то новое, беспокойное, провоцирующее, что могло бы участить пульс любого мужчины.

– Ты здесь всех знаешь, – сказала она.

Он равнодушно оглядел комнату, узнав около тридцати человек. Доктор Овертон в окружении гостей со стаканом в руке, миссис Инглис, профессор Ли из Фонда, полковник Скотт, молодой доктор Хеддл, Анна, несколько врачей из Уоллеса и несколько адвокатов из здания парламента.

– Не беспокойся, Маргарет. Я сам тут разберусь.

В этот момент прибыли еще двое гостей. Отходя от него, она тихо сказала:

– У нас будет возможность поговорить позже.

Он постоял немного, взял с подноса предложенный ему стакан виски с содовой. Хотя он терпеть не мог эти скучные, претенциозные вечеринки, он заставлял себя посещать их. Они были частью его нового существования, средством достижения цели, ступеньками на лестнице его амбиций.

Полковник Скотт, стоящий с миссис Инглис, дружески кивнул ему, когда он оказался рядом. Полковник, поседевший, похудевший с годами, выглядел озабоченным. Его, по слухам, участие в проекте строительства гидроэлектростанции Линтона, которое теперь наконец близились к завершению, по-видимому, сильно сказалось на его финансах и жизненной энергии. Возможно, осознание того, что его тревоги подходят к концу, придало его приветствию дополнительную живость.

– Добрый вечер, Стирлинг. Отлично выглядишь!

– Вы слышали новости? – спросила миссис Инглис. – Профессор Ли только что объявил о своей отставке.

Поначалу Дункан не понял, о чем речь. Затем его скуку как рукой сняло.

– Это официально?

– Вполне. Через три месяца у Фонда будет новый директор. С моей стороны как жены ректора было бы нескромно предсказывать, кто им станет.

Он сразу понял, кого она имела в виду. Ее благосклонность к Овертону ни для кого не была секретом! После женитьбы на ее племяннице он открыто стал ее протеже. Она торжественно улыбнулась Дункану, который не смог скрыть своей досады.

– Я думала, тебе понравится эта информация, – сказала она Дункану, уводя полковника с собой.

Он почувствовал на себе взгляд Анны, которая наблюдала за ним с другого конца гостиной. Не об этом ли она уже предупреждала его? Он должен был узнать больше, и как можно скорее. Он подошел к группе, окружавшей доктора Овертона.

Овертон выглядел возбужденным и слегка пьяным. Его покрасневшее и довольно дряблое лицо говорило о том, как много он всего наворотил в последние два года.

– Привет, Стирлинг. Слышал о животрепещущей теме?

- Слышал.
- Замечательная должность для кого-то, – вздохнул Хеддл.
- Будет много конкурентов, – заметил кто-то рядом с ним.
- Конкуренция должна быть ограничена, – авторитетно вмешался Овертон. – Во-первых, это место должен получить молодой человек.
- Примерно вашего возраста, – предположила Анна, выглянув из-за плеча Дункана.
- Раздался смех. Овертон демонстративно отхлебнул виски.
- Почему бы и нет? Я имею такое же право на это кресло, как и любой другой. Комиссии нужен кто-то с опытом работы. Будет справедливо, если предпочтение отдадут врачу из Фонда. Я старший преподаватель. И у меня квалификация врача первой категории.
- За этим заявлением последовало короткое молчание. Затем раздался голос Анны. Со странной задумчивостью она заметила:
 - И правда, если вы так говорите, у вас, похоже, довольно хорошие шансы, Овертон.
 - Ну... может быть, – нарочито поосторожничал Овертон. Он с улыбкой повернулся к Дункану. – Что ты об этом думаешь, Стирлинг?
 - Я твой гость сегодня. Я бы предпочел не говорить.
- Овертон покраснел:
 - Боишься высказать свое мнение?
- Дункан не вытерпел. Он сказал опрометчиво:
 - Я не думаю, что ты подходишь для этой работы, Овертон. Кресло должно принадлежать первоклассному врачу.
 - Так и будет, – сказал Овертон. – Кого бы ни предложила комиссия, у меня больше шансов.
 - Если это пари, – возразил Дункан, – я готов принять его.

Глава 48

Гости Овертона с удивлением уставились на него. Он понял, что этой неловкой сценой может разрушить свои почти верные шансы на место директора Фонда. Что-то невнятно буркнув, он поспешно отвернулся, чтобы снова наполнить свой бокал.

Небольшая группа вокруг Дункана рассеялась. Он чувствовал себя совершенно подавленным. Внезапно он ощутил прикосновение к своему рукаву. И, обернувшись, увидел рядом с собой Маргарет.

– Я все думала, когда ты вспомнишь о моем существовании, – улыбнулась она. – Пойдем выпьем чего-нибудь.

Он последовал за ней к пустой буфетной стойке, где Маргарет налила два бокала шампанского.

– Дорогой Дункан! Ты выглядел таким мрачным, а мог бы быть довольно забавным, если бы постарался.

– Я буду забавным, если выпью шампанского. Честно говоря, Маргарет, я не хотел бы смешивать напитки.

Но она не принимала возражений.

– Давай выпьем за будущее – и за нас! – В ее тоне был оттенок безрассудства.

Коснувшись края его бокала своим, она осушила бокал.

– Я пью и за прошлое, Маргарет, – будущее может оказаться довольно запутанным.

Она покачала головой:

– Нет-нет, Дункан. Впереди нас ждет много хорошего!

Она открыла дверь на маленький балкон.

– Давай для начала посмотрим на луну. Она почти полная и очень даже симпатичная.

Он последовал за ней с чувством беспокойства, которое усилилось, когда она закрыла занавеской дверь, отгородив их от всех на крошечном балконе высоко над безмолвным городом. Луна была поистине великолепна – огромный белый диск сиял за зубчатыми стенами замка, над глубокими тенями садов, примыкающих к Принсес-стрит.

Она вздохнула:

– Мы никогда прежде не смотрели на луну вместе, правда, Дункан?

– Правда, – сухо ответил он.

– Если бы смотрели, все могло бы сложиться совсем иначе.

– Да, могло бы, Маргарет.

– О, Дункан, я совершила печальную ошибку.

– Мне жаль, Маргарет, – с чувством неловкости ответил он, отводя от нее глаза и глядя в ночь. – Возможно, через какое-то время все наладится. Поначалу брак может быть трудным, но, когда два человека учатся уступать друг другу, они часто сближаются.

– Только не надо этих банальностей. Я достаточно натерпелась от своей тети. Почему я не могу сказать прямо? Я совершила ужасную ошибку.

Она с манящей, вызывающей откровенностью положила руку ему на рукав:

– Ты – вот кто был для меня настоящим. Именно ты! Это правда. Я поняла это только тогда, когда было уже слишком поздно.

Глава 49

Быстро, с ноткой раскаяния в голосе, она продолжила:

– Мой муж неплохой человек. Он умеет быть очаровательным, когда захочет. Полагаю, именно поэтому я вышла за него замуж. Но он такой эгоцентричный, такой поверхностный. Он хвастун и зануда. Когда он слишком много выпьет, он становится отвратительным. Кроме того, он не может оставить женщин в покое – я имею в виду, других женщин. Я поймала его на двух интрижках. И было что-то действительно серьезное – я так до конца и не выяснила – с медсестрой, еще до нашей женитьбы. – Она помолчала. – Мне нужен был кто-то глубокий, с реальной силой и возможностями. На самом деле мне все еще нужен такой человек, – тихо добавила она.

– Разве ты мне не говорила, что я опоздал со своими признаниями, Маргарет?

– А может, и нет? Может, и нет, Дункан? О, я не имею в виду очевидные вещи. Я буду продолжать притворяться ради моего отца. Но жизнь так коротка, что жаль тратить ее впустую. И честно говоря, Дункан...

Он заставил себя посмотреть на нее. Она стояла, прислонившись спиной к перилам, в мягко облегающем ее фигуру платье. Лунный свет придавал ее запрокинутому лицу вызывающую красоту. В ее глазах безошибочно читалось приглашение.

Все его прежнее желание к ней вдруг отступило. Наконец-то он увидел ее такой, какая она была – скусающей и избалованной женщиной, – и понял, чего на самом деле стоила ее притягательность. И все же в состоянии извращенного безрассудства он протянул руки и заключил ее в объятия. Она откинула голову и поцеловала его медленным, опытным поцелуем.

Внезапно и необъяснимо ее губы вызвали в нем ненависть к самому себе. Он грубо отстранил ее:

– Ты хоть понимаешь, что мы делаем, Маргарет?

– Об этом никто никогда не должен знать, – быстро ответила она.

– Маргарет, у меня нет времени на подобные вещи. Для меня женщины больше не существуют. Им не место в моей жизни.

Она улыбнулась, раздосадованная его сопротивлением, но уверенная в своей власти над ним.

– Там для меня должно быть место! О, Дункан, я чувствую, что моя собственная жизнь только начинается.

– Я так не могу, Маргарет, потому что когда-то любил тебя.

Ее голос зазвенел от недоверия:

– Ты хочешь сказать, что больше не любишь меня?

Склонив голову, он оставался недвижим.

– Мне очень жаль, Маргарет.

Никогда еще ее гордыня не была так оскорблена. Ее лицо вытянулось, черты заострились, в голосе внезапно прозвучала злоба.

– Пошли обратно. Мне холодно.

Глава 50

Дункан тут же покинул вечеринку. К своему крайнему недовольству, он обнаружил на крыльце готовую к отъезду Анну.

– Может, мне подбросить тебя по пути? – спросила она.

Все еще охваченный противоречивыми чувствами, он сказал:

– Я иду домой пешком.

– Тогда я тоже пойду пешком.

– Анна, хотя бы раз я могу предпочесть свою собственную компанию твоей?

– Тогда я составлю компанию самой себе.

Ее настойчивость привела его в ярость. Но ее нельзя было оттолкнуть. Хотя шел он быстро, она не отставала от него. И вскоре иронически заметила:

– Довольно приятный вечер, мой друг, с учетом очаровательной сцены на балконе.

Он проигнорировал ее.

Она продолжила невозмутимо:

– Но похоже, Ромео сваял дурака!

Он по-прежнему не отвечал.

– Я всегда думала, – размышляла она, – что мужчина в таких обстоятельствах должен, скажем так, пообедать, если он голоден, пусть и с риском получить на минутку моральное несварение.

Это было уж слишком. От минувшего дня, со всеми его разочарованиями, и вечера, со всей его подноготной, у Дункана осталось злое чувство вероломства и тщеты жизни.

– Ради бога, заткнись! – огрызнулся он.

– Мой дорогой доктор! Я просто выражалась метафизически, или, если тебе так больше нравится, биологически. Я наблюдала за тобой последние несколько месяцев. Вся эта твоя абстиненция приведет тебя к неприятностям – помимо того, что будет отрывать от работы. Почему бы тебе не пойти куда-нибудь и не выпить или хотя бы раз не сваять дурака? Особенно сейчас я хочу, чтобы ты был договороспособным существом, а не сплюсненным куском динамита, готовым взорваться в любую минуту.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду под «особенно сейчас»?

– Только то, чтобы ты подал заявку на кресло директора Фонда.

Он хрипло рассмеялся:

– Оно уже принадлежит доктору Овертону.

– Так и будет, если ты не подашь заявку. Послушай, Дункан, – с убеждением поспешила продолжить она, – ты молод, неопытен, но ты единственный человек в Фонде, обладающий подлинными способностями. Профессор Ли это знает. Кроме того, ты бы не хотел, чтобы это место досталось Овертону – он разрушит Фонд.

– Почему бы тебе самой не подать заявку?

– Они никогда не отдадут этот пост женщине. – Она постаралась скрыть свое возмущение. – Вот почему я завишу от тебя.

– Что ты ожидаешь получить за это от меня? – цинично спросил он.

– Вся возможности, которые даст мне дружба с директором. Новая операционная, пара ассистентов-исследователей и дополнительная палата для пациентов, на которых я проверяю новую технику нейромышечных операций.

– Не так уж много!

Она быстро возразила:

– Будешь мне доплачивать за мои профессиональные услуги для тебя?

– Опять будешь попрекать меня этим?

Помолчав, он ядовито заключил:

– У меня нет ни малейшего шанса. Но, так уж получилось, что я уже принял решение попытаться. Для этого у меня тысяча причин. В конце-то концов, это реальный шанс сразиться с Овертоном и противостоять его шкурным интересам. Я ему кое-что задолжал за эти долгие десять лет его высокомерия. Теперь я собираюсь вернуть должок.

Его слова внезапно преисполнились неподдельной яростью.

– Что это, если не грязная игра? Выиграть – это значит сбить соперника с ног и растоптать его. И его жизнь! Это просто грязная игра в «Разори моего соседа». Отлично! Я могу не хуже других сыграть в такую игру.

– А почему бы и нет? – воодушевленно воскликнула она. – Теперь ты понимаешь, что это значит? Ты станешь знаменитостью задолго до того, как ожидал этого.

Они подошли ко входу в дом, где у него были две узкие комнаты с высокими потолками, на одной из террас недалеко от Принсес-стрит. Он достал ключ.

– Я растроган твоей верой в меня, Анна. Еще одно слово, и я разрыдаюсь. Спокойной ночи.

Когда он повернул ключ в замке, она нетерпеливо спросила:

– Ты на этой неделе подашь заявление? Чем раньше, тем лучше.

– Черт побери! – ругнулся он. – Разве я не сказал тебе, что собираюсь бороться до конца? – И внезапно перешел на крик. – А теперь убирайся, пока я не захлопнул дверь перед твоим коварным носом!

– Но, Дункан... – Инстинктивно она заслонила рукой, вместо циничной улыбки на лице отобразилась гримаска сожаления.

В темноте он не мог разглядеть новую искру нежности в ее глазах. Он хотел только одного – уйти. Прежде чем она успела снова заговорить, он вошел в дом и тихо закрыл за собой дверь.

Глава 51

Следующая пятница выдалась знаменательной. По завершении всех дел Дункан вышел из помещения Фонда. В то утро он подал заявку на пост директора и теперь с целеустремленным видом повернул от Принсес-стрит к себе домой. Внезапно он остановился. По улице к нему приближался по-деревенски одетый человек.

– Хэмиш!

– Да, он самый, доктор!

Водитель из Страт-Линтона пожал протянутую руку Дункана.

Раскрасневшийся, в охвостях соломы на черном воскресном костюме с целлулоидной манишкой, в тяжелых, намазанных жиром ботинках, Хэмиш чувствовал себя неловко.

– Давненько я вас не видел, доктор, – стусевавшись, сказал он. – Поскольку я случайно оказался в Эдинбурге, то подумал, что мог бы вас навестить. Хотя вы теперь такая важная персона, у вас и времени нет на таких, как я!

– Глупости, Хэмиш, дружище! Я очень рад тебя видеть! Пойдем ко мне и выпьем чего-нибудь освежающего.

Сев на краешек стула и положив кепку на колено – в одной руке стакан чистого виски, в другой кусок шотландского песочного коржа, – Хэмиш провозгласил тост:

– За ваше здоровье, доктор!

– И тебе всего наилучшего, Хэмиш! – ответил Дункан. – Но давай рассказывай. Какие новости? Что ты делаешь в Эдинбурге?

– Ну, у меня было несколько дел. Походил по магазинам, купил разных лекарств и прочее. Дункан был озадачен.

– Я думал, ты покупаешь лекарства в Сент-Эндрюсе.

– Да, так оно и было, – машинально согласился Хэмиш. – Но теперь мы переходим в новую компанию. У них дешевле.

– О! – Дункан внезапно выпрямился.

– Кроме того, – запнулся Хэмиш, смущенный необходимостью дальнейших объяснений, – у меня были и другие дела, помимо закупки лекарств. У меня было несколько старых книг доктора Мердока на продажу!

– Что? – воззрился на своего гостя Дункан. Взяв с каминной полки трубку, он начал набивать ее. – Полагаю, в Страт-Линтоне все в порядке?

– Да-да, – поспешно сказал Хэмиш. – Мы продолжаем работать. Конечно, в последнее время хозяин немного сдал. Это нелегкая работа для семидесятилетнего человека.

– У него должен быть помощник.

– Помощник! – повторил Хэмиш, скривившись. – У него было четыре за шесть месяцев!

– Как это? – быстро спросил Дункан.

Хэмиш смущенно улыбнулся:

– От них не было никакого проку, они не хотели выезжать на ночные вызовы, отключали передачу в машине, давали не те лекарства. О, они буквально сводили хозяина с ума, пока он не взял и не вышвырнул их из дома. – Пауза. – У нас не было после вас никого подходящего, доктор.

Дункан яростно чиркнул спичкой:

– Ну, кто-нибудь наверняка подошел бы. Я знаю много способных молодых людей. Я выберу кого-нибудь и направлю к вам.

Виски развязало Хэмишу язык.

– Это бесполезно, доктор Стирлинг. Помощник не может брать на себя всю врачебную практику.

– Да ради бога! – Дункан повернулся и принялся расхаживать взад и вперед. – Почему нет?

– Дело в том, – глубоко вздохнул Хэмиш, – что теперь у нас конкуренция! Есть врач, которого взял Овертон. Его зовут Бейли. Он получает вызовы через сладкоречивого подрядчика. А у того под началом все тысяча двести рабочих на глиноземном заводе и гидроэлектростанции. Они вынуждены лечиться у Бейли – нравится он им или нет. Он человек компании! Вы же знаете, что старый доктор никогда не брал плату за лечение. Деньги шли от страховых взносов клиентов. А теперь у него не больше дюжины таких клиентов! Чтобы все шло правильно, должно быть какое-то равновесие, так я вам скажу!

Увидев всю эту картину, потрясенный Дункан буквально оцепенел.

– Ничего, мы победим, – сказал Хэмиш с напускным оптимизмом. – В любом случае я очень рад вас видеть, доктор. Мисс Джин просила меня передать вам, что, если вы окажетесь поблизости от Линтона, вам всегда будут рады.

При упоминании Джин Дункан еще больше напрягся. Он представил, как она борется с трудностями, встречая невзгоды с ясным и спокойным мужеством. Он понял, что никогда не переставал любить ее, но, поняв это, он вспомнил и другое.

– Полагаю, она по-прежнему встречается с молодым Эглем.

– Да, да! – энергично закивал Хэмиш. – Алекс постоянно бывает в доме. Он высокого мнения о ней. Последние два месяца он в Канаде. Но мы ожидаем, что он вернется к концу года.

– Смеею предположить, что тогда дела у Мердока пойдут на лад. А у Джин?

– Надо думать, что да, – доверительно улыбнулся Хэмиш. – Алекс, чтоб вы знали, хочет жениться на ней!

Глава 52

После ухода Хэмиша Дункан поразмышлял о незатейливых подарках, которые прислал ему Маккелви. Он вспомнил скромный дом лесника в ту снежную ночь, смертельно больную женщину, которую он спас.

Это было действительно как чудо. «Боже, – подумал он, – а что вообще я сделал с тех пор?»

Но какое теперь это имело значение – та драма в снегах? И почему его должны волновать мелкие неурядицы стареющего сельского врача? Он вычеркнул из своей жизни все эмоции. От этого зависела его будущая карьера. В любом случае успешный брак с богатым женихом разрешит проблемы Мердоков!

Через три дня после визита Хэмиша Дункан, закончив прием пациентов, впервые встретился с доктором Овертоном.

В понедельник, около половины первого, он вошел в кабинет Овертона с пачкой отчетов. – Вот результаты по трем твоим случаям, Овертон, – официально объявил он.

Оторвав взгляд от бумаг на столе, Овертон с сомнением посмотрел на Дункана и, решив пообщаться в манере любезной небрежности, сказал:

– Спасибо! Очень мило с твоей стороны, что захватил их. Кстати, Стирлинг! До меня дошли дикие слухи, что ты якобы претендуешь на кресло председателя. Это правда?

– Вполне, – коротко ответил Дункан.

– Знаешь, – сказал Овертон, – похоже, что нам с тобой, к сожалению, снова придется активно соперничать. – Он картинно пожал плечами. – В конце концов, один из нас должен пойти ко дну.

– Я ценю ход твоих мыслей!

– На самом деле, – продолжал как бы логически рассуждать Овертон, – мои мысли о тебе, Стирлинг. Почему бы тебе не остаться на посту, который так хорошо продвигает тебя вперед?

– И не опрокидывать тележку с яблоками?

– Вот именно. Мне кажется, что твои перспективы здесь, в твоей конкретной области, прекрасны. Так что если ты все обдумал и решил продолжать работать в своем отделе и не вмешиваться...

– То когда тебя сделают директором, ты дашь мне все мыслимые возможности и ключи от Царства Небесного! – с усмешкой закончил Дункан.

Овертон покраснел:

– Я лишь пытаюсь избавить тебя от неизбежного унижения.

– Я это приму!

– Ты примешь не только это чертово поражение! – Овертон задохнулся от гнева. – Когда я получу кресло, я прослежу, чтобы ты получил по заслугам! Ты будешь выворачиваться наизнанку, получая мои приказы.

– Я никогда не получал от тебя приказов и не думаю, что когда-либо получу!

– Это мы еще посмотрим! – крикнул Овертон, утратив всю свою осторожность. – Вот один для начала! Не пытайся заняться любовью с Маргарет. Так случилось, что она моя жена, а не твоя!

Глава 53

– Что именно ты имеешь в виду? – вскипел Дункан.

– То, что говорю. Ты уже несколько месяцев заигрываешь с ней!

– Хотя бы ради своей жены возьми свои слова обратно, Овертон!

– Будь я проклят, если сделаю это! – взорвался Овертон. – Твоя репутация насчет женщин всем известна! В Сент-Эндрюсе только и разговоров было, что о твоём романе с Анной! Думаешь, я настолько глуп, чтобы допустить подобное с моей женой?

Дункан сделал шаг к своему визави:

– Признайся, что ты лжешь, Овертон, или я вытряхну из тебя душу!

– Я не лгу! Маргарет сама мне сказала!

В этот момент в кабинет вошла Маргарет, спокойная и элегантная, прекрасно сознающая, какую сцену она прервала. Игнорируя Дункана, она лучезарно улыбнулась мужу:

– Ты придешь на ланч, дорогой?

Овертон вытащил носовой платок, вытер лоб.

– Да, Маргарет, я приду, если наш влюбленный друг не против!

Тут она как бы наконец заметила присутствие Дункана и, рассеянно кивнув, сказала:

– На самом деле, мой добрый дон Жуан, тебе следует обратить некоторое внимание на свой гардероб.

– Ты так считаешь, Маргарет?

– Да, именно так! – Она звонко рассмеялась. – Я не могла не отметить твой деревенский стиль, когда ты у нас был.

– Возможно, мне лучше больше не приходиться.

– Ну, я не думаю, что мы часто будем видеться этой зимой. Я планирую провести много развлекательных мероприятий в поддержку кандидатуры Йэна. И, учитывая обстоятельства, ты вряд ли захочешь быть там.

– Совершенно верно, – согласился Дункан.

Она поправила свою элегантную шляпку.

– Я так занята с тех пор, как появилась эта вакансия на пост директора! Все считают, что ее получит Йэн. Он такой популярный. Я уверена, что так и будет. Я готова помочь ему всем, чем смогу.

Слегка коснувшись руки Овертона, она вышла из кабинета. У Дункана не было возможности объяснить. Было ясно, что она выдала мужу свою версию случившегося на балконе. Он не сомневался, что теперь она заодно с Овертоном будет использовать все средства, чтобы дискредитировать его, Дункана, перед комиссией и профессором Ли.

Выйдя из канцелярии, он неожиданно столкнулся с дородной фигурой в котелке и плаще. Это был сам Честный Джо.

– Привет, привет! – весело воскликнул подрядчик. Он спешил и слегка запыхался. – Тебя-то я и ищу! Я приглашаю своего сына и его жену на ланч. Не хочешь присоединиться? – Он явно лебезил.

– Не сегодня, спасибо.

– Ну, я искренне сожалею. А можем перекинуться парой слов? Это займет не больше минуты! Слушай, доктор! Между нами случались недоразумения. Но я всегда был твоим другом. Помнишь наш разговор на плотине? Вот для чего я здесь. Я собирался приехать несколько месяцев назад. Я был так заморочен, что не имел и секунды свободного времени. Но теперь я приехал лично – чтобы предложить тебе должность, – он произнес это с торжественным видом, – врача и хирурга в Энергетической компании восточных графств.

– Я так понимаю, у вас уже есть врач, – ответил Дункан, растягивая слова.

– О да, есть! Доктор Бейли! Но совсем не твоего уровня. Теперь, с открытием Компании, мне нужен первоклассный врач. И я готов платить ему! Тысяча в год плюс все страховые взносы и, кроме того, пакет привилегированных акций Компании.

Этот новый поворот был настолько прозрачен, что казался оскорбительным. Достопочтенный Джо боялся, что он, Дункан, может помешать карьере сына. Вне себя от гнева, Дункан резко повернулся и вошел в свой отдел, оставив Честного Джо одного в безмолвии коридора.

Глава 54

К концу ноября общественное мнение отметило трех кандидатов как имеющих наибольшие шансы на успех. В порядке предпочтения ими были: доктор Овертон, британец Чиверс, профессор из Даремского университета, и Дункан.

Горячая дискуссия в Фонде и местном медицинском сообществе о том, кто в итоге будет выбран, перешла в городскую прессу, где предстоящие выборы были названы главным событием. Начали появляться фотографии Овертона, вкуче с фотографиями его жены, под такими напористыми подписями, как: «Главный претендент Фонда Уоллеса» и «Доктор и миссис Овертон достойны представлять Фонд». Деньги Честного Джо были в работе.

Вскоре после этого пропагандистская кампания приняла более сомнительный характер. В широко читаемой колонке сплетен в «Ивнинг трибьюн» появился внушительный абзац под заголовком: «Доктор Лотарио!»⁴ Намек на близкие отношения Дункана и Анны снова породил в Сент-Эндрюсе волну сплетен.

Дункан кипел от злости, но заставил себя не обращать на это внимания. Когда в следующий понедельник клевета в еще более скандальной форме была повторена в «Морнинг Аргус», он отнес газету Анне.

– Я должен что-то сделать!

Он ходил взад и вперед по комнате, пока она читала заметку.

– Надо опровергнуть это! Разгромить редакцию! Устроить Овертону самую настоящую взбучку!

– Мой дорогой Дункан, ты помнишь некую замечательную пачку писем? А если забыл, я освежу твою память.

Она отперла бюро и протянула ему пачку писем с голубой лентой. Это были те самые письма, которые Овертон писал медсестре Доусон.

– Нет, Анна! Мы не можем ими воспользоваться. Это подлый прием. Я и раньше от этого отказывался.

– Раньше в этом не было необходимости! Ты готов позволить, чтобы твое имя полоскали по всему городу, и не собираешься дать сдачи? Говорю же, что это Провидение дало нам письма в руки. Мы помолчим, позволим охмурить Комиссию гадкой сплетней, а потом – в последнюю минуту – бабахнем этой бомбой прямо на чаепитии!

– Господи! – сказал он. – Какое смертоубийство!

– Я могла бы даже вызвать медсестру Доусон. Я следила за ней. Она сейчас работает в больнице Глазго! Она не питает нежных чувств к дорогому доктору Овертону.

Он медленно сжал ее руку:

– Началось, Анна! Я же говорил, что увяз в дерьме по уши! Я буду ковыряться в нем вместе с остальными.

С этого дня он пошел в атаку на всех фронтах, чтобы обеспечить себе шансы. Активность его отделения возросла, а сам он работал с утра до вечера. В декабре он опубликовал в «Медицинском журнале» свою вторую монографию «Регенерация нейронов», получившую высокую оценку.

И все же он отказывался почивать на лаврах. Ненавидя сухую формальность этих исследований, он тем не менее на пределе сил провел новое исследование: «Патология нарушений мышечной координации». И, целиком отдавшись ему, опубликовал отчет в «Анналах науки».

⁴ *Лотарио* – синоним ловеласа.

Глава 55

Однажды дождливым декабрьским днем, когда стемнело, а свет и тепло были заперты опущенными жалюзи внутри самого помещения, Дункан поднял глаза от испытательного стенда на кафедре и обнаружил, что за ним наблюдает профессор Ли.

– Простите, сэр, – извинился Дункан. – Я не слышал, как вы вошли.

– Не извиняйтесь! Я пришел только для того, чтобы пригласить вас на ужин.

– На ужин! – изумленно повторил Дункан.

– У меня дома, сегодня вечером, ровно в восемь часов. – Глаза старика блеснули. – Я понимаю, что в последнее время вы редко бываете на вечеринках. По крайней мере, я не видел вас в доме миссис Овертон.

– Да, сэр, – потупился Дункан.

– Странновато для такого ловеласа, как вы, а, Стирлинг? – лукаво улыбнулся профессор. – Неплохую репутацию создают вам в местной прессе.

Лицо Дункана вспыхнуло.

– Ну что ж! – Профессор тихонько потер ладони. – Сегодня вечером в моем доме не будет женщин – только мужчины. Я хочу, чтобы вы познакомились с членами Комитета Фонда. Доктор Инглис, которого вы уже знаете, и судья Лензи, профессор Брандт, доктор Гибсон и я будем там.

Невозможно было неправильно понять значение такого приглашения, благожелательность Ли.

– Это очень любезно с вашей стороны, сэр! Я, конечно, польщен! Я приду!

– Хорошо! – кивнул профессор. – Предупреждаю вас, что будет очень любопытно услышать ваши ответы на некоторые недавние обвинения. Приготовьтесь красиво лгать!

– Я предпочту говорить правду, сэр.

Ли усмехнулся:

– Кстати, вчера вечером я прочитал вашу вторую монографию. Могла бы быть и похуже.

После его ухода Дункан так и остался стоять у скамьи возле стенда, обуреваемый радостными мыслями. Он едва расслышал, как дверь снова открылась и вошла Анна, в плаще и шляпке.

– Ты не забыл, что мы сегодня идем на оперу?

– Тебе придется пойти одной, Анна, – спокойно сказал он. – Я занят.

Слегка нахмурившись, она присела на край скамьи.

– Дункан, – сказала она с ноткой раскаяния, с той странной озабоченностью, которая в последнее время проскальзывала в ее отношении к нему, – я знаю твое мрачное упорство, твою шотландскую решимость. Но, друг мой, когда я подталкивала тебя к нашей цели, я не хотела, чтобы ты убивал себя. Мертвый ты мне не нужен!

– Не волнуйся, я очень даже живой!

– У тебя впалые щеки и... да, инея на висках больше чем достаточно. Ты не делаешь никаких физических упражнений. Даже если ты не пойдешь в оперу, тебе следует заняться каким-нибудь спортом – гольфом, теннисом...

Ее смущенный, почему-то по-матерински звучащий голос затих.

Он исподлобья посмотрел на нее, гадая, что на нее нашло:

– Гольф! Теннис! О боже! Нет, Анна, у меня на уме более важные вещи. – Он бросил на нее испытующий взгляд. – Например, ужин с профессором Ли!

– Что? – привстала она.

– Директор был здесь пять минут назад. – Дункан помолчал. – Он был довольно мил – пошутил по поводу рекламной кампании нашего друга. А потом пригласил меня поужинать с Комитетом!

Никогда раньше он не видел ее такой взволнованной. Ее голос дрожал.

– Ты хоть понимаешь, что это значит? – Она чуть не утратила контроль над собой. – Все это ясно как божий день! Ли хочет, чтобы ты стал его преемником. Я всегда знала, что ты ему нравишься. Если ты правильно разыграешь свои карты... – Она повысила голос. – Они обязательно начнут тебя пытаться насчет клеветнической кампании. Доведи их любопытство до предела. Когда после ужина перейдут к вину, ты с видом крайней неохоты достань из кармана письма Овертона!

Он мрачно кивнул:

– Да, сам Бог велел.

– Grüß Gott!⁵ – ликовала она. – Хотела бы я видеть их лица. Это будет настоящий фурор! Считай, что ты уже в кресле!

– О, замолчи, Анна! – резко сказал он. – Я еще не там.

Но он не мог заставить ее замолчать. Она возбужденно говорила, поздравляя его, расхаживая взад и вперед по лаборатории. Однако он в конце концов избавился от нее и вернулся к своей работе.

⁵ Бог в помощь! (нем.)

Глава 56

Когда Дункан добрался до дома, у него оставалось еще свободных полчаса. Затем нужно будет одеться и снова выйти под проливной дождь. Сидя с бокалом спиртного в мягком кресле перед уютным камином, он взял вечернюю газету. Рассеянно переворачивая страницы, он неожиданно в разделе последних новостей наткнулся на заметку «Катастрофа в Страт-Линтоне».

Сегодня днем наводнения, вызванные недавними проливными дождями, привели к несчастью с человеческими жертвами на недавно построенной плотине гидроэлектростанции Восточных графств. В результате натиска на плотину разлившегося озера погибли пятеро и были ранены семеро. В ходе работ по извлечению пострадавших из-под завала, продолжавшихся более часа, доктор Мердок, которого вызвали на место происшествия в помощь доктору Бейли, врачу компании, был сбит и придавлен упавшим блоком каменной кладки. Считается, что его травмы серьезные.

Потрясенный, Дункан дважды перечитал колонку. Он мысленно вернулся в тот первый вечер, когда сельский доктор приветил его, а затем быстро окинул взором десять последующих лет дружбы и вражды. Мердок, раздавленный упавшим блоком каменной кладки, серьезные травмы...

Дункан вскочил. Он забыл о званом ужине у Ли. Все, кроме мысли о пострадавшем Мердоке, вылетело у него из головы. Он взглянул на часы. Его машина стояла в гараже неподалеку. Если повезет, он сможет быть в Линтоне к девяти часам.

Дождь усилился, превратившись в ливень, и, когда Дункан мчался по дороге, вода отлетала влево и вправо от его автомобиля двумя высокими волнами. Повсюду в размытом свете фар он видел последствия продолжительных дождей на затопленных полях, переполненные канавы, ревущие высоко под мостами реки.

Благодаря этой безрассудной гонке его напряжение вроде бы ослабло. Он приближался к своей цели. Вдруг из темноты фары выхватили желтый шлагбаум поперек дороги, рядом с которым стоял человек, отчаянно сигналивший ему. Только чудом Дункан успел вовремя затормозить.

Патрульный подошел к окну машины в своей залитой дождем желтой непромокаемой экипировке.

– Как это можно вести машину в такую ночь? Поворачивайте назад. Дальше ехать нельзя!

– Почему? – глядя на светящийся фонарь патрульного, спросил Дункан.

– Дорога на Страт-Линтон затоплена. Плотину может прорвать в любую минуту.

Дункан не протестовал, но, пока патрульный говорил, он молча включил передачу. Машина рванулась вперед, расколов деревянный барьер, – его обломки разлетелись в стороны.

Трасса, хотя и сильно затопленная, не была непроходимой. Инстинктивно Дункан включил радио на приборной панели. Сразу же он услышал новость, которую искал.

– Угроза Страт-Линтону, – произнес бесстрастный голос диктора, – более серьезная, чем предполагалось вначале. Нет никаких признаков прекращения дождя, и трещина в новой плотине гидроэлектростанции на озере Лох-Линтон, похоже, расширяется. Спасатели уже на месте. Хотя ситуация остается под контролем, согласно заявлению, опубликованному господином Джозефом Овертоном и другими должностными лицами компании, все транспортные средства удалены из этого района, и в качестве меры предосторожности жителям долины рекомендовано временно покинуть свои дома. – Голос зазвучал более строго. – Только что поступила сводка, в которой сообщается, что число погибших в настоящее время составляет пят-

надцать человек. Доктор Мердок из Страт-Линтона, который, спасая раненого, оказался под упавшей каменной кладкой, получил более серьезные травмы, чем было первоначально объявлено. Есть подозрения, что его жизнь в опасности.

Глава 57

Дункан вдавил педаль газа в пол. Машина с ревом понеслась дальше. В десяти милях от конечного пункта он свернул на знакомую боковую дорогу, миновав два фермерских фургона, нагруженных домашним скарбом. Еще пять миль, и он оказался в деревне Линтон. Остановил машину напротив дома доктора и выскочил наружу. Дождь обрушился на него сплошной стеной. Улица была пустынна.

Ретта, в пальто и шляпе, впустила его.

– Ретта! Где доктор Мердок?

Она подняла дрожащее, залитое слезами лицо:

– Его оставили на заводе, доктор Стирлинг.

– Тогда где мисс Джин?

– Она тоже там. – Горничная всхлипнула. – Все покинули деревню. И я тоже уйду.

Она поспешила вниз по улице.

Дункан остался в промозглой ночи на безлюдной улице. Вдруг из-за угла вынырнула худосочная одинокая фигура. Дункан закричал с облегчением, узнав припозднившегося:

– Маккелви!

– Доктор Стирлинг!

– Господи! Я рад вас видеть, дружище! – Дункан схватил его за руку. – Я должен добраться до завода!

– Это невозможно, – решительно ответил Маккелви. – Дорогу размыло.

– Но я должен. Разве вы не знаете, что там Мердок. Я должен добраться до него, должен!

Маккелви почесал свой острый мокрый подбородок.

– Ну, – сказал он наконец. – По дороге вам не добраться. Но возможно, только лишь возможно, есть шанс, что я доставлю вас через гору.

Они сели в машину, и Дункан включил зажигание. Маккелви направил его по незнакомому маршруту, извилистому и каменистому, который шел на подъем по восточному склону холмов, затем поворачивал налево. На полпути вверх они остановились – дальше было не проехать. Маккелви вылез из машины и, не говоря ни слова, пошел вперед.

Они пробирались через мокрый сосновый лес и прибитый дождем подлесок, лезли через скалы, то карабкаясь на них, то соскальзывая по влажным каменистым склонам.

Задыхаясь и в кровь исцарапав руки, они наконец достигли вершины. Заслонив лицо от ветра с мокрым снегом и прищурившись, Дункан увидел в полутьме, что они достигли берега озера Лох-Линтон. Они обошли опасную зону и добрались до дальнего берега.

Маккелви, сложив ладони рупором, прокричал, перекрывая шум волн, перекатывающих береговую гальку:

– Где-то здесь лодка!

Пройдя сотню ярдов вдоль берега, они нашли плоскодонную рыбацкую лодку, которую болтало и раскачивало у причала. Зайдя в воду, они сели в лодку, и Маккелви отчалил. Каждый взял по веслу.

Глава 58

Дункан греб что было сил чуть ли не с чувством облегчения. На озере было беспокойно, волны хлестали в нос лодки. Вокруг стояла серая тьма.

Лесник, не выпуская своего весла, время от времени оборачивался, с тревогой пригнувшись к встречному ветру, проверяя направление. Они гребли уже довольно долго, когда вдруг Маккелви замер, а затем еще сильнее налег на весло.

– Слышите? – спросил он.

Сквозь шум волн Дункан услышал низкий рокот водопада.

– Это плотина, – со странной озабоченностью объявил Маккелви. – Да поможет нам Бог не попасть в этот поток.

Повернув нос лодки под углом к ветру, они из последних сил заработали веслами. Рев в ушах звучал все громче. Но внезапно, когда он стал невыносимым, лодка уткнулась в невидимый берег, и Маккелви, выпрыгнув, расправил свои мощные плечи и вытащил лодку на сушу.

На близком горизонте за полуостровом, окаймлявшим маленькую бухту, стояло неясное зарево. Вместе с Маккелви Дункан поспешил к нему по невысокому гребню берега. Перед ними, на возвышенности рядом с заводом, в тусклом багровом свете батареи керосиновых факелов, предстала сцена, от которой у Дункана перехватило горло.

На заднем плане виднелись голые строения глиноземного завода с новой электростанцией и скоплением складов и контор. Вокруг административного здания собралась толпа рабочих и деревенских жителей – черные неподвижные фигуры. Впереди была плотина, изогнутое сооружение из бетона, с высокими опорными укреплениями.

Через открытые шлюзы плотины неслись, бурля и дымясь, потоки воды, устремляясь в темноту долины, и туда же, переливаясь через верхний край плотины, обрушивался сплошной водной стеной двестифутовый каскад.

Но там был и новый, более зловещий выход для озера – широкий зазубренный пролом в гладкой поверхности плотины, менее чем в тридцати ярдах от ближайшего берега. Через него, продолжая отрывать куски бетона от краев, с поистине дьявольской силой хлестала вода.

Дункан, исполненный тревоги за Мердока, устремился вперед, когда толпа зевая в едином порыве издала вопль. Обернувшись, Дункан успел стать свидетелем финального катаклизма.

На его глазах трещина в непрочной стене стала медленно расширяться, как будто плотину разрывали невидимые руки великана. Целые бетонные блоки взметнулись в воздух, как огромные снаряды, выпущенные из гигантской пушки. Плотина на этом участке медленно покачнулась, оползла и обрушилась. А затем, как модель из папье-маше, все сооружение вздрогнуло, зашаталось, выпятилось наружу и наконец превратилось в ничто под бурлящим водопадом освобожденного озера.

– Боже милостивый! – выдохнул Маккелви. – Это как Страшный суд.

На мгновение Дункан остолбенел. Затем он яростно протолкался сквозь толпу к административному корпусу завода.

За занавешенными окнами виднелись огни и движущиеся тени. Дункана пробил дрожь, и, коснувшись двери, он на мгновение заколебался. Затем ему представилось, как вошел бы сам Мердок. Он поднял голову и открыл дверь.

В приемной находилось несколько должностных лиц компании. Там были Скотт, преподобный Симпсон, адвокат Леггат – его старые враги из Ливенфордского совета. А в центре за своим столом сидел Честный Джо, съездившийся, сломленный. Когда Дункан вошел, он растерянно поднял поникшую голову. Одного взгляда, которым обменялись оба, было достаточно,

чтобы Дункан прочел стыд и крах в глазах поверженного. И – жалкий ужас игрока, который поставил на кон человеческие жизни и проиграл.

Дункан направился к комнате за дверью в глубине приемной. И там наконец обнаружил старого доктора из Страт-Линтона.

Глава 59

Мердок лежал на спине на кушетке в центре комнаты, укрытый грубым коричневым одеялом. Рядом с этой импровизированной койкой стояла Джин – бледная, осунувшаяся, без слез. По другую сторону – моложавый мужчина в темном пиджаке и полосатых брюках. Видимо, Бейли, врач компании, решил Дункан.

Он на цыпочках подошел к кушетке. Лицо старого доктора, обычно такое красное, было землистого цвета. Он был без сознания, и его неподвижность внушала ужас. Под шеей у него была подложена небольшая подушка с песком. Увидев эту подушку, Дункан посмотрел на доктора и тихо сказал:

– Я доктор Стирлинг из Эдинбурга. Это... это позвоночник?

Доктор Бейли, чье встревоженное лицо с расплывчатыми чертами свидетельствовало о пережитом за день, удрученно кивнул в знак согласия.

– Ему на спину повалились камни. – Он вздрогнул. – Перелом шейного позвонка. Вывих бедра. Еще сломано несколько ребер. Всем костям досталось. Я думаю, что у него внутреннее кровоотечение.

– Что вы предприняли?

– Все, что мог. – Молодой врач настолько устал, что почти не имел сил объясняться. – Горячие бутылки, – пробормотал он. – Неподвижность. Его нельзя шевелить, иначе пострадает спинной мозг. Что еще можно сделать? Он почти ушел.

Дункан испытал шок, увидев, что глаза Мердока открылись. Искра юмора промелькнула в них, когда старик с трудом прошептал:

– Не изменяй своему inferнальному характеру из-за доктора Бейли. Он прав. Я уже довольно далеко ушел.

– Не говорите так!

– Умиравший может говорить то, что он хочет, – продолжал Мердок. – Ты, конечно, видишь, дружок, что этот старый Адам знал лучшие времена.

Поникшие плечи Джин затряслись от загнанного внутри рыдания. Она отвернулась.

– Тихо, тихо, девочка. Это на тебя не похоже. Здесь слишком темно. Дай мне руку, моя милая, и не плачь.

Дункан подался вперед:

– Боже всемогущий, старина! Ты не имеешь права так сдаваться! Джин! Отпусти руку отца. Отпусти, говорю. И оставь нас с ним наедине.

Девушка встала и, спотыкаясь, вышла из комнаты.

Дункан немедленно опустился на одно колено там, где она стояла. Он наклонился к уху Мердока и заговорил резко и нетерпимо:

– Мердок! Что ты нюни распустил, как женщина? Где твое мужество? Ты меня слышишь?

– Оставь меня в покое, парень, – пробормотал Мердок.

– Я ни за что не оставлю тебя в покое! – рассердился Дункан. – Ради бога, приди в себя.

С этими словами он откинул одеяло и быстрыми, опытными движениями рук прощупал израненное тело Мердока. По крайней мере, Бейли поставил верный диагноз.

Пока его пальцы медлили, уже во второй раз задерживаясь на сломанном позвонке у основания спинного мозга, его сознание, работая с отчаянной скоростью, оценивало шансы на успех, цепляясь за ту нить жизни, которая еще не порвалась.

Глава 60

Дункан знал, даже без напоминания доктора Бейли, насколько опасно изменять положение тела Мердока. Одно неосторожное движение, и острые края позвонка разорвут спинной мозг, что приведет к мгновенной кончине.

Помощь следовало оказать здесь и сейчас, в этой деревянной конторе, без квалифицированных медсестер, препаратов и оборудования современной операционной. Возможности медицинской техники были безжалостно исключены. Все, что осталось, – это возможности человека.

Дункан решительно поднялся на ноги: он понял, как поступить. Прежняя врожденная тяга к целительству вернулась к нему, а вместе с ней и похороненная убежденность в этом своем даре. Внутренним взором он увидел, как склоняется над старым доктором и производит разные манипуляции: ставит на место обломки кости, высвобождает истерзанные спинномозговые нервы, выправляет раздробленные кости, убирая это смертельное давление на спинной мозг. Он быстро повернулся к Бейли.

– У вас здесь есть обезболивающее? Дадите мне? – Он наклонился над раненым. – Я ужасно рискую, Мердок. – Затем, помолчав, добавил с жестокой серьезностью: – Будете сопротивляться? Или позвольте мне потерпеть неудачу?

На лице старого доктора появилось призрачное подобие улыбки. Он прошептал:

– Я всегда клял тебя за то, что ты гробишь пациентов. Вспомни... когда я не проснусь... что я был прав.

Глава 61

Пять недель спустя ясное январское солнце выглянуло из-за гор и осветило пробуждающую жизнь деревни Страт-Линтон. Прочные, построенные из камня жилища устояли. Следы паводка на побеленных стенах, несколько поваленных заборов, уже ремонтируемые разбитые окна и сорванные ставни, промоина на проезжей части дороги, рядом с которой стоял паровой каток, – это были единственные оставшиеся следы ужасного наводнения.

«Все будет хорошо», – подумал провост⁶ Дугал, когда, высунув бороду в приоткрытый дверной проем, принялся и предусмотрительно одобрил наступившее утро.

Мимо проходил такой же высокопоставленный чин, управляющий Мюррей. Двое мужчин встретились сдержанно, без приветствий, и пошли по середине улицы.

Сначала они не разговаривали: молчание в этих северных широтах – признак избранности. Но вскоре провост заметил:

– Я прочел в сегодняшней утренней газете «Геральд», что наш друг, Честный Джо, объявил о своем банкротстве.

– Да! – управляющий, мужчина чуть помоложе провоста, не мог скрыть своего удовлетворения. – На данный момент с ним покончено, труп! Да помогут Небеса тем, кто вложил в это дело.

– Я всегда утверждал, что его плотина обречена, – заметил провост. – И все же, – добавил он с присущей ему пронизательностью, – я не говорю, что приличная плотина, построенная заслуживающим уважения солидным концерном, не принесла бы пользы графству, при условии, что она никак не связана с вонючим глиноземным заводом. У нас могла бы быть и красота, и польза. – Он сделал выразительную паузу. – На самом деле я могу сказать вам, управляющий, что такой план находится в разработке. Сэр Джон Эгль, его сын, министр и еще несколько человек объединились, и ко дню Святого Мартина будет объявлено о создании новой частной компании.

– Вот это да! – воскликнул управляющий. – Эх, господа, верно сказано – все приходит к тому, кто умеет ждать.

Когда они проходили мимо «Линтон армз», их осанка заметно изменилась. Провост печально посмотрел на усыпанный соломой участок дороги, который лежал перед ними, а управляющий бросил взгляд через дорогу на наполовину занавешенные окна дома доктора. Здесь мужчины остановились.

Управляющий понизил голос:

– Жалюзи еще не опущены. Досталось ему, бедняге Мердоку.

– Он лежит там больше месяца, – сурово сказал провост. – Я никогда не забуду, как его вынесли с завода – он был без чувств, привязанный к носилкам.

– Говорят, он неделями не открывает глаз. Он просто лежит там в ступоре. Боже милостивый, как жалко, что все так затянулось.

Пока они стояли и смотрели на окна, к ним присоединились школьный учитель, почтальон, старая мисс Белл в выцветшей накидке, ковыляющая открывать свой магазин. Вскоре собралась небольшая и молчаливая группа местных.

– Он столько спас в свое время, – сокрушался священник. – Тяжело видеть, как он уходит в таком состоянии.

Мисс Белл мрачно покачала головой:

– По-моему, это жестоко – продлевать агонию таким образом.

⁶ Провост – глава города, поселка в Шотландии.

– Да, – согласился управляющий. – Пожалуй, было бы милосердней дать ему уйти, и все дела.

– Не нам судить об этом, управляющий, – возразил провост. – Доктор Мердок был хорошим другом деревни Линтон. И Бог заберет его, когда и как того пожелает.

Провост медленно покачал головой, что послужило всем знаком расходиться. Попрощавшись кивком, каждый пошел по своим делам.

Глава 62

Внутри этого безмолвного дома с его гнетущей тишиной открылась дверь, и из комнаты больного вышел Дункан. Он был небрит, а под глазами от усталости залегли глубокие морщины. Почти всю ночь он провел у постели Мердока, где минуту назад его сменила Джин. Ночные бдения, помимо всего прочего, до крайности измотали его.

Он оперся рукой о стену и уронил голову на грудь. Как он гордился тем, что после долгих манипуляций в деревянной конторе ему удалось вправить сломанные кости и сохранить искру жизни в Мердоке! Как ужасно было свидетельствовать наступление этой фатальной и стойкой комы, из которой, казалось, ничто, кроме смерти, не могло вывести раненого.

Пять мучительных, бесконечных недель он безвыездно провел в Линтоне. Где-то в отдалении была его другая жизнь – Эдинбург, работа в Фонде, все его обязанности и возможности, – однако главным для него сейчас было состояние Мердока. Каково же было осознавать, что все возможное и невозможное, сделанное им, чуть ли не напрасно.

В тишине дома раздался приглушенный телефонный звонок. Дункан услышал крадущиеся шаги Ретты, которая пошла ответить. Он вздохнул, с усилием выпрямился и спустился по лестнице.

– Что, Ретта? Вызов?

– Нет, доктор. Это снова из Эдинбурга. Без конца звонят. Но я отвечаю, как вы велели – говорю, что вас нет.

Он кивнул:

– Совершенно верно. Если снова позвонят, скажи им то же самое.

В то утро обход был легким. В нынешних обстоятельствах, поскольку доктор Бейли уволился и вся практика снова перешла к Мердоку, за медицинской помощью обращались только в самых серьезных и неотложных случаях.

Когда Дункан оказал помощь последнему за день пациенту, хозяйка дома проводила доктора до двери. Она посмотрела на него с выражением глубокой озабоченности на простодушном деревенском лице, а затем задала привычный вопрос:

– Как там сегодня доктор Мердок?

Дункан машинально ответил уклончивой фразой:

– Ничего нового.

– Скажите мне, доктор, как вы думаете, ему станет лучше?

Что-то заставило его быть откровенным.

– Сомневаюсь, – сказал он. – Хотя, видит Бог, я делаю все, что в моих силах.

– Мы это знаем, доктор, – уважительно кивнула она. – И поверьте мне, для нас этого достаточно.

Пока он ехал в деревню, эта поддержка со стороны сельчан оставалась с ним, теплая и утешительная – маленький тайный просвет во мгле его отчаяния.

Глава 63

Было уже больше часа дня, когда он вернулся. У дома Мердока стояла большая, закрытая, взятая напрокат машина. Его рот сжался в сердитую линию. Он знал, что это значит, еще до того, как вошел в дом: в маленькой операционной с окнами во двор сидела в нетерпеливом ожидании Анна и курила сигарету.

Он спокойно поздоровался с ней.

– Итак, Анна, я вроде говорил тебе не приезжать. После всех этих телеграмм и телефонных звонков мне казалось, что ты все поняла.

– Но ты не отвечаешь на телеграммы! И игнорируешь телефонные звонки! – Она сердито раздавила сигарету в пепельнице. – Разве можно винить меня за то, что я желаю получить несравненное удовольствие от разговора по душам?

Дункан пожал плечами, затем подошел к маленькой аптечке в углу. Стоя там у крошечного лабораторного стола с треснувшей раковиной, он начал составлять из нескольких ингредиентов, лежавших на полках, простые лекарства, которые этим утром прописал своим пациентам. Казалось, эта картина лишила гостью остатков самообладания.

– Дункан! – воскликнула она. – Ты что, совсем спятил – разливаешь разноцветную водичку в этой жалкой конуре, когда мог бы работать в своей собственной лаборатории?

– В этой разноцветной водичке есть ингредиент, о котором ты понятия не имеешь.

– Какой ингредиент? – огрызнулась она.

– Вера, – тихо ответил он.

Она с яростью и презрением уставилась на него:

– Ты сошел с ума! Ставишь под угрозу всю свою карьеру ради того, чтобы продавать мифы наивным сельским пациентам.

– Может быть, – резко перебил он ее. – Но так получилось, что у меня есть еще один пациент, там, наверху.

– Знаю. Видела его. Да, не надо так смотреть! Я взяла на себя смелость провести осмотр в твоё отсутствие. И скажу тебе, ты напрасно тратишь время.

Он вздрогнул, как будто она вынесла ему смертный приговор:

– Это, разумеется, твоя точка зрения.

– Это непредвзятая, научная точка зрения. У него отек головного мозга. Этот бедный старик наверху годится только для церковного двора. И вся вера, которую ты можешь в него вложить, этого не изменит.

– Какое ты имеешь право так говорить?

– Право ученого, который является твоим другом. О, я знаю, что ты сделал, – выправил позвоночник, поддерживаешь его жизнь искусственным питанием, наблюдаешь за ним день и ночь. Это похвально. Но это бесполезно, совершенно бесполезно. Лучшее, что ты можешь для него сделать, – это выйти из дома и заказать ему надгробие.

Рука, державшая мерный стакан, чуть дрогнула.

– Ты жестокая женщина, Анна.

– Можем ли мы быть другими в моей и твоей работе? – Ее голос завибрировал. – Послушай меня! И попытайся взглянуть на вещи здраво – хотя бы сейчас. Глупо было упустить прекрасную возможность поужинать с Комиссией. Но твоё отсутствие в отделении последние пять недель, перед выборами, и в результате оказаться на задворках – это самоубийство. Мне нет нужды рассказывать, как Овертон воспользовался этим. Я старалась изо всех сил, объяснялась с профессором Ли, просила Комиссию учесть твоё эмоциональное состояние, пока не устала этим заниматься. Теперь, – она сделала паузу, – объяснения больше не нужны. Завтра кандидаты проходят собеседование. Это до тебя дошло? Письмо у тебя в комнате. Выборы состоятся

завтра днем в три часа. – Она акцентировала каждое слово, как будто наставляла ребенка. – Ты должен... ты должен быть там. Завтра в три часа в Фонде.

Глава 64

Дункан закупорил пузырек с лекарством, наклеил на него этикетку и поставил на полку.
– Конечно, я попытаюсь, – тихо сказал он. – Но я не могу твердо обещать, что буду там, поскольку меня обязательно задержат и завалят делами. А ты знаешь, что я решил довести этот случай до конца, как вел бы сам Мердок, – до самого конца.

Она яростно прикусила губу.

– До конца? Я же тебе сказала, что это бесполезно. От тебя, квалифицированного патологоанатома...

Он резко обернулся:

– Во врачевании есть определенные вещи, которых не найдешь в пробирке для опытов. И одна из них: не бросать своего пациента – пока он жив.

– Ты сентиментальный дурак! – Такой злой он ее еще не видел. – Если уж ты затронул эту тему, то разве ты мне ничего не должен? Ты, с твоей верой, надеждой и милосердием, с твоим представлением о благодарности! Почему бы тебе не заплатить мне за то, что я для тебя сделала?

Он медленно произнес:

– Я скорее верну тебе свою руку, чем брошу Мердока.

Внезапно ее гнев испарился.

– И это все, что ты хочешь мне сказать, Дункан? После всех наших лет вместе?

Он непонимающе уставился на нее.

– Я имею в виду, – запнулась она, – зачем нам вообще ссориться? Это больно!

– Странно слышать такое от тебя.

– Возможно, я странная женщина. Ты не представляешь, насколько странная – я даже сама не знаю. Ты думаешь, что я сильная. Видит Бог, за последние месяцы я стала слабее даже твоей глупой Маргарет.

Она опустила глаза, затем внезапно снова подняла их, наполненные неудержимой тоской.

– Иногда мы насмехаемся над тем, к чему больше всего стремимся. Но приходит время, когда мы уже не можем отрицать очевидное, когда больше не в силах затапывать огонь. Мы уже давно вместе, Дункан. Мы оба биты жизнью. У нас есть общая цель – мы связаны друг с другом. Дункан, я отчаянно завишу от всего, что с тобой происходит. Я... – ее голос дрогнул, – ты мне очень нравишься. Разве мы не могли бы что-нибудь придумать для нашего будущего? О, какую кашу я заварила! Но ты много значишь для меня. И конечно же, я тоже должна что-то для тебя значить.

Он отвел взгляд и с трудом произнес:

– Я ценю твою дружбу больше, чем все, что у меня осталось.

На мгновение она замерла. Затем встала и завоzilась с застежками своего плаща. Ее лицо снова стало спокойным и бесстрастным.

– Что ж, закончим этот разговор. Обещаю больше его не возобновлять. Но завтра ты приедешь. Это решено. У нас еще есть кое-что – письма медсестре Доусон.

Он покачал головой:

– Нет, Анна. Я ими не воспользуюсь.

Казалось, она чуть было снова не взорвалась напоследок.

– Завтра у нас будет достаточно времени. Я встречу тебя в Фонде. В три часа. Не забудешь?

– Нет. Но я, возможно, не приеду.

– Приедешь, – сказала она. – Ты слишком амбициозен, как и я, чтобы упустить шанс, который выпадает раз в жизни. До свидания – до завтра.

Она кивнула со своей прежней твердостью, с тем же гипнотическим блеском в глазах, и вышла из дома.

Глава 65

На следующее утро Дункан проснулся с мучительным чувством тревоги. Его комната была рядом с комнатой Мердока, и по привычке, едва открыв глаза, он прислушался к звукам в соседней комнате. Он слышал, как медсестра из местных сменила дежурившую ночью Джин. Охваченный смутным беспокойством, он вскочил с постели, побрился и быстро оделся. Рано утром ему предстояло отправиться к очень серьезно пострадавшему пациенту в лесничестве Россдху, в тридцати милях отсюда. Но сначала он зашел к Мердоку.

Сестра Гордон, коренастая женщина средних лет в выцветшей синей форме, с простым, деловитым лицом, отмеченным десятью годами медицинской службы в графстве, уже почти закончила утренний уход за больным. Она прошептала:

– Сегодня ему не очень хорошо, доктор. Во всяком случае, я думаю, что он слабеет.

Дункан пощупал пульс Мердока и произвел обычный осмотр. То, что она сказала, было правдой. Он просмотрел медкарту, которую она положила на стол, и записал свои инструкции.

Спустившись, он кое-как позавтракал, а затем поспешил в гараж, завел машину и уехал.

В глубине души он знал, почему так нуждался в каких-то срочных и отвлекающих делах. Это было отчаянное желание убежать – от себя, от Мердока, от кризиса, в котором они оба оказались.

Когда он вернулся, в холле его встретила Джин, опрятная в своем сером платье, со свежим, несмотря на бледность, лицом и темными тенями печали под глазами.

Удивленный, что она не в постели, хотя не спала всю ночь, он при виде ее почувствовал, как больно сжалось его сердце. Теперь он знал без всяких сомнений, что любит ее. Наконец-то это было настоящим, непоколебимым и бесповоротным. Но ее отношения с молодым Эглем не давали ему покоя.

– Почему ты не отдыхаешь?

Ему пришлось взять себя в руки, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Я ничуть не устала. – Она изобразила бодрую улыбку. – Возможно, я прилягу, когда сестра Гордон вернется к часу дня. Я думала, мы поедем пораньше.

Аппетита у него не было. Когда он наконец справился с курятиной, Джин предложила ему гроздь винограда.

– Попробуй, – попросила она. – Сэр Джон Эгль прислал это из своих собственных теплиц.

Он покачал головой. Больше, чем когда-либо, фамилия Эгль вызвала у него волну неприязни. Он с иронией подумал, что цветы и фрукты, которые посылал сэр Джон, совершенно бесполезны для лежащего без сознания Мердока.

– Очень вкусный виноград. – Джин выглядела разочарованной, оттого что он не захотел попробовать. – Мы многим обязаны сэру Джону.

– Не смею возразить, – с горечью признал он и добавил: – Но я не хочу быть у него в долгу.

– Мне жаль. У него добрые намерения. – Она поколебалась, затем заставила себя продолжить: – Он сказал мне, что позаботится о медицинской помощи отцу, если тебе придется уехать.

Он уставился на нее, ошеломленный тем, что она, вероятно, знала о его тайных терзаниях.

– Ты же не можешь оставаться здесь вечно. Мы очень благодарны за все, что ты сделал. – Ее улыбка едва напомнила ту ее обычную, яркую. – А сейчас, похоже, от тебя уже мало что зависит.

Для него все стало ясно как божий день – причина ее нервозности, ее вымученное бодрствование. Вчера с ней поговорила Анна, и Джин открывала для него ворота, ворота свободы.

Едва эта мысль вспыхнула у него в мозгу, как раздался стук в дверь и в комнату с кепкой в руке вошел Хэмиш.

– У меня тут ваш чемодан, доктор Стирлинг. Положить его в машину?

– Оставь его пока в холле, Хэмиш.

Дункана потрясло сознание того, что в ближайшие несколько секунд он должен принять решение, которое определит все его будущее.

Глава 66

Хэмиш вышел, а Дункан пристально посмотрел на Джин. Хотя он прекрасно понимал, что она бескорыстна, он испытывал темное желание причинить ей боль.

– Очень мило с твоей стороны спланировать прощальный банкет с помощью Эглей.

– Я хотела, чтобы ты успел добраться до Эдинбурга к трем. – Голос ее дрожал.

Он не мог остановиться:

– Очень предусмотрительно, учитывая, что я не особо отличился в случае с твоим отцом. Я потерпел неудачу. И ты знаешь, что я потерпел неудачу.

Она прошептала:

– Но я уже говорила тебе, что...

– Что ты хочешь избавиться от меня, – резко перебил он ее. – Что ж, смею предположить, что ты права. Я тебя не виню.

Он не понимал, что заставило его причинить ей боль. Он никогда не любил ее так сильно, как в этот момент. После нескольких недель дежурств у постели отца, после ночей и дней, полных надежд и страхов, в ней было что-то странно детское. Но он продолжал, несмотря ни на что:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.